

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

6

1968

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь—Декабрь

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян,
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова,
С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. глав. редактора), В. Н. Чернецов

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Ю. И. Семенов

ЛЬЮИС ГЕНРИ МОРГАН: ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

(К 150-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Никогда еще 1818 год не был так тесно связан в нашем сознании с именем Карла Маркса, как сейчас, когда все прогрессивное человечество только что торжественно отметило 150-летие со дня рождения величайшего мыслителя, основоположника научного коммунизма, вождя мирового пролетариата. Но этот год вошел в историю общественных наук как год рождения не только Маркса. 21 ноября 1818 г. по ту сторону океана, в США, появился на свет человек, с которым Маркс никогда лично не встречался и не сталкивался, о существовании которого ему стало известно лишь в самые последние годы жизни, но имя которого тем не менее навсегда и теснейшим образом оказалось связанным с именем основоположника марксизма. Этим человеком был Льюис Генри Морган, автор «Древнего общества» — книги, которой классики марксизма дали самую высокую, можно даже сказать восторженную, оценку.

«Относительно первобытного состояния общества, — писал Ф. Энгельс в 1884 г. — существует книга, имеющая *решающее* значение, такое же решающее, как Дарвин в биологии; открыл ее, конечно, опять-таки Маркс: это — Морган, «Древнее общество», 1877 год. Маркс говорил об этой книге, но я тогда был занят другим, а он к этому больше не возвращался; он, очевидно, был доволен таким оборотом дела, потому что, судя по очень подробным выпискам из этой книги, *сам* хотел ознакомить с ней немцев»¹. Замысел, выполнить который Марксу помешала смерть, осуществил его верный друг и соратник.

«Нижеследующие главы, — подчеркивает Ф. Энгельс в предисловии к первому изданию своего классического труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства», — представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах я могу сказать нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»².

Великую заслугу Моргана перед наукой классики марксизма видели прежде всего в открытии им первоначальной основы доклассового общества, его исходной ячейки. Как впервые убедительно было показано великим американским ученым, ею является материнский род. «Это вновь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 97.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25.

сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории,— писал Ф. Энгельс,— такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии... Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука...»³.

Чем глубже знакомился Ф. Энгельс с «Древним обществом», тем больше пробуждался у него интерес к автору одного, по его словам, «из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху»⁴. Человек, сумевший сделать не только одно из крупнейших открытий XIX в. в области конкретных наук, но и самостоятельно прийти к материалистическому пониманию истории, и наконец, закончить свой труд коммунистическими выводами по отношению к современному ему буржуазному обществу, не мог быть заурядной личностью. Однако скольконбудь полно удовлетворить свой интерес к Моргану Ф. Энгельс так и не смог, хотя и пытался. «На обратном пути из Нью-Йорка,— писал он в предисловии к четвертому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства»,— в сентябре 1888, я встретился с бывшим депутатом конгресса от Рочестерского избирательного округа, знавшим Льюиса Моргана. К сожалению, он мог рассказать мне о нем немного. Морган жил в Рочестере как частное лицо, занимаясь лишь своей научной работой. Брат его, полковник, служил в Вашингтоне, в военном министерстве; при содействии брата ему и удалось заинтересовать правительство своими исследованиями и издать несколько своих работ на государственные средства; мой собеседник в то время, когда он был депутатом конгресса, тоже, по его словам, неоднократно хлопотал об этом»⁵.

Мы находимся сейчас в лучшем положении, чем Ф. Энгельс. Уже к началу 1930-х годов был накоплен значительный материал к биографии Л. Моргана, состоявший в основном из воспоминаний, очерков, статей разных лиц, а в 1931 г. к пятидесятилетию со дня смерти великого ученого в Чикаго вышла первая фундаментальная работа, посвященная его жизни и деятельности,— книга Б. Стерна «Льюис Генри Морган. Социальный эволюционист»⁶.

Каким именно представал перед читателями Л. Морган во всех этих воспоминаниях, очерках, книгах, можно наглядно видеть на примере опубликованной в 1933 г. брошюры М. О. Косвена «Л. Г. Морган. Жизнь и учение» — первой и пока единственной на русском языке работы о великом этнографе. Основное внимание М. О. Косвен обращает на анализ учения Моргана, уделяя его биографии всего лишь две страницы. Но они интересны тем, что содержат квинтэссенцию всего того, что было написано о личности Моргана за предшествующие полвека.

Мы узнаем, что «после окончания колледжа в 1840 г. Морган занимался изучением права и в 1844 г. вступил в адвокатуру, поселившись в г. Рочестере. Со временем он приобрел хорошую практику, специализировавшись главным образом по железнодорожным делам. В 1855 г. Морган сам сделался участником компании по постройке железной до-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 223.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 225.

⁶ B. J. Stern, Lewis Henry Morgan. Social evolutionist, Chicago, 1931.

Ю. И. Семенов

ЛЬЮИС ГЕНРИ МОРГАН: ЛЕГЕНДА И РЕАЛЬНОСТЬ

(К 150-летию со дня рождения)

Никогда еще 1818 год не был так тесно связан в нашем сознании с именем Карла Маркса, как сейчас, когда все прогрессивное человечество только что торжественно отметило 150-летие со дня рождения величайшего мыслителя, основоположника научного коммунизма, вождя мирового пролетариата. Но этот год вошел в историю общественных наук как год рождения не только Маркса. 21 ноября 1818 г. по ту сторону океана, в США, появился на свет человек, с которым Маркс никогда лично не встречался и не сталкивался, о существовании которого ему стало известно лишь в самые последние годы жизни, но имя которого тем не менее навсегда и теснейшим образом оказалось связанным с именем основоположника марксизма. Этим человеком был Льюис Генри Морган, автор «Древнего общества» — книги, которой классики марксизма дали самую высокую, можно даже сказать восторженную, оценку.

«Относительно первобытного состояния общества,— писал Ф. Энгельс в 1884 г.— существует книга, имеющая *решающее* значение, такое же решающее, как Дарвин в биологии; открыл ее, конечно, опять-таки Маркс: это — Морган, «Древнее общество», 1877 год. Маркс говорил об этой книге, но я тогда был занят другим, а он к этому больше не возвращался; он, очевидно, был доволен таким оборотом дела, потому что, судя по очень подробным выпискам из этой книги, *сам* хотел ознакомить с ней немцев»¹. Замысел, выполнить который Марксу помешала смерть, осуществил его верный друг и соратник.

«Ниже следующие главы,— подчеркивает Ф. Энгельс в предисловии к первому изданию своего классического труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства»,— представляют собой в известной мере выполнение завещания. Не кто иной, как Карл Маркс собирался изложить результаты исследований Моргана в связи с данными своего — в известных пределах я могу сказать нашего — материалистического изучения истории и только таким образом выяснить все их значение. Ведь Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад и, руководствуясь им, пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»².

Великую заслугу Моргана перед наукой классики марксизма видели прежде всего в открытии им первоначальной основы доклассового общества, его исходной ячейки. Как впервые убедительно было показано великим американским ученым, ею является материнский род. «Это вновь

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 97.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25.

сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории,— писал Ф. Энгельс,— такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии... Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука...»³.

Чем глубже знакомился Ф. Энгельс с «Древним обществом», тем больше пробуждался у него интерес к автору одного, по его словам, «из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху»⁴. Человек, сумевший сделать не только одно из крупнейших открытий XIX в. в области конкретных наук, но и самостоятельно прийти к материалистическому пониманию истории, и наконец, закончить свой труд коммунистическими выводами по отношению к современному ему буржуазному обществу, не мог быть заурядной личностью. Однако сколько-нибудь полно удовлетворить свой интерес к Моргану Ф. Энгельс так и не смог, хотя и пытался. «На обратном пути из Нью-Йорка,— писал он в предисловии к четвертому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства»,— в сентябре 1888, я встретился с бывшим депутатом конгресса от Рочестерского избирательного округа, знавшим Льюиса Моргана. К сожалению, он мог рассказать мне о нем немного. Морган жил в Рочестере как частное лицо, занимаясь лишь своей научной работой. Брат его, полковник, служил в Вашингтоне, в военном министерстве; при содействии брата ему и удалось заинтересовать правительство своими исследованиями и издать несколько своих работ на государственные средства; мой собеседник в то время, когда он был депутатом конгресса, тоже, по его словам, неоднократно хлопотал об этом»⁵.

Мы находимся сейчас в лучшем положении, чем Ф. Энгельс. Уже к началу 1930-х годов был накоплен значительный материал к биографии Л. Моргана, состоявший в основном из воспоминаний, очерков, статей разных лиц, а в 1931 г. к пятидесятилетию со дня смерти великого ученого в Чикаго вышла первая фундаментальная работа, посвященная его жизни и деятельности,— книга Б. Стерна «Льюис Генри Морган. Социальный эволюционист»⁶.

Каким именно представал перед читателями Л. Морган во всех этих воспоминаниях, очерках, книгах, можно наглядно видеть на примере опубликованной в 1933 г. брошюры М. О. Косвена «Л. Г. Морган. Жизнь и учение» — первой и пока единственной на русском языке работы о великом этнографе. Основное внимание М. О. Косвен обращает на анализ учения Моргана, уделяя его биографии всего лишь две страницы. Но они интересны тем, что содержат квинтэссенцию всего того, что было написано о личности Моргана за предшествующие полвека.

Мы узнаем, что «после окончания колледжа в 1840 г. Морган занимался изучением права и в 1844 г. вступил в адвокатуру, поселившись в г. Рочестере. Со временем он приобрел хорошую практику, специализировавшись главным образом по железнодорожным делам. В 1855 г. Морган сам сделался участником компании по постройке железной до-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 223.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 26.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 225.

⁶ B. J. Stern, Lewis Henry Morgan. Social evolutionist, Chicago, 1931.

роги, затем одним из директоров этой дороги, а также акционером железных рудников... Морган не принадлежал к типу нарочитых стяжателей, типу money makers, «делателей денег». Однако, действуя через посредство одного такого финансиста, он, не без осторожности, вкладывал свои средства в разные предприятия и с течением времени нажил довольно крупное состояние... Морган был — внешне, по крайней мере — ревностным приверженцем пресвитерианской церкви и вместе с тем ярким ненавистником католицизма. Одним из его самых близких и долготетних друзей был пастор, преподаватель колледжа, Мак-Ильвен, оказывавший на Моргана большое влияние... Политическая деятельность Моргана была кратковременной и довольно неудачной. В сессию 1861 г. он был выбран членом нижней палаты штата Нью-Йорк, но ничем себя не проявил. В 1868 г. был избран сенатором, но уже в следующем году забаллотирован. В своей политической ориентации он держался скорее правого направления... Не чужд был Морган делу народного образования... Морган умер 17 декабря 1881 г. в Рочестере... Такова канва жизненного пути Моргана. Если бы это было все, что можно сказать о Моргане, перед нами была бы жизнь крупного американского буржуа, почти ничем не отличающегося и не выдающегося над уровнем своего времени и своего класса. Но Морган прожил еще одну, другую, особым путем прошедшую жизнь — жизнь научного исследователя и искателя⁷.

Приведенная выше характеристика Моргана как человека отличается от содержащихся в книге Б. Стерна и других работах, пожалуй, лишь тем, что в последних нет никаких оговорок относительно религиозности Моргана. Если М. О. Косвен допускает возможность, что рьяная приверженность Моргана к церкви была лишь внешней, то Б. Стерн категорически утверждает, что великий ученый всю жизнь считал христианство высшей истиной, что религия всегда была одним из его первейших интересов и соответственно доминировала над всеми его научными исследованиями, которые он так никогда и не смог освободить от теологической основы⁸.

Утвердившееся за первые пятьдесят лет представление о Моргане как типичном американском буржуа XIX в., преклонявшемся перед капитализмом как лучшей из общественных систем, придерживавшемся весьма умеренных политических убеждений и уж во всяком случае далекого от каких бы то ни было революционных идей, является господствующим в американской науке и в настоящее время. Яркое выражение оно нашло в выступлениях ряда американских ученых на состоявшемся на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (август 1964 г.) симпозиуме по проблеме «Учение Л. Г. Моргана о периодизации первобытного общества в свете современной этнографии»⁹.

Но если действительно все обстоит именно так, то естественно возникает вопрос, каким же образом умеренный либеральный буржуа, да к тому же еще и ревностный христианин, смог подняться до материалистического понимания истории, как согласовать приписываемую Моргану приверженность к капитализму, как лучшей из всех систем, с тем фактом, что он «не только подверг цивилизацию — общество товарного производства, основную форму нашего современного общества, — такой

⁷ М. О. Косвен, Л. Г. Морган. Жизнь и учение, Л., 1933, стр. 5—7.

⁸ В. J. Stern, Указ. раб., стр. 1, 22.

⁹ См. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, М., 1967, стр. 457—458, 505 и др.

критике, которая заставляет вспомнить о Фурье, но и высказался о грядущем преобразовании этого общества в таких выражениях, которые мог бы произнести Карл Маркс»¹⁰.

Большинство зарубежных этнографов и социологов отвечают на этот вопрос просто: Морган, по их мнению, никогда не был материалистом вообще и уж тем более он не придерживался и даже близко не подходил к материалистическому пониманию истории. Что же касается положения Ф. Энгельса о том, что Морган заново открыл материалистическое понимание истории, то оно, по их мнению, является либо результатом добросовестного заблуждения, либо намеренной фальсификацией. Так, например, уже Б. Стерн замечает, что труды Моргана, бывшего членом нового класса капиталистов и закрывавшего вследствие этого глаза на положение рабочих, не заслуживают тех толкований, которые дает им Ф. Энгельс, пытающийся найти в них что-то сходное со взглядами К. Маркса¹¹. Но наиболее решительная попытка опровергнуть материалистический характер воззрений Моргана на общество была предпринята в последнее время американским этнографом М. Оплером¹².

Он категорически утверждает, что из-за книги Ф. Энгельса ученые слишком долго смотрели на Моргана через кривые линзы материализма и детерминизма, в результате чего они имеют довольно смутное представление о его действительных взглядах¹³. «Но я,— пишет М. Оплер,— настаиваю, что нет никакого интеллектуального родства между Марксом и Морганом и что Морган не был материалистом в своей философии»¹⁴. «Философски говоря,— добавляет он,— я нахожу очень мало Моргана в Энгельсе и вовсе ничего от Энгельса в Моргане»¹⁵.

Буржуазные ученые пытаются любым способом сгладить впечатление от замечательных слов Моргана о том, что «гибель общества должна стать конечным результатом исторического поприща, единственной целью которого является богатство, ибо такое поприще содержит в себе элементы собственного разрушения. Демократизм в управлении, братство в общественных отношениях, равенство в правах, всеобщее образование будут характеризовать следующий высший социальный строй, к которому неуклонно стремятся опыт, разум, знание. Он будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов»¹⁶. Так, например, американский социолог Э. Констаас стремится доказать, что, говоря о следующем, высшем строе, который придет на смену современному, характеризующемуся погоней за собственностью и богатством, Морган имеет в виду не что иное, как... капитализм. Аргументация ее проста: будучи богатым капиталистом и буржуазным либералом, Морган заведомо не мог быть ни материалистом во взглядах на историю, ни сторонником какого-либо другого строя, кроме буржуазного. «Короче,— говорит она,— личные ценности Моргана были те, что и всякого либерала XIX в.: демократия в управлении, братство в обществе, равенство в правах и привилегиях и всеобщее образование для мужчин и женщин. Как Морган, богатый капиталист, либеральный патриот, член

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 225.

¹¹ B. J. Stern, Указ. раб., стр. 183.

¹² M. E. Opler, Integration, evolution and Morgan, «Current Anthropology», vol. 3, № 5, 1962; Reply by Morris E. Opler, «Current Anthropology», vol. 5, № 2, 1964.

¹³ Reply by Morris E. Opler, p. 112.

¹⁴ Там же, стр. 110.

¹⁵ Там же, стр. 112.

¹⁶ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 329.

местного отделения пресвитерианской церкви в течение всей своей жизни, защитник и капитализма и роли идей в истории — как этот Морган был бы изумлен, если бы увидел свои воззрения, представленные как материалистические, а «Древнее общество» включенным в основополагающую литературу марксизма»¹⁷.

Показать всю несостоятельность интерпретации, данной Э. Констас приведенному выше высказыванию Моргану, не составляет большого труда. Глубокий анализ «Древнего общества» не может не привести любого добросовестного исследователя к выводу, что Л. Морган фактически исходил в своих исследованиях из материалистического понимания, хотя его исторический материализм и был не сознательным, как у Маркса и Энгельса, а стихийным и поэтому непоследовательным, какое обстоятельство используют М. Оплер и Э. Констас¹⁸. Однако от их работ нельзя просто отмахнуться. Они лишний раз заставляют задуматься над резким противоречием между утвердившимся представлением об общественном лице Моргану и глубиной его научных открытий и выводов. Наличие этого противоречия не могли не заметить прогрессивные американские этнографы. Вот, например, что пишет Э. Ликок во введении к первой части вышедшего под ее редакцией издания «Древнего общества»: «Гуманист, либерал, временами даже борец против предрассудков, Морган тем не менее никогда не был революционером. Это ставит его в довольно странное, можно даже сказать курьезное, положение, ибо его материалистическая теория истории столь близка к той, которую создали Маркс и Энгельс, что «Древнее общество» было использовано как основа для энгельсовского «Происхождения семьи, частной собственности и государства». И вообще многое в работе Моргану тяготеет к социалистической ориентации. Он осуждает цивилизацию, всецело погруженную в «погоню за собственностью» и его прекрасное, полное силы высказывание, в котором он предрекает, что «человеческий ум возвысится до господства над собственностью», цитируется в заключении энгельсовской книги»¹⁹.

Но, констатируя наличие противоречия, Э. Ликок не дает ему никакого объяснения. А оно необходимо. Морган, каким он предстает во всей рассмотренной выше литературе, каким его считает и Э. Ликок, действительно — и в этом права Э. Констас — просто не смог бы прийти ни к материалистическому пониманию истории, ни к восхитившим Маркса и Энгельса выводам относительно капиталистического общества. Но неоспорим факт, что он к ним пришел. И объяснение может быть тут только одно: Льюис Генри Морган, автор «Древнего общества», не был таким, каким его изображают. Утвердившееся представление об общественном лице Моргану, несмотря на всю его кажущуюся вследствие бесконечного повторения очевидность, есть не что иное, как легенда. И оно действительно является легендой, причем такой, создание которой диктовалось определенными классовыми интересами.

Как ни пытались авторы воспоминаний, очерков, книг о Моргане представить последнего в виде дюжего люберального буржуа и истинно

¹⁷ «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4, стр. 457—458.

¹⁸ Подробнее о характере морганистского материалистического понимания истории см. нашу статью «Учение Моргану, марксизм и современная этнография», «Сов. этнография», 1964, № 4, а также выступления на симпозиуме по Моргану, опубликованные в «Трудах VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 4.

¹⁹ См. L. H. Morgan, *Ancient society*, Edited with an introduction and annotations by E. B. Leacock, Cleveland and New York, 1963, p. IVI.

верующего христианина, однако приводимые ими же самими факты нередко свидетельствовали о прямо противоположном. А за последние тридцать пять лет, прошедших после выхода в свет работы М. О. Косвена, были введены в научный оборот новые материалы, которые заставляют совсем по-иному взглянуть на Моргана. Огромная заслуга в этом принадлежит американскому прогрессивному этнографу Л. Уайту, посвятившему изучению жизни и деятельности Моргана почти сорок лет. Им были впервые опубликованы «Извлечения из дневника путешествия Льюиса Генри Моргана по Европе», полевые дневники Моргана, а также другие материалы²⁰. Одновременно Л. Уайтом было написано значительное число работ, посвященных жизни и научной деятельности Моргана. Особого внимания заслуживает опубликованная им в 1944 г. статья «Позиция Моргана по отношению к религии и науке», в которой Л. Уайт раз и навсегда покончил с легендой о религиозности великого ученого²¹.

Не подлежит сомнению, что Морган сопровождал жену, отличавшуюся религиозной экзальтированностью, на церковную службу. Действительно, среди его близких друзей числился пастор Мак-Ильвен, усиленно претендовавший на роль духовного наставника Моргана, его идейного руководителя. Но именно Мак-Ильвену мы обязаны совершенно прямыми и недвусмысленными свидетельствами о полном неверии Моргана. Как совершенно определенно явствует из писем Мак-Ильвена к Моргану, 30 лет своего знакомства он потратил на то, чтобы убедить ученого хотя бы один раз публично признать себя христианином, но все его усилия так и не увенчались успехом.

В этом отношении характерно его письмо к Моргану от 19 октября 1875 г., написанное спустя двадцать пять лет со дня начала их знакомства: «Я так до сих пор и не знаю, каких же именно взглядов Вы придерживаетесь на жизнь после смерти. Вы столь отпугивающе замкнуты на сей счет даже с Вашими лучшими друзьями (а это является большим пороком), что никто ничего не знает об этом. Значение всего этого таково, что я самым серьезнейшим образом желал бы увидеть Вас покорно верующим во Христа, признающим Христа до того, как мы умрем. И подлинным горем для меня является, что все до сих пор обстоит иначе»²². «Я очень боюсь,— пишет он Моргану 17 июля 1879 г.,— что пустые скептические авторы, с которыми мы оба знакомы, вытравили в Вас простую веру в Христа»²³. «Я желал бы,— читаем мы в его письме, написанном в самом конце 1879 г.,— иметь лучшие свидетельства того, что Вы верите во Христа»²⁴.

В своей речи, произнесенной над гробом Моргана, Мак-Ильвен задался целью создать впечатление, что Морган всегда всецело находился под его идейным влиянием и соответственно придерживался антиматериалистических и антидарвинистских позиций. Однако это находилось в таком противоречии с фактами, что выдержать до конца эту линию он

²⁰ «Extracts from the European travel journal of Lewis Henry Morgan», Ed. by L. A. White, «The Rochester Historical Society Publications», vol. XVI, Rochester, New York, 1937; L. A. White, (ed.), *Pioneers in American anthropology. The Bandelier-Morgan Letters, 1873—83*, 2 vols, Albuquerque, 1940; Lewis H. Morgan's, *Journal of a trip to Southwestern Colorado and New Mexico, 1878*, «American Antiquity», vol. 8, № 1, 1942; L. H. Morgan. *The Indian journals, 1859—1862*, Ed. by L. A. White. Ann Arbor, 1959.

²¹ L. A. White, *Morgan's attitude toward religion and science*, «American Anthropologist», vol. 46, № 2, 1944.

²² См. L. A. White, Указ. паб., стр. 225—226.

²³ Там же, стр. 226; B. J. Stegn, Указ. паб., стр. 22.

²⁴ L. A. White, Указ. паб., стр. 23—24.

так и не смог. Он никак не мог уйти от того обстоятельства, что ближайшими и интимнейшими друзьями Моргана были «скептические ученые», с которыми он состоял в постоянной переписке и которые никогда не упускали возможности «пренебрежительно и даже презрительно отозваться о христианстве». Что же касается самого Л. Моргана, то Мак-Ильвен должен был дальше с горечью признать, что ученый «никогда не был способен освободить свой ум от скептических затруднений настолько, чтобы признать Христа перед людьми, как мы все требовали от него, чтобы пойти на публичное признание своей веры»²⁵.

Напомним условия, в которых жил Морган: небольшой американский провинциальный город, где религиозность рассматривалась как первостепенный и необходимый признак респектабельности и добропорядочности; глубоко верующая жена, впавшая в состояние настоящей религиозной экзальтации после страшной трагедии, постигшей семью (в 1862 г. от скарлатины умерли обе дочери Моргана — двух и семи лет, а единственный сын, хотя и выжил, остался на всю жизнь дефективным); пастор Мак-Ильвен, имевший безграничное влияние на жену Моргана, которую он убедил, что причина их семейного несчастья коренится в неверии мужа, и использовавший ее как орудие давления на ученого. Поступать в этой обстановке так, как поступал Морган, мог только атеист. Считаясь с религиозными чувствами жены, не желая усугублять ее горя, Морган делал известные уступки ей и Мак-Ильвену, стремился не растревать раны, открыто не выражал своего неверия, однако, будучи до конца честным и принципиальным человеком, он не мог даже ради душевного спокойствия жены уступить ее и Мак-Ильвена требованиям и встать на путь лжи и лицемерия.

Подлинное отношение Моргана к попыткам Мак-Ильвена вмешиваться в его научную работу однажды прорвалось в его письме к У. Ф. Гаррисону — издателю «Нэйшн» — по поводу опубликованной им там статьи «Священник как человек науки». Само письмо Моргана не сохранилось, но, судя по ответу Гаррисона, Морган не только с презрением отвергал религиозные бредни о сотворении мира, но и высказывал мнение, что священникам как людям совершенно некомпетентным в научных проблемах не к чему вмешиваться в дела ученых²⁶.

Кроме приведенных выше, есть и другие данные, свидетельствующие о неверии Моргана. Все они вместе взятые настолько убедительны, что в настоящее время ни один из серьезных исследователей не принимает всерьез утверждение о религиозности Моргана²⁷.

Но заслуга Л. Уайта не ограничивается тем, что он покончил с этой легендой. Он предпринял попытку поставить воззрения Л. Моргана в связь с теми историческими изменениями, которыми характеризовался XIX в. «Морган, — писал он в предисловии к вышедшему под его редакцией изданию «Древнего общества», — был сыном так называемой буржуазной революции, т. е. перехода от деревенской, земледельческой, аристократической системы к городской, промышленной, коммерческой системе со средним классом у власти. Он полностью принимал эту революцию и восхищался ее достижениями, как это видно из прочитанной им в 1852 г. лекции «Диффузия против централизации», содержащей самое полное изложение его социальной, политической и экономической

²⁵ J. H. McIlvaine, The life and works of Lewis H. Morgan, ILL. D., an address at his funeral, «Rochester Historical Society, Publication Fund Series», vol. II, 1923, p. 58—59.

²⁶ См. В. J. Stern, Указ. раб., стр. 25.

²⁷ См., например, C. Resek, Lewis Henry Morgan. American scholar, Chicago, 1960, p. 51.

философии»²⁸. Как указывает Л. Уайт, Морган в этой лекции, а также в своих записках, дневниках и т. п. подвергает острой критике аристократические привилегии, наследственность власти и отстаивает принципы демократии и равенства²⁹.

Мысль Л. Уайта в принципе совершенно верна: генезис ни одного великого открытия в области общественных наук нельзя понять, не рассмотрев его социально-экономических и общественно-политических предпосылок. Чтобы понять, как появилась на свет одна из немногих книг своего времени, составившая эпоху, необходимо ознакомиться с эпохой, в которую она появилась. Но сам подход Л. Уайта к этому вопросу является слишком общим и неконкретным. Л. Морган жил не где-либо, а именно в Соединенных Штатах Америки, где у него и вызрели, причем опять-таки в определенное конкретное время, все основные идеи, нашедшие свое выражение в «Древнем обществе». Поэтому ограничиться утверждением, что Морган был сыном буржуазной революции, понимаемой в мировом масштабе, нельзя. Нужно обратиться к конкретной исторической реальности, и только тогда мы сможем понять, кем же был в действительности Л. Г. Морган и почему он смог прийти и к материалистическому пониманию истории и к коммунистическим выводам в отношении современного ему общества.

Впервые с проблемой, интенсивная разработка которой, в конце концов, завершилась появлением «Древнего общества», Морган вплотную столкнулся в 1856—1859 гг.³⁰ В 1866 г. им была в основном завершена работа над монографией «Системы родства и свойства человеческой семьи», в которой был дан эскиз эволюции семейно-брачных отношений от состояния промискуитета через разные формы группового брака к моногамии. Труд был принят к опубликованию в 1868 г. и увидел свет в 1870 г.³¹ В промежутке между завершением работы над «Системами родства и свойства» и выходом их из печати Л. Морган изложил основные положения своей теории социального развития в длинном письме Дж. Генри, секретарю Смитсоновского института (1867 г.) и в «Предварительном решении проблемы происхождения классификационной системы родства»³². В дальнейшем идеи, изложенные в этих работах, получили глубокую разработку и окончательное оформление в «Древнем обществе», увидевшем свет в 1877 г.

Таким образом, временем вынашивания и претворения в жизнь замысла «Древнего общества» являются 1856—1877 гг. Чем же они ознаменованы в истории США? Тем, что были годами вначале подготовки, а затем развертывания и завершения буржуазно-демократической революции, первой фазой которой была гражданская война между Севером и Югом (1861—1865 гг.), а второй — Реконструкция США (1865—1877 гг.)³³.

²⁸ См. L. H. Morgan, *Ancient society*. Edited by L. A. White, Cambridge, Massachusetts, 1964, p. XXXVI.

²⁹ Там же.

³⁰ См. свидетельство самого Моргана, приведенное в статье: L. A. White, *How Morgan came to write «Systems of consanguinity and affinity»*, «Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters», vol. XLII, 1957, p. 259—268.

³¹ Lewis H. Morgan, *Systems of consanguinity and affinity of the human family*, «Smithsonian Institution. Contributions to Knowledge», vol. XVII, art. 2, 1870.

³² L. H. Morgan, *Conjectural solution of the origin of the classificatory system of relationship*, «American Academy of Arts and Science. Proceedings», VII (1865—68), 1868.

³³ О второй американской революции см.: А. В. Ефимов, *Очерки истории США*, М., 1958; Дж. С. Аллен, *Реконструкция. Битва за демократию в США. 1865—1876*, М., 1959; А. И. Блинов, *Критический период истории Соединенных Штатов. Реконструкция (восстановление Союза) США после окончания гражданской войны (1865—1877)*, Красноярск, 1957; его же, *Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время Реконструкции США (1866—1868)*, Красноярск, 1960, и др.

К 50-м годам XIX в. дальнейшее существование рабовладельческой системы производства на Юге США пришло в вопиющее противоречие с потребностями экономического развития страны. Однако никакие реальные шаги к уничтожению этой системы не могли быть сделаны, пока центральная власть находилась в руках плантаторской олигархии и ее союзников. Нанести им поражение могла только широкая политическая коалиция, объединяющая промышленную буржуазию Севера и широкие фермерские и рабочие массы.

Важнейшим шагом в этом направлении было создание в 1854 г. республиканской партии. В ней не было полного единства. Если левое, радикальное крыло настаивало на принятии самых решительных мер против рабства вплоть до его отмены на всей территории США, то правое, либеральное не шло в своих требованиях дальше ограничения распространения рабства. Последнее вместе с требованием закона о гомстеде (бесплатного наделения поселенцев на Западе землей из государственного фонда) и вошло в общую программу республиканцев. Но даже это представляло собой опасность для рабовладельцев, ибо, как указывал К. Маркс, «ограничение рабства пределами его старой территории должно было, согласно экономическому закону, привести к его постепенному исчезновению»³⁴.

Победа республиканцев на президентских выборах в 1860 г. послужила сигналом к выходу рабовладельческих штатов из Союза и началу гражданской войны. Разгромить рабовладельцев было невозможно, не подняв против них широкие народные массы Севера и негров Юга. Однако ставшая у власти промышленная буржуазия Севера, опасаясь самостоятельного движения народа, долгое время не решалась вступить на революционный путь. Значительные круги ее не оставляли надежды рядом уступок добиться примирения с рабовладельцами. Только после крупных военных поражений давление нараставшего революционного движения масс рабочих и фермеров вынудило правительство Линкольна принять в 1862—1863 гг. решительные меры: было провозглашено освобождение негров, принят закон о конфискации имущества мятежников, введена всеобщая воинская повинность, проведены чистка командного состава армии и аресты пособников конфедератов на Севере. Конгресс утвердил закон о гомстеде.

Морган был не только свидетелем, но и участником развернувшейся в эти годы классовой борьбы. Его симпатии были совершенно четкими и определенными — он был всецело на стороне самых решительных и последовательных противников рабства. Как нам известно из воспоминаний, обычно мягкий и вежливый Морган в годы гражданской войны был непримирим в своей ненависти к мятежным рабовладельцам. Стремясь способствовать победе над мятежниками, он включился в активную политическую деятельность. В 1861 г. он был избран от республиканской партии в палату представителей штата Нью-Йорк. В 1862 г., когда по всей стране прокатилась волна митингов и демонстраций, участники которых требовали от правительства Линкольна перейти к революционным методам ведения войны, Морган публично выступил с призывом решительно покончить с мятежом, выкорчевать до основания его корни. «Я не верю, — говорил он, — что мятеж утихнет и Юг снова станет лойяльным Союзу. Отчуждение его народа является абсолютным и полным и мы должны принять это как факт. Мы раскололись в каждом элементе национальной жизни. Размах мятежа и огонь ненависти, который полыхает по всему Югу, представляют доказательства, доста-

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 15, стр. 345.

точные и для самых колеблющихся. Мятежники против правительства должны поплатиться за свой акт безрассудства и преступления своими привилегиями, своими землями и своими домами, их нужно изгнать сильной рукой с каждого дюйма американской территории... Эта война должна вестись до тех пор, пока все корни мятежа не будут полностью вырваны и раздавлены»³⁵.

В результате перехода Севера к войне по-революционному к весне 1865 г. армии Юга были разгромлены. Но с окончанием войны проблемы, вызвавшие ее, не были еще окончательно разрешены. Они теперь предстали перед обществом прежде всего как вопрос о том, каким образом должна быть проведена реконструкция (восстановление) Союза, каковы должны быть формы возвращения в него отколовшихся штатов и их будущее устройство. Плантадоры и их союзники среди буржуазии, интересы которых представляла демократическая партия, стремились к возможно более полной реставрации старых порядков на Юге. Не было единства и среди республиканцев. Вынужденная в годы войны вступить на революционный путь промышленная буржуазия всегда была во власти опасений, как бы народные массы не зашли слишком далеко в своем движении, и всегда поэтому была готова при первой возможности сойти с него. В связи с этим окончание гражданской войны неизбежно привело к поправению промышленной буржуазии.

Происшедшие сдвиги в расстановке классовых сил нашли свое выражение в политике президента Джонсона, занявшего этот пост после убийства Линкольна (апрель 1865 г.). В результате претворения в жизнь разработанной им программы Реконструкции власть в южных штатах к концу 1865 г. снова оказалась в руках плантаторской олигархии. По всему Югу были приняты так называемые «черные кодексы», ставившие формально свободных негров в положение, ничем по существу не отличавшееся от рабского. Против негров был развернут массовый террор. Реакция на Юге торжествовала победу. Достижения буржуазно-демократической революции были поставлены под вопрос.

Все это вызвало законную тревогу народных масс США, кровью которых была оплачена победа в гражданской войне. По всему Северу прокатилась волна митингов, демонстраций протеста. Рабочие, ремесленники, фермеры решительно требовали обуздать зарвавшихся рабовладельцев. Да и негры Юга, многие из которых сражались в рядах федеральной армии и партизанских отрядов против своих господ, не оставались лишь страдающей стороной. Действуя в союзе с радикальными республиканцами, они организовывались, поднимались на борьбу. После временного спада революционной волны начался новый ее подъем. Давление со стороны народных масс заставило обеспокоенную укреплением позиций плантаторской олигархии буржуазию качнуться влево.

В республиканской партии снова начало расти влияние ее радикального крыла, среди представителей которого своей последовательной революционной позицией отличались радикалы-аболиционисты во главе с Т. Стивенсом и Б. Уэйдом. Враги с ненавистью называли их американскими якобинцами. И они своими действиями действительно заслужили это почетное для всех настоящих революционеров прозвище. Состоявшиеся осенью 1866 г. выборы в конгресс, на которых республиканская партия, опираясь на широкие массы рабочих и фермеров, нанесла сокрушительное поражение демократам и завоевала абсолютное большинство

³⁵ Цит. по кн.: В. J. Stern, Указ. раб., стр. 37—38.

в обеих палатах, дали радикальным республиканцам возможность перейти в решительное наступление. 20 февраля 1867 г. конгрессом был принят знаменитый Акт Реконструкции. Он начинался торжественным заявлением, что в 10 «мятежных» штатах отсутствуют законные правительства и соответственно гарантии жизни и имущества граждан. В этих штатах вводилось военное положение. Вся их территория разбивалась на пять военных округов во главе с генералами федеральной армии, к которым переходила вся полнота власти и которые имели в своем распоряжении достаточные вооруженные силы, чтобы обеспечить порядок. На командующих округами возлагалась обязанность обеспечить проведение в жизнь разработанного радикальными республиканцами и принятого конгрессом плана революционной реконструкции Юга.

Установленная в южных штатах военная диктатура носила революционный характер, ибо «своим острием была направлена против плантаторской олигархии, имела своей целью лишить ее власти. Негры на Юге впервые получили право голоса. Одновременно с этим более 200 тысяч участников мятежа были лишены избирательных прав. Созданные в обстановке революционного подъема новые конституционные конвенции южных штатов выработали буржуазно-демократические по своему содержанию конституции, отменившие всякую расовую дискриминацию. В эпоху революционной реконструкции Юга негры пользовались такими демократическими правами, которых они не имели не только до нее, но которыми они не пользуются и сейчас.

Проведение радикальными республиканцами революционной реконструкции Юга наталкивалось на упорное сопротивление Джонсона, окончательно превратившегося, по выражению К. Маркса, в «грязное орудие рабовладельцев», что неизбежно привело к постановке вопроса об импичменте, т. е. осуждении его и смещении с поста президента республики.

В борьбе, развернувшейся после окончания войны, Морган выступил как последовательный радикальный республиканец, всеми силами отстаивавший план революционной реконструкции Юга. В решающем 1867 г., когда был принят и стал претворяться в жизнь Акт Реконструкции, когда радикалы-аболиционисты все чаще стали ставить вопрос об импичменте Джонсона и когда соответственно особо важное значение приобрели падавшие на осень выборы в законодательные собрания штатов, Л. Г. Морган был выдвинут республиканской партией в сенат штата Нью-Йорк³⁶. Эта кандидатура вызвала особую ярость в стане демократов. Их газеты буквально обрушились на Моргана, стремясь всеми силами скомпрометировать его в глазах избирателей. Непопулярен был Морган и у части республиканцев. Отстаивавшая его кандидатуру газета «Рочестерский демократ» — орган республиканцев, признавая этот факт, видела его причину в той активной и ничем не ограниченной поддержке, которую оказывал Морган проводимой конгрессом политике революционной реконструкции Юга³⁷.

Выступая на состоявшейся в Питсфорде конвенции республиканцев, Л. Г. Морган прямо заклеил президента Джонсона как предателя, полностью заслуживающего импичмента. Однако в силу того, что тогда не только консервативные республиканцы, но и правые радикалы не были готовы пойти на импичмент, Морган заявил, что, не желая раскалывать силы республиканцев и тем играть на руку демократам, он не

³⁶ М. О. Косвен допустил ошибку, утверждая, что выборы состоялись в 1868 г.

³⁷ В. J. Stern, Указ. раб., стр. 40.

настаивает безоговорочно на предании Джонсона суду. Это заявление примирило с его кандидатурой правых радикалов, но не консервативных республиканцев. Он был избран 8626 голосами против 8551, т. е. с разрывом в 75 голосов, в то время как обычное республиканское большинство в этом округе составляло 450—470 голосов³⁸. На следующих выборах, состоявшихся в 1869 г. в обстановке уже начавшегося спада революции и ухода с арены радикалов-аболиционистов, кандидатура Моргана не была даже выдвинута³⁹.

Таким образом, вопреки всем утверждениям, Морган придерживался не правых, а наоборот, самых левых среди республиканцев убеждений. Он был, и это совершенно точно установленный факт, радикальным республиканцем. А быть в то время радикальным республиканцем значило быть революционером, разумеется, буржуазным, но тем не менее революционером. Революционерам в ту эпоху были все радикальные республиканцы, как радикалы-аболиционисты, так и правые радикалы. Однако между теми и другими существовали определенные различия.

Правые радикалы были, если можно так выразиться, революционерами поневоле. Они были революционерами постольку, поскольку только революция могла обеспечить удовлетворение их узкоклассовых интересов. Поэтому когда их цели были достигнуты, они, в конце концов, предали революцию, перестали быть революционерами. Иное дело — радикалы-аболиционисты. Они тоже были буржуазными революционерами, но такими, которые были далеки от защиты своекорыстных интересов буржуазии, которые представляли интересы широких народных масс. К ним в известной степени можно отнести то, что было сказано В. И. Лениным о буржуазных просветителях в статье «От какого наследства мы отказываемся?» «Мы сказали,— пишет В. И. Ленин,— что Скалдин — буржуа. Доказательства этой характеристики были в достаточном количестве приведены выше, но необходимо оговориться, что у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (*без различия исторических эпох*) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренне верили в общее благоденствие и искренне желали его, искренне не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»⁴⁰.

Искренними защитниками интересов широких народных масс, в том числе освобожденных негров, были Т. Стивенс, Б. Уэйд и другие радикалы-аболиционисты. Они были не просто революционерами, а революционными демократами. Революционным демократом, страстным борцом не только против рабства, но и других видов социальной несправедливости был Льюис Генри Морган. Кроме приведенных выше фактов, об этом красноречиво свидетельствует дневник, который он вел во время своего путешествия по Европе в 1870—1871 гг. Он насыщен

³⁸ В. J. Steg n, Указ. раб., стр. 40—41.

³⁹ Утверждение М. О. Косвена, что Морган был забаллотирован, ошибочно.

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

благородным революционным гневом против социальной несправедливости, хотя и не свободен от некоторых противоречивых высказываний.

В какой бы стране Морган не был, его интересовали не только памятники истории и культуры, но и существующие в ней общественные порядки и прежде всего положение народа. Находясь в Австро-Венгрии, он гневно обрушивается на социальный строй, при котором «массы народа» обречены нести бремя непосильного труда, «чтобы обеспечивать немногих всеми удобствами жизни»⁴¹. «Железная пята аристократии,— продолжает он,— лежит на народных массах и это длится уже веками. В ее руках находится власть, она творит законы и вводит налоги. В результате захвата недвижимости и закрепления ее в руках привилегированного класса люди из народа рождаются уже лишенными обманным путем всех своих истинных прав...»⁴². Морган отмечает долготерпение народа, покорно позволяющего угнетать себя. «Как долго массы будут терпеть это,— записывает он,— это вопрос. Кажется невозможным или почти невозможным изменить институты страны. Люди предпочитают из поколения в поколение терпеливо сносить зло, чем подняться на революцию и прибегнуть к силе»⁴³. Но в таком случае их положение не может измениться к лучшему, ибо бесполезно ждать реформ сверху. «Никогда не бывало,— выражает свое глубокое убеждение Морган,— чтобы аристократия уступила бы в чем-либо иначе, как в мертвой хватке народной революции»⁴⁴. Однако Морган не теряет веры в народ. «Аристократия жестока, своекорыстна и тиранична. Она знает толк в управлении и подавлении, и она с готовностью жертвует всем во имя защиты своих корыстных интересов. Но мщение народа все же настигнет ее»⁴⁵.

Не менее велика ненависть Моргана к церкви и церковной иерархии, которую он рассматривает как оплот аристократии. «Я повторяю то, что уже писал прежде, а именно, что эта иерархия есть худший из притонов аристократии на земле. Она будет цепляться за старые порядки, даже если все человечество отбросит их. Вместо того чтобы быть наставником людей, иерархия является самым худшим из всех врагов человечества, которые только существовали до сего дня. Реформировать ее невозможно. Топор должен пройти по корням этого дерева несправедливости и срубить его раз и навсегда»⁴⁶. Высмеивая католические святыни, которые он осматривал в Италии, Морган писал: «Признаюсь, что это внушает мне отвращение к христианству как таковому»⁴⁷.

Церковь, по его мнению, представляет собой настолько мощный оплот аристократии, что без ее уничтожения невозможно ликвидировать феодализм. «Революция в Европе,— подчеркивает он,— чтобы быть успешной, должна смести попов и аристократов вместе»⁴⁸. А народную революцию в Европе он считал настоятельно необходимой. «Шторм демократии,— писал он,— необходим, причем не только над Римом, но над Италией и всей Европой, чтобы смести несправедливую земельную систему, которая калечит простых людей, несправедливые законы, которые не дают им шанса помочь самим себе, презренных аристократов,

⁴¹ «Extracts from the European travel journal of Lewis Henry Morgan», p. 325.

⁴² Там же, стр. 327.

⁴³ Там же, стр. 325.

⁴⁴ Там же, стр. 334.

⁴⁵ Там же, стр. 328.

⁴⁶ Там же, стр. 302.

⁴⁷ Там же, стр. 298.

⁴⁸ Там же, стр. 328.

которые лишили их прав в прошлые времена, когда нынешнее поколение еще не родилось, и наконец, последнее по счету, но не по значению, смести эту бесчестную иерархию и все другие иерархии, которые являются прибежищами аристократии, ее апологетами и защитниками и представляют собой наиболее безжалостных и прожорливых аристократов из всех, которые когда-либо плодились в мире»⁴⁹.

Критика Моргана не органичивалась аристократией и духовенством. Бросая обвинение английской аристократии, он в то же время подчеркивает, что не она сейчас является действительным хозяином страны. «Правящей силой» в Англии является «плутократия», в состав которой входят «крупные купцы, крупные мануфактуристы, крупные банкиры», «железнодорожные капиталисты». «Старая аристократия,— пишет Морган,— не сметена только потому, что это разрушило бы принципы, которые слишком дороги плутократии, чтобы она могла позволить так с ними обращаться»⁵⁰. Сохранение ее выгодно для «баронов богатства, лордов коммерции, торговцев и предпринимателей», ибо позволяет им стводить от себя недовольство народных масс⁵¹.

«В Англии,— замечает Морган,— не будет реформ потому, что массы, народ не имеют мощного класса, который представлял бы в нации великие доктрины равенства и братства всех людей»⁵². В дальнейшем, побывав на рабочем митинге в Гайд-парке, он несколько изменил свое мнение. «Эти митинги,— писал он,— постепенно организуют общественное чувство против существующего порядка вещей, но эта сила еще слишком слаба. Купцы, капиталисты и представители средних слоев держатся подальше от этих митингов, потому что их симпатии на другой стороне. Такие митинги показывают слабость республиканского элемента в Англии. Но когда время придет, если оно придет, рабочие люди поднимутся на купцов и торговцев так же, как и на аристократов, и сбросят их с дороги как одно целое»⁵³.

Крайне показательно для характеристики убеждений Моргана его отношение к Парижской Коммуне. Даже поверив в распространявшиеся буржуазной прессой рассказы о вандализме коммунаров, сознательном уничтожении ими культурных ценностей, Л. Г. Морган тем не менее берет их под защиту и клеймит палачей.

Первое упоминание о Парижской Коммуне мы находим в его записях, сделанных во время пребывания в Берлине в майские дни 1871 г. «Когда я пишу эти строки,— читаем мы,— бесстыдная французская ассамблея кроваво уничтожает этот республиканский элемент во Франции, который хотя и является грубым и неверно руководимым, но должен быть спасен для общего блага нации»⁵⁴. Расправу версальцев над коммунарами он прямо характеризует как «преступление», совершаемое против свободы⁵⁵. Первые его заметки по прибытии в Париж, где он находился с 15 по 26 июня 1871 г., опять относятся к Коммуне. Морган сурово осуждает английскую прессу, которая, питая ненависть к «правительству рабочих людей», изо дня в день убеждала Тьера захватить Париж и покончить с Коммуной, хотя и знала прекрасно, что это приведет к «кровавой бойне»⁵⁶. Но всех больше от него достается француз-

⁴⁹ «Extracts from the European travel journal of Lewis Henry Morgan», p. 297.

⁵⁰ Там же, стр. 263—264.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 264.

⁵³ Там же, стр. 376.

⁵⁴ Там же, стр. 334.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 343.

ской буржуазии. «Недавняя резня в Париже после захвата города доказала, — писал он, — варварство нации и свирепость ее правящего класса. Как мне кажется, это не имеет никакого извинения, никакого оправдания»⁵⁷.

Принципами, нашедшими столь яркое выражение в его путевом журнале, Морган руководствовался в течение всей своей жизни. Он выступал против социальной несправедливости везде, где только с ней сталкивался. Это особенно наглядно можно видеть на примере его отношений к американским индейцам.

Еще в молодости, в 1840 г., заинтересовавшись жизнью индейцев, Морган создал общество, получившее название «Великого ордена ирокезов». В процессе исследований ему и его друзьям стало известно о том, что компания дельцов-спекулянтов путем различных грязных махинаций пыталась присвоить земли племени сенека. Как писал впоследствии сам Морган, эти земельные спекулянты «преследовали и травили их (сенека. — Ю. С.)... с такой степенью безнравственности, которой трудно найти параллели в истории человеческой жадности. Не только каждый принцип честности, каждое веление человечности, каждый завет христианства были нарушены этой компанией в ее хищнических проделках, имеющих целью ограбить сенека, но самый гнусный обман, самые бесчестные подкупы, самые мерзкие интриги, которые только могла продиктовать бездушная жадность, использовались среди белого дня против незащитного и многострадального народа»⁵⁸.

Сенат США принял сторону мошенников, признав присвоенные земли их собственностью. Руководимый Морганом «Великий орден ирокезов» горой встал на защиту индейцев, используя все средства, которые только могли быть в его распоряжении. Морган и его друзья составляли петиции, собирали под ними подписи, поднимали всех честных людей. Сам Морган выехал в Вашингтон, чтобы перенести бой в конгресс. В конце концов он и его сподвижники с огромным трудом добились решения вопроса в пользу индейцев. В признание заслуг Моргана племя сенека в 1846 г. торжественно приняло его в свои ряды.

Участвуя в защите прав индейцев, Морган лицом к лицу столкнулся со всей системой отношений американского государства к аборигенам страны. Свое впечатление от увиденного он выразил в последней главе «Лиги ирокезов»: «Наши отношения с индейцами с основания республики вплоть до настоящего момента поддерживались таким образом, чтобы в конечном счете всегда обеспечить выгоду самому правительству. Что же касается желаний самих индейцев, то они рассматривались как нечто совершенно второстепенное, если вообще когда-либо хотя бы в малейшей степени принимались во внимание. Миллионы, и это правда, расходовались и некоторая видимость справедливости поддерживалась в этих запутанных делах; но во всех основных сделках прибыль всегда была на стороне правительства, а убыток на стороне индейцев. В дополнение к этому, примеры вероломной дипломатии, грубого насилия, чудовищной несправедливости числятся в активе наших дел с индейцами — вечное клеймо позора на гербе нашей республики»⁵⁹.

После опубликования в 1851 г. книги «Лига ирокезов» Морган, занятый своими профессиональными делами, на некоторое время отошел от научной деятельности и тем самым от всего непосредственно связан-

⁵⁷ «Extracts from the European travel journal of Lewis. Henry Morgan», p. 344.

⁵⁸ L. H. Morgan, The League of Iroquois, New York, 1962, p. 33.

⁵⁹ Там же, стр. 458.

ного с жизнью индейцев. Как уже указывалось, новый подъем в его научной деятельности начался в 1856—1857 гг. С целью сбора материала о системах родства Морган 1859—1862 гг. предпринял серию путешествий к индейцам Запада и Северо-Запада. Во время этих путешествий он снова столкнулся с фактами, которые не могли не потрясти его. Созданная и субсидируемая правительством система агентов по делам индейцев была полностью поражена коррупцией. «Свидетельства показывают,— писал Морган,— что от нее не только мало проку, что она не только провалилась, но просто позорна по тому аморализму и бесчестности, с которой вершатся все ее дела»⁶⁰. Помимо преступной политики правительства, казнокрадства его представителей на местах, на положении индейцев пагубно сказывалась деятельность торговцев, спиртоносов, шулеров, колонистов. Не были чисты на руку и миссионеры, не упускавшие случая поживиться за счет своих духовных чад.

Морган был не из тех людей, которые ограничиваются лишь выражением негодования. Он стал настойчиво добиваться, чтобы правительство Линкольна назначило его комиссаром по делам индейцев. Морган надеялся, что, заняв этот пост, он сможет покончить с коррупцией и оказать действительную помощь индейскому населению. Однако эта должность была уже обещана одному из политиканов, оказавшему услугу Линкольну во время избирательной кампании. Единственно, что смог сделать Морган, это возглавить комиссию по индейским делам законодательного собрания штата Нью-Йорк.

Надежды Моргана оживились с избранием в 1868 г. на пост президента генерала Гранта, назначившего комиссаром по делам индейцев старого друга Моргана — Эли Паркера, по происхождению индейца-сенека. Но скандалы и коррупция, характеризовавшие президентство Гранта, не пощадили и индейский департамент, и Паркер спустя два года был вынужден подать в отставку.

Но, несмотря на все неудачи, Морган упорно продолжал безнадежную борьбу против политики истребления и ограбления индейцев, не боясь при этом бросить вызов не только правительству, но и общественному мнению. Когда в 1876 г. индейцы сиу уничтожили отряд генерала Кастера, в США произошел настоящий взрыв воинствующего шовинизма и расизма. Американские газеты, изображая Кастера как трагически погибшего героя, а поражение его отряда как учиненную дикарями-индейцами «безжалостную резню», наперебой призывали к кровавому отмщению. По всей стране все большее число американцев прямо-таки истерически требовало крови индейцев, посмеявшихся поднять руку на белых. И в этот гнетущий момент Морган спас честь американского народа, выступив в «Нэйшн» со статьей «О криках — держи, бей индейцев», в которой решительно взял под защиту сиу.

«Кто,— писал он,— может осудить сиу за то, что они защитили себя, своих жен и детей, когда они были атакованы в своем собственном стойбище и когда над ними нависла угроза уничтожения. Это печальное событие есть просто на просто один из эпизодов войны, которую ведет наше собственное правительство против этих индейцев, и ничего более. Чтобы выявить моральный характер войны, мы должны взглянуть на мотивы, которые побудили правительство ее начать»⁶¹. Бросив прямое обвинение правительству в том, что именно оно намеренно развязало эту кровавую и совершенно несправедливую с его стороны войну, Морган дальше с горечью замечает, что «прежде чем окончится лето мы

⁶⁰ L. H. Morgan, The Indian journals, 1859—1862, p. 138.

⁶¹ L. H. Morgan, Hue-and-cry against the Indians, «Nation», 23, 1876, p. 40.

можем ожидать слухов об уничтожении большой группы этих неразумных индейцев, не желающих вести переговоры об отказе от своих собственных земель на условиях, которые они не могут одобрить, и чье истребление будет рассматриваться некоторыми как заслуженное возмездие»⁶².

В этой и двух других опубликованных в «Нэйшн» (в 1876 и 1878 гг.) статьях Морган в который уже раз обращал внимание на провал правительственной политики по отношению к индейцам и снова призывал к ее решительному пересмотру⁶³. Об этом же говорилось и в его письме к президенту Хейсу от 6 августа 1877 г. Нельзя сказать, чтобы оно осталось совершенно без последствий. Под явным влиянием письма Моргана и его выступлений в печати в ежегодном послании президента конгрессу появились слова о том, что «многие, если не большинство наших войн с индейцами, имеют свою причину в нарушенных обещаниях и несправедливых действиях с нашей стороны», о том, что настоятельной необходимостью является принятие мер по улучшению условий жизни индейцев⁶⁴. Однако все это так и осталось словами. Никаких реальных действий в этом направлении американским правительством предпринято не было.

Как явствует из сказанного, Моргану далеко не все нравилось в жизни американского общества. Однако в том же самом журнале путешествия по Европе, в котором мы находим не только гневную критику аристократии и духовенства, но и резкие выпады против английской и французской буржуазии, Соединенные Штаты предстают как наилучшая из всех стран. «Я буду очень рад,— пишет он в момент, когда его путешествие было близко к завершению,— когда прибуду туда (в Нью-Йорк) и окажусь под Звездами и Полосами. Наша страна — благодатная и благословенная земля. Наши учреждения не имеют себе равных и наш народ более продвинулся по пути разума и процветания, чем какой-либо другой в целом мире»⁶⁵. Конечно, кое-что в этом заявлении можно отнести за счет тоски по родине, охватившей человека, более года прожившего на чужбине. Но основная мысль выражена достаточно ясно.

Американское общество, о котором столь восторженно отзывался Морган, было капиталистическим. Но ошибся бы тот, который на основании всего этого сделал бы вывод, что Морган восторгался капиталистическими отношениями и считал их справедливыми, что капитализм был для него идеальным общественным строем. Дело обстоит совсем не так.

Еще в своей лекции «Диффузия против централизации», прочитанной в 1852 г., Морган обращал внимание на антагонизм в отношениях между трудом и капиталом. «Капитал и труд,— говорил он,— суть две независимые силы, связанные естественными узами, но всегда находящиеся на противоположных сторонах. Капитал весьма склонен обогащаться за счет труда и пользуется любой возможностью, чтобы диктовать труду свои условия... Если принять во внимание, как управляется мир, то совершенно неудивительно, что капитал одерживает победу и держит труд в порабощении»⁶⁶. Так, к сожалению, бывает, но так, по

⁶² Там же.

⁶³ L. H. Morgan, Factory system for Indian reservations, «Nation», 23, 1876, p. 58—59; его же, Indian question in 1878, «Nation», 27, 1878, p. 332—333.

⁶⁴ См. B. J. Stern, Указ. раб., стр. 59.

⁶⁵ «Extracts from the European travel journal of Lewis Henry Morgan», p. 327, p. XXXVIII.

⁶⁶ L. H. Morgan, Diffusion against centralization, Rochester, New York, 1852, p. 23.

мнению Моргана, не должно быть. Один из способов ликвидации такого положения состоит в том, чтобы правительство встало на защиту труда и обуздало «жадные и голодные аппетиты капитала»⁶⁷. Но главный и основной выход Морган видит в том, чтобы все рабочие сами стали собственниками. «Высшая гарантия труда состоит в диффузии капитала... После того как собственность в определенной степени попадает в руки труда, капитал и труд больше не будут в противоположных руках, но соединятся. Труд тем самым окончательно избавится от порабощения и впервые станет действительно и навсегда независимым»⁶⁸. И Морган был глубоко убежден, что процесс превращения рабочих в собственников успешно протекает в США и рано или поздно будет полностью завершен. Уверенность в этом не покинула его и к началу 1870-х годов.

Такого рода иллюзия владела сознанием не одного только Моргана. Она имела самое широкое распространение среди трудящихся масс США, не исключая и американского пролетариата. Всеобщее распространение и длительное бытование этой иллюзии было обусловлено особенностями развития американского капитализма. Важнейшая из них состояла в наличии в США в течение всего XIX в. огромного фонда свободных земель. До тех пор, пока он не иссяк, американский рабочий в принципе всегда мог отказаться от работы по найму и стать самостоятельным хозяином. С этой возможностью вынуждены были считаться и капиталисты. В результате положение рабочих в США было в среднем лучшим, чем положение европейских пролетариев. «Там,— писал В. И. Ленин о США,— рабочий класс, благодаря обилию свободных земель, занял первое место по высоте жизненного уровня»⁶⁹.

Наличие фонда свободных земель, не меняя природы капитализма, в то же время до определенной поры смягчало остроту присущих ему противоречий. Это обстоятельство получило превратное отражение в сознании рабочих и фермерских масс США. Для многих из них переселение на свободные земли выступало не просто как способ превращения определенного числа рабочих в собственников, а как путь, ведущий к обществу, в котором вообще не будет эксплуатации.

Идеи так называемого «аграрного коммунизма» господствовали в американском рабочем движении в течение длительного периода времени. Рабочие принимали самое активное участие в борьбе за обеспечение свободного доступа на государственные земли, завершившейся принятием в 1862 г. гомстед-акта. Принятый под давлением народных масс гомстед-акт носит совершенно явственный отпечаток тех утопических идей, во власти которых они находились. В их глазах гомстед-акт был средством избавления от всех социальных бедствий, связанных с капитализмом, средством уничтожения эксплуатации человека человеком. Бесплатность земли должна была создать для каждого возможность стать собственником и тем самым выключиться из системы наемного труда. Запрещение одному поселенцу владеть более чем 160 акрами земли и обязательное личное проживание на участке должны были передать землю только тем, кто ее обрабатывает, сделать земле-владение «трудовым» и т. п. Однако, вопреки всем добрым пожеланиям, гомстед-акт вместо того, чтобы помочь миновать капитализм, объективно создал условия для наиболее быстрого его развития в стране.

⁶⁷ L. H. Morgan, Diffusion against centralization, p. 23.

⁶⁸ Там же, стр. 32.

⁶⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 92.

Но это стало ясным далеко не сразу и далеко не всем. Даже в начале XX в., когда фонд земель, удобных для обработки, был в основном исчерпан, многие мелкобуржуазные теоретики пытались доказать, что в США идет процесс вытеснения капиталистических предприятий «мелкими трудовыми хозяйствами», процесс разложения, исчезновения капитализма. Что же касается периода, следовавшего сразу же за окончанием гражданской войны, то он характеризовался необычайно быстрым увеличением числа мелких самостоятельных собственников. К концу 1860-х годов ежегодно заселялось, согласно гомстед-акту, почти три миллиона участков земли⁷⁰. Все это создавало благоприятные условия для упрочения иллюзии о том, что капиталистические отношения в США представляют собой не основу существующих порядков, а отклонение от нормы, которое неизбежно должно исчезнуть по мере превращения всех рабочих в собственников. В свете сказанного выше вряд ли покажется странным такой, например, факт, что в резолюциях состоявшегося в 1866 г. в Балтиморе учредительного конгресса Национального рабочего союза забастовки как метод борьбы отвергались, а рабочим рекомендовалось переселение на свободные земли.

Если в плену подобного рода утопий находились массы американских рабочих, то вряд ли стоит удивляться, что они владели умом Морганана, бывшего мелкобуржуазным революционным демократом. Вопреки всем утверждениям буржуазных авторов, Л. Г. Морган никогда не был апологетом капитализма. Он длительное время считал американский социальный строй наилучшим из всех существующих потому и только потому, что этот строй, по его глубокому убеждению, делал возможным превращение всех без исключения граждан в собственников и тем самым исключал дальнейшее развитие капитализма.

Но американская действительность не только порождала иллюзии, но одновременно и разрушала их. 1870-е годы в США характеризовались резким обострением противоречий капитализма. Ускоренными темпами шел процесс концентрации производства и централизации капитала. Начали возникать первые монополистические объединения. Экономический кризис 1873 г. и последовавшая затяжная депрессия, сопровождавшаяся понижением заработной платы, локаутами, безработицей, привела к широкому подъему забастовочного движения. Для подавления стачек капиталисты использовали все средства, вплоть до самых гнусных провокаций. На всю страну прогремел процесс, затеянный с целью сорвать длившуюся с декабря 1874 г. по июнь 1875 г. забастовку шахтеров. Обвинив рабочих в создании тайной террористической организации, власти произвели аресты вожakov. На основании показания наемных шпииков 17 руководителей забастовки были приговорены к смертной казни. 1877 год ознаменовался бурной забастовкой железнодорожников. В Балтиморе, Чикаго, Питсбурге стачечники вели настоящие бои с полицией и федеральными войсками. В Сен-Луи в течение недели вся полнота власти находилась в руках рабочего исполнительного комитета. Брошенные по приказу президента Хейса части регулярной армии беспощадно расстреливали забастовщиков. Сотни рабочих, их жен и детей были убиты, тысячи ранены. Характерными для 70-х годов были и массовые выступления фермеров. Начало их отмечено движением грейнджеров, вторая половина — движением гринбекеров, создавших в 1876 г. самостоятельную политическую партию, к которой в 1878 г. примкнула часть рабочих союзов.

⁷⁰ См. А. Ефимов, К истории капитализма в США, М., 1934, стр. 141.

Если теперь к тому же еще принять во внимание, что именно в это время американская буржуазия вступила в сделку с плантаторской олигархией, позволив ей свергнуть революционные правительства Реконструкции в южных штатах и установить там режим террора, то становятся совершенно ясными причины того перелома в воззрениях Морган, который наметился где-то в середине 1870-х годов и нашел свое выражение в «Древнем обществе». Суть позиции Морган — в развиваемом в книге учении о двух типах, двух планах общества: родовом и политическом.

«Опыт человечества,— писал Морган,—...создал только два плана общественного строя, употребляя слово *план* в его научном смысле. Оба они были определенными и систематическими организациями общества. Первый и более древний представлял собой *организацию социальную*, основанную на родах, фратриях и племенах. Второй и позднейший представлял собой *организацию политическую*, основанную на территории и собственности... Оба эти плана глубоко различны. Один принадлежит древнему обществу, другой — современному»⁷¹. Американское общество, по Моргану, как бы оно ни отличалось, пусть даже в лучшую сторону, от других политических обществ, тем не менее относится именно ко второму и никакому иному типу. А как раз этот второй тип общества Морган и подвергает уничтожающей критике.

Когда мы читаем, что «с наступлением цивилизации рост собственности принял такие громадные размеры, ее формы стали так разнообразны, ее применение так расширилось, а ее использование в интересах собственников так искусно, что она сделалась силой, непреодолимой для народа», что «человеческий ум стоит в замешательстве перед своим собственным созданием», что «гибель общества должна стать конечным результатом исторического поприща, единственной целью которого оказывается богатство; ибо такое поприще содержит в себе элементы своего собственного разрушения»⁷², то совершенно очевидно, во-первых, что Морган критикует здесь не столько классовое общество вообще, сколько современное ему буржуазное общество, во-вторых, что он имеет в виду и американское общество.

Морган нигде здесь не выдвигает американское общество в качестве образца, по которому должны равняться остальные страны, как это он делал в путевом дневнике по Европе. Не выставляет он в качестве панацеи диффузию собственности, превращение всех людей в самостоятельных собственников. Развитие собственности здесь повергает его в тревогу. Его надежды на лучшее будущее человечества состоят не в диффузии собственности, а в установлении контроля общества над ней, в обуздании собственнических инстинктов человека. «Но настанет время,— пишет он,— когда человеческий разум возвысится до господства над собственностью и установит как отношение государства к собственности, которую оно охраняет, так и обязательства и границы собственности. Интересы общества господствуют над частными интересами, причем те и другие должны быть приведены к справедливому и гармоническим отношениям. Голая погоня за богатством не составляет конечного назначения человечества, если только прогресс остается законом будущего, каким он был для прошедшего»⁷³.

⁷¹ Л. Г. Морган, Древнее общество, стр. 38.

⁷² Там же, стр. 329.

⁷³ Там же.

Моргана вообще не удовлетворяет общество, основанное на собственности, на погоне за богатством, к которому относится и американское. Его идеалом является не какое-либо из существующих ныне обществ, а общество совершенно нового типа, нового, третьего плана. «Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование охарактеризуют следующий высший план общества, к которому неуклонно стремятся опыт, разум и знания. Он будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов»⁷⁴.

Если принять все сказанное во внимание, то перелом, наметившийся во взглядах Моргана в середине 1870-х годов, нельзя охарактеризовать иначе, как шаг от революционного демократизма в сторону коммунизма. Мы уже приводили выше высказывания Ф. Энгельса, в которых содержится характеристика взглядов Моргана, нашедших выражение в «Древнем обществе», как коммунистических. Можно привести еще одно. «Морган,— писал Ф. Энгельс в письме к К. Каутскому 16 февраля 1884 г.,— в границах своего предмета вновь открыл марксово материалистическое понимание истории и приходит к непосредственно коммунистическим выводам в отношении современного общества»⁷⁵.

Все изложенное выше дает достаточно оснований для вывода, что Моргана — умеренного буржуазного либерала, придерживавшегося правой ориентации, восторженного поклонника капитализма как лучшей из общественных систем, ревностного христианина, далекого от материализма вообще и тем более от материалистического понимания истории — никогда не существовало в действительности. Это — легенда. Не существовало и двух уживавшихся в одном теле Морганов, из которых один был типичным американским буржуа, далеким от каких-либо революционных мыслей в отношении к окружающему, а другой — революционером в науке, сумевшим стихийно подняться до материалистического понимания истории и коммунистических выводов в отношении буржуазного общества.

Был только один Льюис Генри Морган — борец против социальной несправедливости, революционер в науке, автор «Древнего общества» — книги, составившей эпоху. И одно неразрывно связано с другим.

SUMMARY

In literature outside the Soviet Union it is commonly assumed that Lewis Morgan was a typical XIX century bourgeois who worshipped capitalism as the best of social systems, held very moderate political opinions, and was very far from any revolutionary ideas. Such a character stands in direct contradiction to the estimation of Morgan by the founders of Marxism as a thinker who, by his «Ancient society» revolutionized the study of primitive society, who rose to a materialist concept of history and arrived at communist conclusions with regard to contemporary society. For this reason many western researchers call in question the correctness of the above character. Others note the contradiction but make no attempt to explain it.

The article shows that the description of Morgan as a moderate bourgeois liberal and apologist of capitalism is a mere legend. The idea of «Ancient society» had matured and was carried out in the years of the preparation, development and completion of the bour-

⁷⁴ Л. Н. Морган, *Ancient society*. Edited by L. A. White, p. 467.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 36, стр. 97.

geois-democratic revolution in the USA; the first phase of this revolution was the Civil War between North and South (1861—1865); the second—the Reconstruction (1865—1877). Morgan took an active part in the struggle as a consistent and convinced revolutionary democrat. His revolutionary democratic ideas were most strikingly expressed in his «European travel journal» where he not only stigmatizes feudal usages, the aristocracy, and the clergy but also sharply criticizes the English and French bourgeoisie and defends the Paris Communards. It is true that for a long time Morgan did regard the U. S. social system as the best in existence but only because he was deeply convinced that it would enable all citizens to become property-owners thus eliminating the further development of capitalism. The wreck of this illusion resulted in a fundamental change in Morgan's views in the 1870's; this change found its expression in «Ancient society» and can be characterized only as a step from revolutionary democracy towards communism.

К. И. Козлова

СПЕЦИФИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ МАРИЙЦЕВ В ПЕРИОД ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Начало прочного закрепления Марийских земель в составе феодальной России было связано со взятием русскими Казани, но, как отметил М. Н. Тихомиров, фактическое подчинение всех этих земель Московскому правительству произошло только в конце XVI в.¹ С этих пор поток русской письменной информации о марийцах — различных группах «черемисы» Право- и Левобережья Среднего Поволжья — все более возрастает, благодаря чему мы получаем возможность для конкретных суждений о специфике этнической общности марийцев в рассматриваемый период.

Историки Марийской АССР стремятся осветить и более глубокие во времени этапы становления этнической общности марийцев, пытаются решить, например, вопрос о том, когда и в каких условиях формировалась «древнемарийская народность». По их мнению, эта историческая общность возникла в раннем средневековье и представляла собой «этническое и культурное единство в течение 5—6 столетий», но позднее XI в. она разделилась на «горную» и «луговую» группы марийского населения². Г. А. Архипов особенно настаивает на том, что «по археологическим данным» марийцы еще до XI в. «оформились этнически», получили свое имя «цармис» («черемис»), известное в письменных источниках X—XI вв. Что же касается реального и очень давнего деления их на горных и луговых, то «предпосылки возникновения двух диалектных групп марийцев складывались в первую очередь в экономических условиях, возникших к XII—XV вв., когда появились уже элементы феодальных отношений»³.

Конечно, упомянутые историки вольны в выборе того или иного термина для обозначения этнической общности марийцев раннего средневековья, но и они, вслед за многими исследователями, подразумевают под народностью определенный исторический тип этнической общности. А если так, то не лишне задаться вопросом, насколько соответствуют их общие установки взглядам на историческую категорию «народность», высказанным в новейшей литературе⁴. Любая этническая общность рисуется не просто конгломератом людей, говорящих на одном языке и имеющих сходный хозяйственно-культурный уровень, а этно-

¹ М. Н. Тихомиров, Россия в XVI столетии, М., 1962, стр. 506.

² «Очерки истории Марийской АССР», т. I, Йошкар-Ола, 1965, стр. 39; Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола, 1965, стр. 184—185.

³ Г. А. Архипов, Происхождение марийского народа по археологическим данным, Сб. «Происхождение марийского народа», Йошкар-Ола, 1967, стр. 40, 51.

⁴ См. В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4; Л. П. Лашук, Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов, «Сов. этнография», 1968, № 1, стр. 96—97.

социальным организмом, развитием которого управляют исторически определенные факторы совместной (в широком понимании) деятельности людей. Эти факторы облечены в конкретную форму органических общественных связей, поддерживающих структурно и обрамляющих пространственно реальную этническую общность, в том числе и этнографически ясно зримую «народность» довольно развитого классового общества.

С историко-социологической точки зрения, к которой мы примыкаем, каждая такая общность представляется устойчивой целостностью большей или меньшей массы людей, имеющих помимо общности в языке, культуре и прочих этнических признаках, устойчивые общие гражданские интересы и симпатии, опирающиеся в конечном счете на различные формы общественного разделения труда. В обществе, становящемся классовым, все эти разновидности связей усложняются и принимают противоречивый характер, но они существуют и постоянно возобновляются (т. е. нормально функционируют), в противном случае этническая общность утрачивает внутреннее динамическое равновесие и распадается на составные части.

О социально-экономическом механизме этого общественного процесса К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...Вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; притом этот общий интерес существует не только в представлении, как «всеобщее», но прежде всего он существует в реальной действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд. Именно благодаря этому противоречию между частным и общим интересом последний, в виде государства, принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных — как отдельных, так и совместных интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности. Но это совершается всегда на реальной основе имеющих в каждом семейном или племенном конгломерате связей по плоти и крови, по языку, по разделению труда в более широком масштабе и по иным интересам»⁵.

В приведенной цитате есть основное, что необходимо для понимания сложного характера этносоциальных организмов в развивающемся классовом обществе. Народности феодальной эпохи формируются на развалинах прежних племенных или территориально-племенных объединений не только благодаря определенному («земляческому») тяготению друг к другу людей одного языка и этнографического уклада жизни, но и благодаря собирающим их в самостоятельную устойчивую целостность факторам: экономическим — через общественное разделение труда, и политическим — через систему формирующейся государственности. Ни одно из этих важных общественных условий формирования народности марийскими историками не проанализировано, и это заставляет подойти к их выводам с большой осторожностью.

Однако присмотримся к предложенной ими аргументации конкретных исторических фактами. По Г. А. Архипову, к IX—XI вв. «марийцы уже оформились этнически». В общепринятом понимании это должно означать, что к указанному времени в Волго-Вятском междуречье существовало население, которое послужило исторической основой формирования марийского народа, т. е. население, говорившее на языке (или языках) той же лингвистической системы, что и современный марийский язык, имевшее сходный хозяйственно-культурный уклад и выде-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. 3, стр. 31—32.

лявшееся среди окружающих иноязычных соседей специфическими особенностями быта. Возможно, что в реальной действительности все это было именно так. Но причем же здесь «народность» как особый тип этнической общности довольно развитого классового общества? Древнемарийский этнический массив конца I тыс. н. э. мог вовсе и не представлять собой единого этносоциального организма, а наоборот, что более вероятно, в тогдашних условиях перехода от строя общинно-родового к раннеклассовому он был всего лишь этнолингвистической группировкой целого ряда автономных племенных объединений.

Существование племенных объединений марийцев с самостоятельными и довольно различными диалектами подтверждается материалами исторической структуры марийского языка⁶. И нет никаких оснований предполагать слияние этих объединений в единый союз, в этнополитическую (хотя бы даже в виде намека на тип «варварской» государственности) общность, в «древнемарийскую народность» примерно к исходу I тысячелетия н. э. В это и в более позднее время отдельные группировки марийцев в силу некоторых исторических обстоятельств (внешнее военное давление и пр.)⁷ не только не консолидируются друг с другом на сравнительно небольшой территории Марийского Приволжья, а скорее утрачивают былые соседские контакты, расселяясь к северу и северо-востоку от Волги. В таких условиях даже близкородственные марийские диалекты приобретали новую силу для самостоятельного развития, хотя неизбежное при передвижении населения межгрупповое смешение осложняло процесс оформления новых территориальных диалектов.

Некоторые историки обнаруживают существование древнемарийской народности в прочном закреплении за марийцами обобщающего имени «черемисы» уже со времен Киевской Руси. Действительно, согласно русской летописи, имеют «Черемиси свой язык, Морьдва свой язык»⁸. В древнерусской литературе слово «язык» нередко означало не только отдельный «народ», «племя», но также и более широкую этнолингвистическую общность: иначе трудно истолковать известную летописную фразу о том, что «Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, послеже же Вельныяне»⁹. Упомянутая здесь «Русь» сама по себе была понятием сложным, в котором проявлялась идея единства языка, территории, культуры и государственности перечисленных восточнославянских «земляческих» группировок¹⁰. Но можно ли такого рода исторически емкое определение по текстуальной аналогии переносить на «черемису», которая причислялась к разряду данников Руси? Ни в коем случае. Для древней Руси черемисы были лишь людьми неславянского происхождения, причем, возможно, что уже с тех времен это имя было распространено как на марийцев, так и на не родственных им чувашей.

Древнерусские авторы менее всего были озабочены уточнением действительных имен отдаленных народов, границ их обитания и террито-

⁶ Л. П. Грузов, Указ. раб., стр. 184—185.

⁷ См. «Очерки истории Марийской АССР», т. I, стр. 40.

⁸ «Повесть временных лет», СПб., 1910, стр. 10.

⁹ Там же.

¹⁰ См. В. О. Ключевский, Соч., т. VI, М., 1959, стр. 130 и след.; Л. В. Черепнин, Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. В кн. «Вопросы формирования русской народности и нации», М.—Л., 1958, стр. 25—26. В данном случае «земляческие» группировки — территориальные и традиционные по этническому самоопределению общности, соответствующие летописным «землям».

риально-племенного размежевания. «Повесть временных лет» отделила мурому от мордвы, но ни словом не обмолвилась, что мордва не единая, а составляет две большие вполне самостоятельные группировки — эрзю и мокшу. Хорошо известно, что вплоть до середины XVI в. в русской письменной традиции оставалась нерасчлененной на реальные составные части и марийская этнолингвистическая общность. Так что ссылка на древнерусскую этнонимику Поволжья практически ничего не дает для обоснования версии о существовании марийской «народности» в XI—XII вв.

Вместе с тем интересные выводы напрашиваются при раскрытии смыслового значения самоназвания, точнее самоназваний различных групп марийского населения даже поздней поры. По мнению В. М. Васильева, «марийцы всегда себя называли *марий*, *марий калык*, *калык марий* (последнее имя встречается в молитвенных обращениях в значении „простой народ“), а также *шемер марий* от *шем марий* (в значении „черный люд“.— К. К.)»¹¹. В данном случае приведены обозначения из лугово-восточномарийского наречия. Иначе звучит имя *мариец* (букв. «муж», «мужчина», «человек») в других марийских наречиях: например в северо-западном, или «яранском» — *маре*; в горном — *мары*; при этом устанавливается их общая исходная форма (архетип) — *мари*¹².

Но означает ли это, что и далекие предки марицев называли себя точно так же? В какой-то степени — да, ибо слово *мари*, принявшее характер этнонима, признается лингвистами очень древним заимствованием из восточных индоевропейских языков. Но, кажется, древнейшие марийцы знали и другое слово для обозначения «человека» — *мис*, *меес* (ср. самоназвание манси *мис*, фин. *mies*, эст. *tees* — «муж», «человек»), которое прозрачно проступает в этнониме *черемис* (чув. *с'армыс*, тат. *чирмеш*), имеющем, видимо, составную структуру: *с'ар* — название древнего племени + *меес* — «человек»¹³. И уж совершенно очевидно, что марийцы отнюдь не всегда себя называли *марий калык* — «марийский народ», ибо слово *калык* (горн. *халык*) — сравнительно позднее заимствование от тюрков (ср. тат. *халык*, чув. *халӑк*, алт. *калык* — «народ»). Утвердившееся среди марицев понятие *калык*, *халык* могло обозначать как всех людей, говорящих на марийском языке, так и на любом его локальном диалекте; в обиходе же это понятие сужалось до известного круга родственников или до сельского «мира»¹⁴.

Примерно такой же характер носит древний этноним *мари* со всеми его последующими диалектными дериватами. Вряд ли подлежит сомнению, что его исконное обобщенное значение — «люди», а таковыми могли быть и «нашенские, здешней земли люди» (ср. самоназвания манси — *махум*, хантов — *мыьдат-ях*, эстонцев — *таа rahvas*, означающие «люди земли»), и люди совершенно посторонние — не близкие родичи и даже иного языка соседи. Положим, луговой мариец мог называть себя и людей своего окружения *марий* в том смысле, что все они этнически составляют нерасчленимое единство, но по отношению к отличным чем-то соседям-марийцам луговой человек мог употребить дополнительное видовое обозначение. Так, моркинские и сернурские марийцы сами себя одинаково называют *марий*, но сернурские марийцы своих

¹¹ В. М. Васильев, Функциональная семантика в марийском языке, «Уч. записки Марийского НИИ», вып. I, 1948, стр. 117.

¹² Л. П. Грузов, Указ. раб., стр. 85—86.

¹³ Ф. И. Гордеев, Балтийские и иранские заимствования в марийском языке, Сб. «Происхождение марийского народа», Йошкар-Ола, 1967, стр. 192—193.

¹⁴ И. Н. Смирнов, Черемисы, Казань, 1889, стр. 22, 107—108.

южных моркинских соседей обычно именовали *ончыл марий* — «передние (по отношению к Казани) марийцы», а моркинские называли сернурских *шенгел марий* — «задние (по отношению к Казани) марийцы». Имя *марий* фигурирует и в луговомарийском обозначении удмуртов — *одо марий*, т. е. «люди народа (племени) *од* или *уд, ут*». Соответственно горные марийцы называют чувашей *суасла мары* — «люди народа *суас*».

Есть основания предполагать, что по описанной конструкции локальных этнических обозначений строились имена отдельных древнемарийских племен; в этих именах присутствовал обязательный формант *мари* или сходные с ним, но конкретное содержание составному этнониму сообщал дополнительный определитель. Такой способ обозначения определенных этнокультурных группировок населения сохранился у марийцев и с переходом их от связей родо-племенных к территориально-соседским («земляческим»). В подтверждение этой мысли достаточно сослаться на В. М. Васильева: «Горные марийцы называют себя *кырык мары*, но другие марийцы их кличут *курык марий*; горные называют луговых — *алык мары*, также *кожла мары* — лесные. Восточные марийцы называют луговых *озан'марий* — казанские; а последние первых — *ипон марий* от слова *Упō* (произношение восточных) — уфимские марийцы»¹⁵.

Хорошо известны «земляческие» имена и более мелких территориальных групп, входивших в состав основных диалектных и этнографических подразделений марийского народа. О них писал еще И. Н. Смирнов: «Черемисы разделяются на группы, обозначающиеся именем какой-нибудь реки: севшие на Ветлуге называются Вытля-марэ, по Пижме — Пижман-марэ, по Рутке — Рдэ-марэ, по Кундышу — Кундыш-марэ, по Шуде — Шудо-марэ, по Оно — Оно-марэ, по Иру — Ир-марэ, по Юронге — Юрон-марэ, по Кудье — Кудьман-марэ»¹⁶.

Многие из этих топонимических наименований приблизительно соответствовали границам старинных больших волостей и локальных говоров конца XVI — начала XVII в. По данным диалектологической экспедиции Марийского научно-исследовательского института 1957 г., сами марийцы Звениговского (приволжского) района, принадлежащие в целом к волжскому диалекту родного языка, различают в своей среде целый ряд «сельских» говоров: Мушмари (Кожла-Солинский сельсовет), Кужмари и Памъял (Кужмарский сельсовет), Чакмари (Красноярский сельсовет), Эсмекипяк (Исменецкий сельсовет), Упшер (Обширский сельсовет)¹⁷. Предками носителей этих говоров было население старинных волостей Галицкой дороги: мушмарского говора — жители соседствующих волостей Первой, Второй и Третьей Мусморы; кужмарского и памъяльского — волостей Кужумора, Большой Кордем Кужумора, Кордем Кужумора; чакмарского — волости Красный Яр и т. д.

Распространенность среди марийцев устойчивых «земляческих» имен, их традиционно особый смысл, выходящий подчас за узкие пределы обычных крестьянских представлений о «наших» и «ненаших», наводит на мысль, что история и типология таких имен идет из глубины давно минувших столетий, когда марийцы были разобщены на малые и мельчайшие поземельно-родственные союзы и разобщенность эта — тер-

¹⁵ В. М. Васильев, Указ. раб., стр. 118.

¹⁶ И. Н. Смирнов, Указ. раб., стр. 17.

¹⁷ Н. Т. Пенгитов, Итоги марийской диалектологической экспедиции Марийского НИИ. 1957, «Труды Марийского НИИ», вып. XIII, 1959, стр. 178.

риториальная, диалектная, хозяйственная и т. д. — могла носить характер этнических различий даже в рамках одной этнолингвистической группировки населения Марийского Поволжья.

Соседи марийцев — чуваши, видимо, не были столь раздроблены и изолированы друг от друга, занимая до татаро-монгольского нашествия компактную территорию по южной окраине приволжских лесов от Свияги до Суры. В чувашском языке обнаруживаются диалектные различия, но не такие глубокие, как в марийском языке. Единое самоназвание *тываш* свойственно всем группам чувашского народа. Правда, их подразделяют на *вирьял* (*кайень*) и *анатри* (*малъень*), но, согласно источникам XVIII—XIX вв., любой чуваш — все равно вирьял или анатри — на вопрос «*Ас епле уруве?*» — «Какого ты рода-племени?» обычно отвечал: «*Чувашила уруве*». — «Чувашского рода (семени)»¹⁸; а на вопрос «*Кам эзе?*» — «Кто ты?» отвечал — «*Чуваш*». А уж затем спрашиваемый уточнял, к какому именно «роду» (фактически патрионимии) и населенному пункту он принадлежал¹⁹. Что касается названий *вирьял* и *анатри*, то они не отличались устойчивостью: живущие по соседству группы при известных условиях могли с одинаковым успехом употребить их по отношению друг к другу²⁰. Такого четкого взаимного разграничения по многим устойчивым этнокультурным признакам, как луговые, горные и санчурско-яранские марийцы, чувашки не знали.

Эти сравнительные данные о живущих рядом (правда, неродственных) народах в еще большей степени оттеняет сделанный выше вывод о длительной разобщенности больших и малых объединений марийцев — некогда родо-племенных, а затем возникших на их этнической основе, но при иных формах общественной связи, территориально-диалектных, «земляческих». При скудости источников датировать такие явления трудно, однако никакой иной основы для формирования марийской народности, кроме указанных «земляческих» группировок, предположить нельзя, да и то при наличии благоприятных условий для их сближения и смешения.

Закат родовых отношений у марийцев совпал во времени с крайне неблагоприятными для их дальнейшего развития историческими событиями — длившимся в течение нескольких веков военным давлением со стороны то одних, то других иноязычных пришельцев. На протяжении всей первой половины II тысячелетия марийцы дробились и отступали мелкими группами с насиженных мест, частично ассимилировались — одним словом, не могли объединиться в какую-либо устойчивую целостность хотя бы на основной, занимаемой ими от Суры и Ветлуги до Вятки территории. Для взаимного сближения и налаживания разного рода межгрупповых связей необходимы были стабилизация движения народонаселения, более «плотная» внутренняя колонизация Марийского края коренным населением, развитие коммуникаций и территориального разделения труда, централизующая деятельность какого-либо аппарата общественной власти. Надо полагать, что исподволь такие фак-

¹⁸ Н. В. Никольский, Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI—XVIII веках, Казань, 1912, стр. 312.

¹⁹ В. Д. Дмитриев, К вопросу о сложных общинах в Чувашии, «Уч. записки Чувашского НИИ», вып. XXIII, 1963, стр. 213.

²⁰ В этой связи очень интересное наблюдение было сделано Н. И. Гаген-Торн: «Точных границ, где живут вирьялы, а где анатри, у местного населения вообще не существует; название это передвигается, так как «название это среди населения обычно служит только для обозначения стороны относительно данного селения или района». (См. Н. И. Гаген-Торн, Этнографические работы в Чувашской республике, «Сообщения ГАИМК», вып. II, Л., 1929, стр. 177).

торы действовали, но крайне медленно, слабо, оставляя в стороне многие рассеянные по заволжским и вятским лесам микрогруппы. В таких условиях марийская народность не могла сложиться в течение длительного времени.

Русское правительство, утвердившееся в Марийском крае во второй половине XVI в., столкнулось здесь с довольно пестрой картиной «земляческого» размежевания коренного населения. Это особо подчеркнул хорошо осведомленный автор «Казанской истории»: «Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка их три, 4 язык варварский, той владеюще ими; едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; другая же черемиса об ону страну Волги живет, и та ся наричет луговая, низоты ради и равности земля тоя... В той же стране луговой есть черемиса кокшаская и ветлужская, живет в пустынях лесных...»²¹.

Последняя по времени интерпретация этого текста принадлежит Г. Н. Айплатову, который, в частности, пишет: «В данном случае под собирательным названием „горная черемиса“ имеются в виду чуваш и горные марийцы. Три „языка“ (народа) Казанской земли — это марийцы, чуваш и удмурты („черемиса, зовемая отяки“). Ими владел четвертый „язык“ (народ) — татары»²². И действительно, из самого текста «Казанской истории» вытекает, что под именем «горной черемисы» его автор прежде всего имел в виду чувашей, живших в районе Свияги и западнее, но, вероятно, ему были известны и горные марийцы, раз он разделяет «черемису» на три языка. Поэтому нельзя согласиться с Айплатовым, что третий «черемисский язык» — это удмурты.

Во-первых, достаточно осведомленный участник взятия Казани князь А. М. Курбский, опиравшийся на какие-то местные сведения, различал языки²³ «чуважский, черемиский, войтецкий або арский». Во-вторых, слова «Казанской истории»: «Наполни такими людьми землю ту еже ина черемиса, зовемая отяки, тое же глаголют ростовскую чернь, забежавши та от крещения русского в болгарских жилищах»²⁴ нельзя принимать всерьез, так как они излагают не собственные наблюдения автора, а какую-то легенду. Спутать луговых марийцев с удмуртами автор «Казанской истории» мог и потому, что те и другие наезжали в Казань с вятской стороны, и потому, что луговые марийцы себя называли «марий», а удмуртов «одо марий» (т. е. в переводе на русский — «отяцкие черемисы»).

Как бы то ни было, горномарийское наречие настолько отлочно от лугового, что и в наши дни существуют две литературные формы марийского языка, сложившиеся вследствие своеобразия фонетического оформления общемарийских слов в горном наречии и наблюдающихся в нем многочисленных лексических расхождений с другими наречиями²⁵. Такие различия вряд ли были меньшими в XVI в., поэтому горные марийцы, жившие рядом с чувашами и имевшие с ними уже тогда много общего в культуре, но оторванные от собственно луговых марийцев, вполне могли рисоваться русским людям особым «языком» — народом.

Упоминание в «Казанской истории» «черемисы кокшаской и ветлужской», противопоставленной в хозяйственно-бытовом отношении

²¹ «Казанская история», М.—Л., 1954, стр. 86.

²² Г. Н. Айплатов, Расселение марийцев во второй половине XVI — начале XVIII в., Сб. «Происхождение марийского народа», стр. 141.

²³ А. М. Курбский, История о великом князе Московском, СПб., 1913, стр. 45.

²⁴ «Казанская история», стр. 48.

²⁵ «Языки народов СССР», т. III, М., 1966, стр. 241.

«горной и луговой черемисе», может, конечно, навести на мысль, что третий «черемисский язык» — это северо-западное наречие марийского языка, отличное и от горного и от лугового наречий²⁶. Но, судя по мало-вразумительной и фактически неверной характеристике этой «черемисы» («ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиною питаются живут аки дикий») упомянутый историк знал кокшайских и ветлужских марийцев только понаслышке и вряд ли задавался целью определить характер их языка: ему было достаточно отметить, что «в той же стране луговой есть черемиса кокшаская и ветлужская».

Кстати, в свете только что приведенного текста становится ясно, что русские люди XVI в. вовсе не считали всех марийцев, живших по левую сторону Волги, «луговой черемисой». Подтверждение этому мы находим в различных источниках. Князь Курбский отмечал, что Галицкая дорога «яже суть от Луговые Черемисы», «залегохом пути от всея Луговые Черемисы, яже ко граду лежат», т. е. тяготеют непосредственно к Казани²⁷. Примерные западные и северо-западные пределы этого тяготения прослеживаются по некоторым ранним документальным свидетельствам. В 1560-х гг. на Казань шли дороги «Галецкая и Кокшаская», по которым «приходят воевати кокшайские и луговая черемиса»²⁸. Простой взгляд на географическую карту показывает, что луговая черемиса Галицкой дороги была к Казани ближе кокшайской (в данном случае обитающей скорее по верхней части Малой Кокшаги, нежели по Большой Кокшаге). В другом документе фигурируют луговые «казанские черемисы волости Кужуморы»²⁹ (вспомним упоминавшуюся выше диалектную группу Кужмари Звениговского Приволжья), а волость эта располагалась в Междуречье Нижней Илети и Малой Кокшаги, как раз на границе, отделявшей Галицкую «дорогу» (т. е. старинную «даругу» — область) от Кокшайского уезда.

Характерно, что «Летописец Русский» в части, касающейся левобережных марийцев, не дает им всем имени собственного «луговая черемиса», а называет их «луговыми людьми» вообще или выражается так: «государь посылал на луговую сторону, на изменников, на черемису. И воеводы пришли в волость в Вошлу (в верхней части М. Кокшаги. — К. К.). А воеводу Ивана Петровича с товарищи отпускали... в Ветлугу и в Рутки (где говорили по-горномарийски. — К. К.)»³⁰. Да и не мог этот источник, составленный по горячим следам войны с Казанью и ее союзниками, назвать всех левобережных марийцев «луговой черемисой», так как ветлужские, руткинские и кокшайские марийцы представляли собой этнические группы, заметно отличающиеся от собственно «луговой, казанской черемисы»³¹. А. Курбский о последней писал, что «ибо тот Черемиский язык не мал есть»³², т. е. как «язык» (здесь «народ» — К. К.) претендует на роль самостоятельной этнической общности.

²⁶ И. Егоров, Лексика северо-западного наречия марийского языка, «Труды Марийского НИИ», вып. XV, 1961, стр. 146.

²⁷ А. М. Курбский, Указ. раб., стр. 23, 26.

²⁸ «Писцовые книги города Казани 1565—68 гг. и 1646 г.», «Материалы по истории Татарской АССР», Л., 1932, стр. 50, 52.

²⁹ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, ч. 2, Саранск, 1951, стр. 151.

³⁰ «Летописец Русский», М., 1895, стр. 10.

³¹ И позднее русские документы выражались обычно так же: «по луговой стороне черемиса» и «нагорные стороны черемиса». («Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. II, ч. I, М., 1957, стр. 249, 250.)

³² А. М. Курбский, Указ. раб., стр. 67.

По Курбскому, луговая черемиса равнозначна приказанским марийцам Галицкой дороги. В качестве податной области — «даруги», «казанского улуса» — Галицкая «дорога» существовала задолго до взятия Казани и еще два столетия спустя. По русским писцовым и переписным книгам хорошо известны географические очертания этой «дороги», которые в основном совпадают с границами волжского диалекта марийского языка, но частично захватывают и территорию близкого им моркинско-сернурского говора³³. Некогда Морки входили в состав Алатской «дороги», но их население сохранило традиционное представление о марийцах волжского диалекта как о *лышал марий* — «ближних, родственных людях». В свете этих данных есть основания считать «луговую черемису Галицкой дороги» одним из крупных «земляческих» объединений марийцев, сложившимся еще задолго до взятия Казани.

Современные лингвисты выделяют в составе марийского языка обширный моркинско-сернурский диалект (положен в основу луговосточной литературной формы). Территориально он совмещается с Алатской «даругой», подвластной еще Казанскому ханству, и в качестве одноименной «дороги», вошедшей в состав Казанского уезда при Московском правлении. Видимо, коренное население этой «даруги» — «дороги» издавна также составляло какое-то этническое образование, чисто географически разделявшееся на моркинских *ончыл марий* и сернурских *шенгел марий* (см. выше).

Организуя во второй половине XVI в. административно-фискальное и военное управление Марийским краем, московским властям незачем было задумываться над тем, как лучше всего размежевать населенные марийцами земли бывшего Казанского ханства. Две крупные «земляческие» группировки марийцев — Галицкой дороги (волжская) и Алатской дороги (моркинско-сернурская) — представляли собой сложившиеся, однородные в диалектно-культурном отношении образования со стойкими органическими связями, которые не имело смысла разрушать, их можно было использовать для нужд воеводского управления.

Труднее было произвести поуездное межевание остальной части Марийского края, совсем не знаяшей казанского управления или подчинявшейся ему номинально. И надо сказать, что это межевание было совершенно довольно удачно, так как в основном учитывало давно сложившееся «земляческое самоопределение» коренного населения.

Исключением был учрежденный раньше других и в спешном порядке (сразу же после марийского восстания 1571—1573 гг.) небольшой Кокшайский уезд в составе левобережной, в низовьях Большой Кокшаги, Чемурушинской волости с марийским населением («Кокшаского уезда черемиса Чемурушинской волости польских деревень») ³⁴ и правобережной Сундырской волости с чувашским населением («Кокшаского уезду чуваша и черемиса Сундырской волости») ³⁵. Этот этнически разнородный искусственно образованный уезд именовался в официальных документах XVII в. «чуваша и черемиса Кокшаского уезду розных волостей и деревень», в него входило, по данным 1681 г., всего 218 ясачных дворов ³⁶. О марийской части этого уезда можно сказать только то, что в диалектном отношении она отличалась от соседней группы волжского

³³ См. Н. Т. Пенгитов, Указ. раб., стр. 180—182.

³⁴ «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, ч. 2, стр. 191.

³⁵ В. Д. Дмитриев, К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии, Уч. записки Чувашского НИИ, вып. XIV, 1956, стр. 199.

³⁶ Г. Н. Айплатов, Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае в XVII в., Канд. дисс., М., 1965.

говора Галицкой дороги и примыкала к расположенному севернее, в бассейне М. Кокшаги, населению Царевококшайского уезда³⁷.

Совершенно иной этнический состав был в обширном Козьмодемьянском уезде, включавшем земли по Горной и Луговой стороне на крайнем западе расселения марийцев. Еще до официального учреждения уезда и его волостных подразделений здесь существовала организация населения по «сотням» и «пятидесятиям», возникшая, видимо, не без воздействия Казанского ханства. Луговая сторона в бассейнах рек Ветлуги, Рутки, Арды и в междуречье Рутки и Б. Кундыша, притока Б. Кокшаги, была заселена небольшими, территориально изолированными группами марийцев. Они жили в мелких деревнях, расположенных нередко на значительном расстоянии друг от друга. Поэтому и в начале XVIII в. здесь были только «пятидесятни» (Токсубаева, Янигитова, Тохпаева), хотя число учтенных мужских душ в каждой из них тогда составляло до 400 и более человек³⁸. Старинные «сотни» располагались на Горной стороне (Ахпарысова, Аказина и Тенякова), где марийское население было густым и проживало во многих населенных пунктах от р. Суры до р. Сундырь. С юга и юго-запада к этим «сотням» вплотную примыкали поселения чувашей, также организованных в «сотни», а одно такое объединение — Кобяшева сотня — имело смешанный марийско-чувашский состав.

Очевидно, эти подразделения местного населения на крайнем западе Марийского края имели какое-то тяготение друг к другу, если московская администрация сочла необходимым объединить их в один Козьмодемьянский уезд. Сотенная организация в приволжском районе не была разрушена, но с учреждением Козьмодемьянского уезда вводилось его деление на четыре волости: горную Юнгинскую, луговую Руткинскую, в бассейне Ветлуги — Ветлужскую и Ошарасскую. В языковом отношении все эти группы относились к *курук-маре* — горным марийцам и, вероятно, были связаны единством происхождения. Аборигенное ядро занимало Горную сторону, ветлужские и заволжские группы марийцев в период присоединения к России представляли собой потомков переселенцев из Правобережья.

Выделение на Горной стороне только одной, причем очень обширной Юнгинской волости обосновывалось тем, что ее марийское население составляло сплоченный земляческий союз, за которым в глубине веков угадывается особая племенная группировка. На это обратил внимание еще И. Н. Смирнов, записывая марийские предания о древних героях и правителях: «Козьмодемьянские черемисы и доселе знают «землю Акпарса», одного из подобных старейшин. На территории Акпарса стоят нынешний город Козьмодемьянск, села Пернягаш, Пертнур, Еласово, Владимирское, Емелево, Троицкий посад, Большая и Малая Юнга; словом, ему принадлежал весь нынешний Горночеремисский край до Суры. Предание прибавляет, что ему же принадлежали огромные леса на левом берегу Волги, по Ветлуге»³⁹.

Вероятно, Акпарс (Ахпарыс) был реальной и незаурядной личностью — местным предводителем, «сотным князем», если его имя до конца XVIII в. носила самая крупная «сотня» горных марийцев, занимавших земли от нижней Суры до правобережья р. Юнга, вплоть до

³⁷ Н. Т. Пенгитов, Указ. раб., стр. 180.

³⁸ В. К. Магницкий, Город Кузьмодемьянск и его уезд по 1-й народной переписи (1718—1722 гг.), «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XIII, вып. 5, 1896, стр. 434—435.

³⁹ И. Н. Смирнов, Указ. раб., стр. 25—26.

с. Владимирского (Бассурманово) и от современной южной границы Марийской АССР до Волги.

Официальное название населения этой сотни в XVII в. «Акпарысовы сотни Юнгинской волости ясачная черемиса». С основанием г. Козьмодемьянска, русских дворцовых и монастырских сел Воскресенского и Малоюнгинского с деревнями земельные площади Акпарысовой сотни были сильно урезаны. По губернской реформе Петра I от нее было отмежевано Нижнее Присурье, но все равно по первой подушной переписи, «в Акпарысова сотне за отсылкою в Нижегородскую губернию в остатке 1265 душ», т. е. значительно больше, чем в самой крупной марийско-чувашской Кобяковской сотне (1082 души), не говоря уже о левобережных марийских пятидесятнях⁴⁰. Генеральное межевание крестьянских дач конца XVIII в. уцло давние земляческие связи горных марийцев и определяя бывшую Акпарысову сотню как самостоятельное волостное образование, узаконило огромную, свыше 39 тыс. дес. Ценибековскую крестьянскую дачу Акпарысовых и «обще с ними» Алдышевой, Аказиной, Тяняковой горных волостей и левобережных ардинских марийцев⁴¹.

Практически в эту дачу вошла большая часть горномарийских населенных пунктов, и не случайно поэтому в сознании местных жителей упрочилось представление о «Большой веревке» — окружной меже, по-марийски *кэрэм*, которое В. М. Васильев трактует, как «район, удел, земельная граница горных марий»⁴². Эта «Большая веревка» была наследием давнего «земляческого» объединения горных марийцев с одним диалектом, укладом и этническим самосознанием. К ним примыкали левобережные руткинско-ардинские марийцы, долгое время сохранявшие предания о том, что их предки были пришельцами с Горной стороны⁴³.

Несколько особняком стояли ветлужские марийцы, традиционно называющие себя собственным именем *вытля маре* и имеющие говор, несколько отличный от коренного горномарийского наречия. Вероятно, в этом определенную роль сыграла территориальная обособленность, усиленная тем, что с XVII в. на низовьях Ветлуги появляется значительное русское население, отделившее широкой полосой быстро обрусевших *вытля маре* от их горномарийских сородичей⁴⁴.

Но вышеописанными явлениями этнолингвистическое многообразие марийцев на основной территории их расселения не исчерпывается. Пристального внимания заслуживают еще две старинных группировки этого народа — санчуро-яранская (северо-западная) и малококшайская (центральная). Видный языковед прошлого М. Веске, определяя границы марийских диалектов, писал, что к северу от горномарийского наречия, на котором на Луговой стороне говорят еще в трех смежных с Козьмодемьянским уездом деревнях Большой и Малой Шудогуш и Килемары Яранского уезда (по административному устройству 1781 г.), проходит граница наречия (по современной лингвистической номенклатуре, северо-западное наречие), которое «хотя и отличается от горного наречия,

⁴⁰ В. К. Магницкий, Указ. раб., стр. 433—435.

⁴¹ Центральный государственный архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. 1355, д. 407, лл. 6—56.

⁴² Упрямый (В. М. Васильев), Марий мутэр, М., 1928, стр. 101.

⁴³ К. С. Рябинский, Ардинский приход Козьмодемьянского уезда, «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XVI, вып. 2, 1900, стр. 179.

⁴⁴ К. И. Козлова, Марийцы Горьковской и Кировской областей, «Труды Марийского НИИ», вып. XVI, 1961, стр. 183 и сл.

все-таки стоит к нему гораздо ближе, чем к наречию, на котором говорят к востоку от Яранского уезда, именно в Уржумском уезде Вятской губернии... Центром этого говора является посад (прежний уездный город) Царевосанчурск»⁴⁵.

Далее М. Веске приводит любопытные этнографические сведения: «Названная деревня Килемаре находится только около пяти верст от Яранской же деревни Ломбенура..., а между тем до сих пор не было случая, чтобы килемарский мужчина женился на девушке из Ломбенура или, наоборот, килемарская девушка вышла замуж за ломбенурского мужчину. Килемарские черемисы берут невест из Козьмодемьянского уезда, ближайšie деревни которого лежат в верстах двадцати-тридцати через болотистый лес и из Макарьевского уезда (с. Ветлуги.— К. К.), черемисские деревни которого также далеко от Килемаре. Здесь как граница говора, так и граница наряда и брачных союзов, весьма разна. Так же в прочих деревнях на юге Яранского уезда и на севере Козьмодемьянского уезда... Была ли здесь когда-либо также политическая граница — это небезынтересно было бы исследовать»⁴⁶.

Какая-либо «политическая граница» в данном случае не усматривается, но очевидно граница между традиционными земляческими группировками средневековых марийцев. Упомянутая деревня Килемары на р. Б. Кундыш была своего рода северо-восточным форпостом горномарийского наречия, вынесенным со стороны руткиноско-ардинского куста. Она входила в состав старинной Янигитовой пятидесятни, принадлежавшей позднее к Ардинскому церковному приходу⁴⁷, но была отмежевана от ближайшей (ниже по течению Б. Кундыша) Сорококундушской волости, приписанной в конце XVI в. к Царевосанчурскому уезду.

На 1584 г. приходится начало организации двух смежных уездов с чисто марийским населением — Царевосанчурского и Царевококшайского. Из более поздних документов мы узнаем, что Царевосанчурский уезд вобрал в свой состав 14 волостей — мелких земляческих союзов, группировавшихся в основном в бассейне Б. Кокшаги (Большая и Малая Мамокша, Лижненская, Цокеевская, Шаптинская, Удюрминская и др.), но также выдвинувшихся к западу, в сторону Ветлуги (волости Устинская, Черномужинская), и несколько к востоку, на р. Б. Ошлу (Туршинская волость). По современному административному делению — это Санчурский, Кикнурский и Шарангский районы Кировской области. Несколько особняком стояла упомянутая выше Сорококундушская волость⁴⁸. Марийское население очерченного района складывалось, видимо, за счет переселенцев, приходивших с юга, по Кокшагам, с юго-запада, по Рутке, может быть, и с запада, со стороны Ветлуги.

В целом язык марийского населения этого района лингвисты относят к особому северо-западному наречию, но при этом подчеркивают, что он «не представляет собой цельной картины: в нем имеются отдельные говоры с характерными особенностями. Например, язык жителей Шарангского района по своим особенностям имеет уклон в сторону горного наречия. По мере продвижения к Тоншаево и через Тужу в сторону Яранска элементы горного наречия постепенно уменьшаются и, наобо-

⁴⁵ М. Веске, Исследования о наречиях черемисского языка, «Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. VII, 1889, стр. 4.

⁴⁶ Там же, стр. 4—5.

⁴⁷ В. К. Магницкий, Указ. раб., стр. 434; К. С. Елябинский, Указ. раб., стр. 177.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 6468

пот, особенностей лугового наречия становится все больше и больше»⁴⁹. Конечно, эти наблюдения относятся к недавнему времени, а в XVI—XVII вв. диалектологическая картина района могла быть несколько иной, но все-таки лингвистический материал вселяет уверенность, что и при учреждении Царевосанчурского уезда здешние жители не причисляли себя ни к горным, ни к луговым марийцам. Для русской администрации они были особой группировкой населения — «санчурской черемисой».

В источниках упоминается и соседняя «яранская черемиса», обитавшая в районе г. Яранска, основанного в 1591 г., но это была скорее чисто территориальная, нежели особая этнолингвистическая группа марийцев, так как в диалектном отношении она всецело примыкала к северо-западному наречию⁵⁰. Хотя в Яранском уезде проживало довольно много марийцев, однако его этнический состав был неоднородным, со все более возрастающим значением русского элемента. В 1670 г. «в городе Яранску всякие служилые люди и уездные крестьяне (русские.— К. К.) и ясачная черемиса живут»⁵¹.

Под 1555 г. в русской летописи помещено сообщение о походе русского войнства на беспокойных кокшайских марийцев. При этом впервые названы марийские волости (Хозякова, Вошла, Мазары, Б. и М. Орша. Монам и др.), тесно группировавшиеся в верхней части р. Малой Кокшаги⁵². На базе этих мелких земляческих союзов, в целом, несомненно, составлявших этнолингвистическое единство, в 1584 г. был образован Царевококшайский уезд в составе восьми волостей — Азяковской, Великопольской, Кокшайской, Кузнецовской, Кугунурской, Мананской, Нолинской и Ошлинской⁵³. Границы этого старинного уезда в основном совпадают с районом распространения выделенного ныне йошкар-олинского говора, который составляет особое подразделение лугового наречия, так как имеет целый ряд своеобразных черт, не свойственных другим марийским диалектам⁵⁴. Луговые марийцы волжского и моркинско-сернурского говоров в «земляческом» отношении всегда отличали себя от «чарла марий».

Таковы наиболее крупные научно-распознаваемые земляческие группировки марийского населения в период прочного их закрепления в составе Русского государства. Этнолингвистическое разнообразие этих групп объясняется не только их территориальной разобщенностью, но и, надо полагать, происхождением от различных древнемарийских племенных общностей, которые с разрушением родовых связей и возможным сдвигом и смешением соседствующего одноязычного населения послужили этническим ядром вновь формирующихся земляческих объединений большей или меньшей величины. И вряд ли тогда, на рубеже XVI и XVII вв., уже активно действовали такие социально-экономические силы (их течение обнаружилось одним-двумя столетиями позже), которые бы стягивали автономные группировки родственного по языку населения в устойчивую этносоциальную общность.

⁴⁹ И. С. Галкин, Л. П. Грузов, Некоторые итоги диалектологической экспедиции Марийского НИИ 1958 г., «Труды Марийского НИИ», вып. XIII, 1959, стр. 191.

⁵⁰ Л. П. Грузов, Указ. раб., стр. 8.

⁵¹ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. II, ч. 1, стр. 295.

⁵² «Летописец Русский», стр. 25.

⁵³ Г. Н. Айплатов, Расселение марийцев во второй половине XVI — начале XVII в., стр. 145.

⁵⁴ Д. Г. Казанцев, Редуцированные гласные в йошкар-олинском говоре марийского языка, «Труды Марийского НИИ», вып. XVIII, 1964, стр. 23.

SUMMARY

The article is devoted to finding the main regularities of ethnic processes which began with the desintegration of the ancient tribal communities and led historically to the emergence and evolution of the mediaeval nationality (*narodnost'*). The author shares the view that ethnic communities always constitute historically formed social organisms; various peoples are distinguished from each other by traits which have arisen in the course of their social-economic evolution. The author's conclusions are based on factual data on the history of the Mari in the Middle Volga Region in the period of their incorporation into the state of Russia (second half of the XVI—beginning of the XVII centuries). These conclusions are: firstly, in the period of early European Middle Ages, as a result of the desintegration of pre-class relations, the Maris constituted merely an ethno-linguistic unity (genealogical—in the sense of genesis and language) subdivided into a certain number of territorial groups; secondly, living remnants of these groups, their characteristics already transformed into those of territorial alliances, were the actual form of the ethnic units of the Maris in the period when they became part of Russia.

Н. Г. Волкова

ИЗМЕНЕНИЯ В ГОРОДСКОМ НАСЕЛЕНИИ ЗАКАВКАЗЬЯ В КОНЦЕ XIX—XX века

История большинства современных городских центров Закавказья исчисляется десятками веков: возникновение Еревана обычно связывается с постройкой в 782 г. до н. э. крепости и города Эребуни, Кутаиси упоминается в античных источниках III в. до н. э., основание Тбилиси исследователи относят к V в., Баку известен уже с VIII в., древняя Гянджа (ныне Кировабад), судя по сведениям арабских географов, — с IX в., Шемаха названа в источниках X в. и т. п. Некоторые из закавказских городов образовались лишь в XIX в. Это Александрополь (современный Ленинакан), на месте которого в первой четверти XIX в. находилось небольшое армянское с. Гюмры, Караклис (Кировакан), Ново-Баязет (ныне г. Камо), куда в 1828—1829 гг. переселились армяне из турецкого г. Баязета, Казах, образовавшийся в 1870-х гг. как административный центр Казахского уезда Елисаветпольской губ., и др.¹

Немало городов Закавказья, будучи до Великой Октябрьской социалистической революции сельскими населенными пунктами, получили статус города лишь в советское время. Таковы Цхинвали — административный центр Юго-Осетинской автономной области — и города промышленного значения: Рустави², Чиатура, Ткибули, Ткварчели. Наконец, имеются города, построенные уже в годы социалистического строительства: Мингечаур, Сумгаит, Дашкесан и др.

Городские центры Закавказья различаются не только по времени возникновения, но и по выполняемым ими функциям. Большинство городов сочетали и сочетают функции экономические и социально-политические, однако характер функций по сравнению с дореволюционным периодом существенно изменился. Например Ереван, до революции небольшой торгово-ремесленный город, не игравший особой роли в экономике Закавказья, теперь стал промышленным и культурным центром всесоюзного значения. Гянджа (современный Кировабад), во второй половине XIX в. сравнительно небольшой торгово-ремесленный и административный центр Елисаветпольской губернии — превратился за годы Советской власти в крупный промышленный, второй по численности населения город Азербайджана.

¹ Х. Ф. Линч, Армения. Путевые очерки и этюды, т. I, Тифлис, 1910, стр. 162; «Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа», т. VI — «Елисаветпольская губерния», Тифлис, 1888, стр. III.

² На месте современного Рустави в средние века находился один из крупнейших городов Грузии. В позднем средневековье, в результате неоднократных опустошительных войн, город пришел в упадок; с разрушением ирригационной системы опустели близлежащие селения (см. «Народы Кавказа», т. II, М., 1962, стр. 236, 237). Рустави, представлявший собой в XIX в. небольшой населенный пункт, за годы Советской власти благодаря строительству металлургического комбината стал крупным промышленным городом.

Внешнеполитическая и внутренняя обстановка Закавказья в прошлом не всегда была благоприятной для развития городов³. Можно привести немало примеров, когда крупные экономические и культурные городские центры, значение которых было велико не только для народов Закавказья, но и Северного Кавказа, центральных областей России, стран Ближнего Востока в XVIII—XIX вв. переживали сильный упадок и постепенно превращались в захолустные с небольшим числом жителей городки, известные лишь своей былой славой. Так, Берда'а — самый крупный в X в. город Закавказья — в 1880-х гг. стал небольшим селением с 300 жителей. Гянджа и Шемаха, в средние века наиболее развитые в экономическом и культурном отношении центры Закавказья и Ближнего Востока, приходят в упадок уже в начале XVIII в. «Во временах персидских, — писал о Шемахе И. Г. Гербер в 1720-е гг., — имелись здесь великие торги, шелковые фабрики и мануфактуры... Многие чужеземные купцы, как из персиян, русских, турков, армян, индийцев и других народов, здесь для торгу жили и приезжали...»⁴. В дальнейшем упадку этих городов способствовали и обстоятельства внешнеполитического характера⁵.

В первой половине XIX в. экономическая роль Гянджи и Шемахи несомненно усиливается. Восстанавливается шелковое производство в Шемахе, развиваются ковроткачество, резьба по дереву, металлу, производство набивных тканей, получившие дополнительный рынок сбыта в России. До 1859 г. в Шемахе находились административные учреждения Шемахинской губернии⁶, а Гянджа (Елисаветполь) стала административным центром Елисаветпольской губернии. В пореформенный период вновь ощущается экономический упадок: увеличение ввоза фабричных товаров вызвало сокращение кустарной промышленности Гянджи, Нухи и других городов Закавказья. В связи со строительством в 1883 г. железной дороги Баку — Тифлис — Батум в последующее время Шемаха уже не играет прежней роли в торговых связях Азербайджана.

По-иному происходило развитие Баку, в котором в конце XVIII в. насчитывалось всего 3,5 тыс. жителей⁷. Запасы нефти, наличие удобной гавани и особенно проведение Закавказской железной дороги способствовали превращению Баку уже в 1880-х гг. в один из важнейших промышленных центров не только Кавказа, но и всей России. Население его к 1886 г. достигло 86,6 тыс. чел. и превысило число жителей Тифлиса. В наше время Баку — один из крупнейших в Советском Союзе городов с миллионным населением, промышленный центр мирового значения.

³ Нашествия сельджуков и монголов, неоднократные походы персидских и турецких правителей в Закавказье разрушали городские центры края; их население, особенно ремесленников, уводили в плен, и городская жизнь приходила в упадок. Примером могут служить походы Шах-Аббаса в Восточную Грузию (Кахетию) в первой четверти XVII в., в результате которых ее города были разрушены, а около 100 тыс. кахетинцев уведены в Иран.

⁴ И. Г. Гербер, Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г., в кн.: «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.», М., 1958, стр. 94.

⁵ В частности, походы Надиршаха в 1730-х гг. и Ага-Мухаммед-хана в 1794—1797 гг. Немалую роль в истории Шемахи сыграли также два крупных землетрясения (1768 и 1828 гг.), результатом которых были огромные разрушения и человеческие жертвы.

⁶ В связи с землетрясением 30 мая 1859 г., разрушившем значительную часть города, губернские учреждения были переведены в Баку.

⁷ А. Г. Серебров, Историко-этнографическое описание Дагестана 1796 г., в кн.: «История, география и этнография Дагестана», стр. 178.

Изменение характера функций закавказских городов и значения последних в экономической и политической жизни народов Закавказья оказывало, естественно, влияние на численность населения городов. Так, население Шемахи (см. рис. 1), почти не возросшее за 1796—1830-е гг., в последующий период до 1873 г. непрерывно увеличивалось. Однако уже в середине 1880-х гг. заметно уменьшение числа жителей. Причина этого — экономический упадок Шемахи, о чем мы уже говорили, незначительная роль города в промышленном производстве и торговле Азербайджана последней четверти XIX в. В советские годы в Шемахе наблюдается некоторый промышленный подъем, в связи с чем переписи 1939 и 1959 гг. зафиксировали увеличение населения.

Население Кутаиси с конца XVIII в. до настоящего времени, в от-

Рис. 1. Изменение численности населения Шемахи за период 1796—1959 гг.

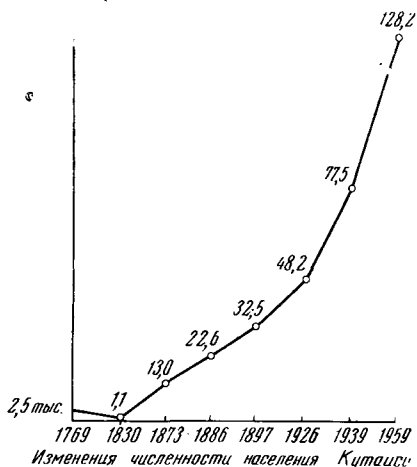

Рис. 2. Изменение численности населения Кутаиси за период 1796—1959 гг.

личие от Шемахи, увеличивалось непрерывно (см. рис. 2). В настоящее время Кутаиси — крупный машиностроительный центр всесоюзного значения. С промышленным развитием города усилился приток рабочей силы, что существенно увеличило численность жителей. По переписи 1959 г., Кутаиси — четвертый по численности населения город Закавказья.

* * *

Слабое промышленное развитие Закавказья почти до конца XIX в. (за исключением Баку и Чиатур) обусловило преобладание в крае торгово-ремесленных городов, часть жителей которых сохраняла связь с сельским хозяйством. Даже внешний облик многих закавказских городов почти не отличался от крупных сельских поселений. «Малочисленные и малонаселенные города губернии, — писали в 1880-х гг. современники о городских центрах Елисаветпольской губернии, — большей частью едва отличаются от сельских поселений. Даже губернский город Елисаветполь изобилует фруктовыми и виноградными садами, Нуха — тузовыми плантациями. Как тот, так и другой притом владеют обширными полями. Только Шуша по положению своему на вершине скалы, окруженной почти отвесными стенами, как и по высоким каменным строениям и по характеру преданного торговле и ремеслам населению своему носит на себе отпечаток городского поселения»⁸. По переписи 1886 г. в Закавказье насчитывалось 35 городов. Самые крупные — Баку и Тифлис,

⁸ «Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа», т. VI — «Елисаветпольская губерния», стр. II.

с 80—90 тыс. жителей. Численность населения Елисаветполя, Кутаиса, Шемахи, Александрополя, Нухи, Шуши колебалась в пределах 20—26 тыс. чел.

Некоторое развитие промышленности в Закавказье в 1880—1890-х гг., строительство железных дорог (Баку—Батум, Тифлис—Поти и др.) в значительной степени ускорили рост городов, способствовали вовлечению в промышленное производство сельского населения Азербайджана, Армении, Грузии, крестьян-переселенцев из центральных губерний России. Число жителей Тифлиса и Баку к 1897 г. увеличилось соответственно до 160 и 112 тыс. чел. Батум с прокладкой нефтепровода Баку—Батум стал крупным портом в торговле нефтепродуктами с Европой. В этот период развитие городов настолько усилилось, что рост городского населения значительно опережал рост населения Закавказья в целом. Например, общее число жителей края с 1897 по 1913 г. увеличилось на 32,1%, а жителей городов — на 74,2%. Однако последние распределялись по отдельным областям очень неравномерно: наиболее высокий процент городских жителей был в Грузии и Азербайджане (25,6% и 23,7%)⁹, тогда как в центральной части Закавказья, в Армении — всего 10,4%.

Этнический состав населения закавказских городов складывался из: 1) населения окрестных сел, в основном однородного по своим этническим компонентам с населением города; 2) жителей соседних закавказских областей; 3) переселенцев из сопредельных с Закавказьем стран — Турции и Ирана. Эмигранты из этих стран составляли значительный процент жителей городов Армении, Азербайджана, пограничной полосы Грузии. Однако этнический состав переселенцев был довольно однородным: преимущественно это были армяне, жившие компактно и большими массивами в Турции и Иране и неоднократно в XIX — начале XX в. вследствие различных исторических событий переходившие за Аракс, на территорию Закавказья. Значительно меньший процент среди переселенцев составляли греки и айсоры.

В отличие от Северного Кавказа¹⁰, города Закавказья населяли в основном коренные жители. По данным переписи 1886 г., в закавказских городах насчитывалось 180,8 тыс. армян, 95,3 тыс. азербайджанцев и 59,6 тыс. грузин. Иными словами, 20% всех армян Закавказья, 8,3% азербайджанцев и 5,7% грузин жили в городах. Материалы этой же переписи дают представление и о национальном составе населения закавказских городов (табл. 1). В них было значительное число армян, причем не только в Армении, но также в Грузии и Азербайджане. В последних двух областях армяне отмечались еще средневековыми источниками¹¹. Кроме того, были и более поздние напластования, связанные с передвижениями торгово-ремесленного населения¹² и различными внешнеполитическими событиями. В частности, в 1828—1829 гг. армяне из Эрзерумского, Карсского и Баязетского пашалыков Турции переселились в Ахалцих, из Ирана — в Нахичевань¹³. В 1915 г.

⁹ Данные 1913 г.

¹⁰ См. Н. Г. Волкова, Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти, «Сов. этнография», 1965, № 2.

¹¹ См., например, Н. И. Веселовский, Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. 1, СПб., 1890, стр. 105, 284, 449; «Хожение купца Федота Котова в Персию», М., 1958, стр. 72.

¹² Например, переселение в первой половине XIX в. части ахалцихских ювелиров в Тифлис. В кн.: «Народы Кавказа», ч. II, стр. 476.

¹³ С. Глинка, Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, М., 1831, стр. 98, 114.

Таблица 1

Национальный состав населения городов Закавказья на 1886 г.¹

Города	Всего насе- ления (тыс. чел.)	В том числе											
		азербай- джанцев		армян		грузин		русских		греков		прочих	
		тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Баку	86,6	37,5	43,3	24,5	28,3	—	—	21,4	24,7	—	—	3,2 ²	3,7
Тифлис	78,4	1,3	1,6	37,4	47,8	21,3 ³	27,2	14,3	18,3	0,2	0,2	3,9 ⁴	4,9
Шуша	26,8	11,6	43,3	15,2	56,7	—	—	—	—	—	—	—	—
Нуха	25,9	21,0	81,1	4,7	18,2	0,1	0,4	—	—	—	—	0,1	0,4
Александрополь	24,2	0,9	3,7	22,9	94,6	—	—	0,1	0,4	0,3	1,3	—	—
Кутаис	22,6	—	—	2,3	10,5	15,2 ⁵	67,1	1,5	6,6	0,2	0,8	3,4 ⁶	15,0
Шемаха	22,1	17,5	79,0	4,0	17,9	—	—	0,6	3,1	—	—	—	—
Елисаветполь	20,3	11,1	54,6	8,9	43,9	0,1	0,5	0,1	0,6	—	—	0,1	0,4
Ахалцих	16,1	—	—	10,4	64,6	2,7	17,0	0,2	0,9	—	—	2,8 ⁷	17,5
Батум	14,8	—	—	3,5	23,7	2,5 ⁸	16,8	1,7	11,4	3,0	20,3	4,1 ⁹	27,8
Эриван	14,7	7,2	49,4	7,1	48,1	—	—	0,3	2,0	—	—	0,1	0,5
Куба	13,9	6,5	46,6	0,8	6,0	—	—	0,3	2,1	—	—	6,3 ¹⁰	45,3
Сальяны	12,1	12,1	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Телав	11,2	—	—	9,2	82,2	1,9 ¹¹	17,0	0,1	0,8	—	—	—	—
Сигнах	10,6	—	—	5,9	55,7	4,5	42,5	0,1	0,9	—	—	0,1	0,9
Новобаязет	7,5	—	—	7,4	98,6	—	—	—	—	—	—	0,1	1,4
Гори	7,2	—	—	2,9	40,2	3,9 ¹²	54,2	0,4	5,6	—	—	—	—
Нахичевань	6,9	4,9	71,0	2,0	29,0	—	—	—	—	—	—	—	—
Поти	4,7	—	—	0,5	10,6	2,9 ¹³	61,7	0,2	4,3	0,5	10,6	0,6	12,8
Ахалкалаки	4,3	—	—	4,1	95,6	—	—	0,1	2,2	—	—	0,1	2,2
Ленкорань	4,2	—	—	0,3	7,2	—	—	0,7	16,6	—	—	3,2 ¹⁴	76,2
Ордубад	4,2	3,8	90,2	0,4	9,8	—	—	—	—	—	—	—	—
Сухум	0,5	—	—	0,1	12,8	0,1	28,3	0,1	28,9	0,1	7,5	0,1	22,5

¹ Таблица составлена по материалам книги «Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.», Тифлис, 1893.

² В том числе 1,7 тыс. немцев, 1,1 тыс. поляков, 0,4 тыс. евреев.

³ В том числе 2,9 тыс. имеретин, 0,2 тыс. мегрелов. Отметим, что по переписи 1897 г. число грузин в Тифлисе возросло до 41,2 тыс. чел.

⁴ В том числе 1,6 тыс. евреев, 1,2 тыс. немцев, 0,8 тыс. поляков и 0,3 тыс. осетин.

⁵ Имеретин, мегрелы и гурийцы.

⁶ В том числе 2,8 тыс. евреев и 0,3 тыс. поляков.

⁷ В том числе 2,6 тыс. евреев.

⁸ В том числе 1,6 тыс. мегрелов, 0,5 тыс. гурийцев, 0,4 тыс. имеретин.

⁹ В том числе 0,6 тыс. абхазов, 0,9 тыс. евреев, 0,3 тыс. поляков, 1,3 тыс. турок.

¹⁰ Горские евреи.

¹¹ По переписи 1897 г., численность грузин в Телави возросла более чем в пять раз, а число армян в 2,5 раза уменьшилось.

¹² По данным переписи 1897 г., число грузин в Гори достигло 6,2 тыс. чел.

¹³ Имеретин и мегрелы.

¹⁴ Талыши.

вследствие геноцида армян в Османской Турции¹⁴ 5 тыс. армян из Ардаганского округа перешли в Ахалкалаки и соседние села¹⁵. С событиями 1828, 1829 и 1915 гг. связано и увеличение численности армян в городах самой Армении: часть турецких армян в 1828 г. поселилась в с. Гюмры, где постепенно вырос город Александрополь, армяне из Баязетского пашалыка образовали ядро населения Новобаязета¹⁶. Много иранских армян поселилось в Эриване. В 1915 г. только за один день в города Армении из различных областей Турции и Ирана перешло свыше 4 тыс. армян, в том числе 2,3 тыс. чел. в Александрополь. 1,5 тыс. чел. в Эриван¹⁷. Таким образом, в конце XIX — начале XX в.

¹⁴ «Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов», Ереван, 1966.

¹⁵ Газ. «Кавказ». 1915, № 18.

¹⁶ С. Г л и н к а, Указ. раб., стр. 98, 114.

¹⁷ «Однодневная перепись беженцев из Турции, Персии и из мест, пограничных с Турцией», Эриван, 1915, стр. 26, 27, 37.

армяне были основным населением Александрополя, Новобаязета, Вагаршапата, а за пределами Армении — городов Ахалциха, Ахалкалаки. В ряде других городов Закавказья проживало значительное число армян.

Азербайджанцы жили преимущественно в городах Азербайджана. В Баку, Шуше, Нухе, Шемахе они составляли 45—80% населения, в Сальянах и Ордубаде 90—100%. Кроме того, около 10 тыс. азербайджанцев жили в Тифлисе, Эриване, Александрополе. Грузины населяли главным образом городские центры Грузии; более всего их было в Тифлисе и Кутаисе (в целом 36,5 тыс. чел.), значительное число (40—60% населения) — в Сигнахе, Гори, Потти и других городах Кутаисской и Тифлисской губерний. Талыши и горские евреи были жителями Ленкорани и Кубы, городов, находившихся в пределах этнической территории этих народов. Абхазов, южных осетин, лезгин, курдов в городах Закавказья до Великой Октябрьской социалистической революции почти не было.

Кроме коренного населения в закавказских городах жили русские, греки, незначительное число немцев, поляков. Русские составляли 24,6% населения промышленного Баку, 18,1% в общекавказском центре Тифлисе, 11,2% в портовом Батуме. Греки жили главным образом в Батуме (20,1%); в других городах — Потти, Александрополе, Тифлисе, Кутаисе их было немного — 500—200 чел. в каждом. В 1915 г., в период первой мировой войны, среди беженцев из Турции и Ирана в пределы Закавказья перешли также греки. Только за один день переписи в Ахалкалаки было учтено 1,4 тыс. греков, в Александрополе — 1,3 тыс. чел., несколько менее их поселилось в Ахалцихе и Батуме¹⁸. В эти же годы в городах Закавказья появляются ассирийцы. Так, более 3 тыс. переселенцев ушли в Тифлис¹⁹, около 300 чел. поселились в Эриване, Александрополе, Нахичеване, однако в Закавказье основная масса ассирийцев расселилась в сельских местностях²⁰. Перепись 1897 г. показала возрастание в городах численности грузин, армян, азербайджанцев. Так, с 1886 по 1897 г. число грузин в Тифлисе увеличилось на 93%, в Гори — на 59%, Кутаисе — на 50% и т. п.

Судя по приведенным материалам, население закавказских городов, за исключением Тифлиса, Баку, Батума, было этнически довольно однородным. В этом отличие закавказских городов от городских центров Северного Кавказа, население которых было многонациональным вследствие частых передвижений из России, Европы, Закавказья²¹. Данные переписей 1886 и 1897 гг. показывают, что самой многочисленной была группа городов, население которых включало две-три национальности. Например, в Нахичевани, Шуше, Ордубаде жили азербайджанцы и армяне, в Телаве — грузины и армяне, в Шемахе — азербайджанцы, армяне и русские и т. д. Менее значительна была группа однонациональных по составу жителей городов: азербайджанский Сальяны, армянские — Новобаязет, Вагаршапат и др. Преобладание одной-двух национальностей в населении большинства городов Закавказья во многом определялось этническим составом окружающей их территории. Например, основное население Ахалкалаки в последней четверти XIX в. — армяне, они же составляли 71% населения территории вокруг города. Этническое окружение Ленкорани талыши — основные жители

¹⁸ «Однодневная перепись беженцев из Турции, Персии и из мест, пограничных с Турцией», стр. 27, 37, 73.

¹⁹ Впоследствии часть их переселилась на Северный Кавказ.

²⁰ «Однодневная перепись беженцев из Турции, Персии и из мест, пограничных с Турцией», стр. 73.

²¹ Н. Г. Волкова, Указ. раб.

города и т. п. Национальный состав Тифлиса, Баку, Батума, помимо названного фактора, в значительной мере определялся также их культурной, промышленной и административной ролью в жизни народов Кавказа.

* * *

Неузнаваемо изменились города Закавказья за годы социалистического строительства. Преобразился их внешний облик²². Значительно возросла численность населения, что видно из данных переписи 1926 г. Так, в период с 1913 по 1926 г. число жителей городов Закав-

Таблица 2

Численность населения городов Закавказья
(по данным переписей 1926, 1939 и 1959 гг.)¹

Города	Численность населения (тыс. чел.)			1939 г. в % к 1926 г.	Города	Численность населения (тыс. чел.)			1939 г. в % к 1926 г.
	1926 г.	1939 г.	1959 г.			1926 г.	1939 г.	1959 г.	
Баку	453,3	774,8	971,1	214,2	Гори	10,5	19,6	35,1	334,2
Тбилиси	294,1	519,2	694,7	236,2	Нуха	22,9	32,3	34,4	150,2
Ереван	64,6	204,2	509,3	788,0	Нахичевань	10,3	15,7	25,3	245,6
Кутаиси	48,2	77,5	128,2	256,9	Ленкорань	12,1	16,6	25,2	208,2
Кировабад	57,4	99,0	116,1	202,2	Цхинвали	5,8	13,8	21,6	372,4
Ленинабад	42,3	67,7	108,4	256,2	Степанакерт	3,2	10,5	19,7	615,6
Батуми	48,5	70,0	82,3	169,6	Эчмиадзин	8,5	9,8	19,7	231,7
Сухуми	21,6	44,3	64,7	299,5	Сальяны	8,3	13,6	17,2	207,2
Рустави	—	—	62,4	—	Ахалцихе	12,3	12,2	16,9	137,3
Сумгаит	—	6,4	52,2	—	Куба	13,6	12,0	16,0	117,6
Кировакан ²	8,6	17,6	49,4	574,4	Телави	9,7	14,5	15,3	157,7
Поти	13,1	25,5	42,1	321,3	Шемаха	3,7	8,6	13,1	354,0

¹ В таблице учтены города с населением не менее 10 тыс. чел. (по переписи 1959 г.).

² Ранее Караклис.

казья увеличилось с 1326 тыс. до 1411 тыс., т. е. на 6,4%. Наиболее интенсивно процесс урбанизации происходил здесь в последующие годы, причем, как и прежде, рост городского населения значительно опережал рост населения в целом. Если в 1926—1939 гг. все население Закавказья возросло на 36,7%, то городское за тот же период — на 83,5%, т. е. его среднегодовой прирост был равен 6,4%. В 1939—1959 гг. наблюдается несколько меньшее увеличение обеих категорий населения: в целом число жителей края — на 18,3%, а городского населения — на 69,2% (среднегодовой прирост 3,4%). В 1959—1965 гг. городское население Закавказья возросло на 28,9%, т. е. его средний прирост за год был равен 4,8%.

В целом по Закавказью доля городских жителей в населении края в 1926, 1939, 1959 и 1965 гг. неуклонно повышалась и соответственно равнялась 24; 32,2; 45,8 и 49,6%. Таким образом, в наши дни почти половина населения Закавказья — жители городов. Однако в союзных республиках городское население распределяется довольно неравномерно. По данным переписи 1959 г., 50% населения Армянской ССР жили в городах республики, в Азербайджанской ССР — 48%, в Грузинской ССР — 42%. В 1965 г. в этих же республиках процент городского насе-

²² См., например, А. Г. Трофимова, Типы поселения и жилища бакинских рабочих-нефтяников, «Сов. этнография», 1963, № 4.

Таблица 3

Численность и процент городского населения в общей численности народа ¹

Народ	1926 г.						1959 г.					
	Республика, авт. обл. ²			Закавказье в целом			Республика, авт. обл.			Закавказье в целом		
	всего	в том числе в городах	%	всего	в том числе в городах	%	всего	в том числе в городах	%	всего	в том числе в городах	%
Азербайджанцы	1438,0	260,8	18,1	1652,8	272,1	16,4	2494,4	395,3	15,8	2755,7	434,0	15,7
Грузины	1788,2	286,8	16,0	1798,0	290,6	16,1	2600,6	906,8	37,1	2610,9	910,5	35,2
Армяне	743,6	149,2	20,0	1333,2	406,3	30,4	1551,6	810,1	52,2	2436,6	1244,2	51,6
Осетины	60,4	1,2	1,9	114,5	6,2	5,3	63,7	14,4	22,5	143,3	42,3	29,4
Лезгины	37,3	5,0	13,6	40,7	5,5	13,3	98,2	30,0	30,5	102,3	16,3	15,9
Абхазцы	55,9	2,1	3,6	56,8	2,6	4,5	61,2	15,3	25,0	62,9	16,3	25,8
Курды	—	—	—	66,7	3,7	5,4	—	—	—	43,3	19,4	44,7
Таты ³	28,5	7,1	25,0	28,5	7,1	25,0	5,9	5,7	97,0	5,9	5,7	97,0

¹ Таблица составлена по данным переписей населения 1926 и 1959 гг.

² Для азербайджанцев, лезгин и татов приводятся данные по Азербайджанской ССР, для грузин — Грузинской ССР, армян — Армянской ССР, осетин — Юго-Осетинской авт. области, абхазов — Абхазской АССР.

³ Помимо татов, переписью 1926 г. было отмечено 77,3 тыс. талышей, из которых лишь 0,3 тыс. чел. жили в городах. В переписи 1959 г. выделено 10,5 тыс. талышеязычных азербайджанцев.

ления еще более возрос: в Армении до 55; в Азербайджане — 50,1; в Грузии до 46,6.

Материалами переписи 1959 г. в Закавказье зафиксировано 88 городов²³, население которых изменялось весьма различно (табл. 2). По-прежнему быстро растет число жителей крупных экономико-культурных и административных центров союзных республик. Например, население Тбилиси за 1926—1939 гг. увеличилось на 78,9%, в 1939—1959 гг. — на 33,7%. Более всего выросло в советские годы население Еревана: соответственно за те же периоды на 216% и 149%. То же можно сказать и о новых промышленных городах: население Сумгаита с 1939 г. возросло более чем в 8 раз и в 1959 г. составляло 52,2 тыс. чел. Население Рустави в том же году было равно 62,4 тыс. чел., число жителей Ткибули и Ткварчели в 1939—1959 гг. соответственно возросло на 272% и 227%. Увеличилось также население городов-курортов: Цхалтубо — на 240%, Кобулет — на 105% и др. В ряде старых городов, слабо развитых в промышленном отношении и в наши дни имеющих лишь местное значение, наблюдается очень незначительное возрастание населения, а в некоторых даже уменьшение. Например, за двадцатилетие с 1939 по 1959 г. население Камо, Нухи и Телави возросло всего лишь на 6%, Шуши — на 13%, а число жителей Сигнахи уменьшилось на 23%.

Бурное промышленное развитие Азербайджана, Армении и Грузии в советские годы, формирование промышленных кадров из коренных национальностей, огромный рост национальной интеллигенции — все это резко усилило процесс урбанизации коренного населения Закавказья. Немалое значение в этом имело также создание в 1920-х гг. трех союзных республик, а в их пределах — автономных республик и областей.

Сравнение данных переписей 1926 и 1959 гг. дает представление о происшедших в этот период изменениях в городском населении народов Закавказья (табл. 3). Среди армян по переписи 1926 г. городские жители составляли 406,3 тыс. чел., а доля последних в армянском населении края достигала 30,4%. Процент городских жителей среди армян в Армянской ССР был намного ниже — 20%. По данным переписи 1959 г., из армян Закавказья в городах жило 51,6%, а в самой Армении еще более — 52,2%. Доля городских жителей среди грузин в 1926 г. составляла 16,1% (в Грузии — 16,0%), а в 1959 г. она возросла соответственно до 35,2% и 37,1%. Несколько меньшей по переписи 1926 г. была численность азербайджанцев — жителей городов (272,1 тыс. чел.), однако в целом по Закавказью их удельный вес в азербайджанском населении края был равен 16,4%, а в Азербайджане — 18,1%²⁴. По данным переписи 1959 г. процент городских жителей среди азербайджанцев Закавказья и Азербайджана снизился соответственно до 15,7 и 15,8, что объясняется различными темпами роста городского населения у азербайджанцев и их численности в целом. Численность азербайджанцев за 1926—1959 гг. возросла на 66,7%, причем помимо естественного прироста большую роль в этом играли процессы этнической ассимиляции — слияние с азербайджанцами курдов Азербайджана, шахдагской группы народов, талышей — народов, почти не живших в городах. Поэтому увеличение городского населения, происходившее в основном за счет собственно азербайджанцев, несколько отставало от роста численности азербайджанской нации и возросло в абсолютных цифрах лишь на 161,9 тыс. чел., т. е. на 59,4%. У армян и грузин наблю-

²³ Кроме того, в Закавказье насчитывалось 40 поселков городского типа.

²⁴ Некоторое уменьшение доли городского населения среди азербайджанцев Закавказья объясняется тем, что большая часть азербайджанского населения вне республики — жители сельских мест.

Таблица 4

Национальный состав населения столиц союзных республик¹

Состав населения	1926 г.						1959 г.					
	Баку		Тбилиси		Ереван		Баку		Тбилиси		Ереван	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Все население	453,3	100	294,0	100	64,6	100	971,1	100	703,0	100	509,3	100
в том числе:												
грузины	2,6	0,5	112,2	38,1	0,1	0,1	3,0	0,3	340,5	48,5	—	—
армяне	76,7	16,9	102,2	34,7	57,3	88,7	170,0	17,5	149,7	21,2	473,7	93,1
азербайджанцы	118,7	26,2	5,8	1,9	5,0	7,7	357,0	36,8	9,7	1,3	3,4	0,6
осетины	0,8	0,1	3,0	0,9	—	—	—	—	16,0	2,3	—	—
лезгины	3,7	0,9	0,2	0,0	—	—	15,3	1,6	—	—	—	—
курды	—	—	0,5	0,1	0,1	0,0	—	—	13,0	1,9	2,8	0,4
русские	159,5	35,2	45,9	15,6	1,1	1,8	337,5	34,7	128,2	18,3	22,6	4,4
украинцы	7,9	1,8	1,8	0,6	0,1	0,1	14,0	1,5	11,2	1,6	2,6	0,5
евреи	19,6	4,3	5,7	1,9	0,1	0,0	29,2	3,0	17,3	2,4	—	—
татары	9,2	2,1	0,5	0,1	—	—	25,2	2,5	—	—	—	—
греки	0,7	0,1	1,4	0,4	—	—	—	—	7,2	1,1	—	—
айсоры	—	—	0,2	0,0	0,1	0,1	—	—	2,6	0,3	—	—
прочие	53,9 ²	11,9	13,8 ³	5,7	0,9	1,5	19,9	2,1	7,6	1,1	5,2	1,0

¹ Таблица составлена по материалам переписей населения 1926 и 1959 гг.² В том числе 6,4 тыс. немцев, 2,1 тыс. белорусов, 2 тыс. горских евреев, 1,9 тыс. поляков.³ В том числе 3,2 тыс. немцев, 3,2 тыс. грузинских евреев, 1,8 тыс. поляков.

дается несколько иная картина: рост численности городского населения значительно опережает рост численности этих народов в целом. Например, численность грузин за 1926—1959 гг. возросла на 45,2%, а их городское население — на 616,9 тыс. чел. (на 82,8%). Численность армян за тот же период — на 82,3%, армянского городского населения на 837,9 тыс. чел., т. е. на 306,2%²⁵.

Число южных осетин в городах Закавказья увеличилось уже в первые годы Советской власти. По переписи 1926 г. 5,3% всех закавказских осетин были жителями городов²⁶, в основном Тифлиса. По материалам переписи 1959 г. удельный вес городского населения среди осетин достигал 29,4%²⁷. В Юго-Осетинской авт. обл. он был несколько ниже — 22,5%. Городское население среди закавказских лезгин, по данным переписи 1926 г., составляло 13,3, тогда как у дагестанских лезгин — лишь 3,4%. В первом случае безусловно сказывалась большая близость ряда крупных городов, в том числе промышленного Баку, в то время как на территории дагестанских лезгин до революции не было ни одного города. По переписи 1959 г., число горожан среди лезгин Закавказья достигало 15,9%. Большая часть их — жители городов Баку, Кубы, Кусары. Городское население у абхазов, по переписи 1926 г., в пределах Абхазии достигало лишь 3,6%, а в целом по Закавказью — 4,5%. Вне Абхазской АССР абхазы жили в городах Аджарии (0,4 тыс. чел.) и в Тбилиси (0,1 тыс. чел.). К 1959 г. число абхазов в городах возросло более чем в 6 раз и составило 25,8% абхазского населения Закавказья. В своей автономии абхазы живут преимущественно в городах Сухуми, Гудауты, промышленном Ткварчели.

Курды, как отмечалось, до революции в городах почти не жили²⁸. Уже в 1926 г. в городах Закавказья их насчитывалось 3,7 тыс. чел., что составляло 5,4% общей численности курдов края. Наиболее высоким был процент городского населения среди курдов Грузии (31,8%), главным образом жителей Тбилиси. В Азербайджане лишь 0,3 тыс. чел. из 40 тыс. курдов Закавказья жили в городах. По переписи 1959 г. численность курдского городского населения возросла более чем в 5 раз и составила 19,4 тыс. чел. (44,7% курдов Закавказья). Преимущественно это жители городов Грузии, однако и в городах Армении в настоящее время насчитывается около 5 тыс. курдов.

Вследствие интенсивного процесса урбанизации коренного населения значительно увеличилась его доля среди жителей городов Закавказья (табл. 4). В настоящее время в Тбилиси грузины составляют почти половину населения города. Значителен в нем также процент армян и русских. В Баку азербайджанцы и русские составляют около 72% его жителей. В Ереване 93% населения — армяне. Как уже отмечалось, за годы Советской власти в городах Закавказья появились абхазы, южные осетины, лезгины, курды, что несколько изменило этническую структуру населения городов. Однако доля этих народов среди городских жителей невелика.

Следует отметить, что рост численности различных национальностей в городах своей республики обычно значительно превышает рост численности в этих же городах других закавказских народов. Например, численность грузин в Тбилиси за 1926—1959 гг. возросла на 203%, тог-

²⁵ Такое интенсивное возрастание численности в известной мере связано с постепенным, в течение многих лет, возвращением в республику армян-репатриантов из различных стран Европы и Азии.

²⁶ На Северном Кавказе 8,8%.

²⁷ В пределах Северного Кавказа 32,4%.

²⁸ По переписи 1897 г., в городских центрах Закавказья их жило 0,8 тыс. чел.

да как азербайджанское и армянское население города возросло всего лишь на 67 и 46%; численность армян в Ереване за тот же период увеличилась в 8,3 раза, но число азербайджанцев в нем уменьшилось на 60%.

* * *

Известно, что увеличение численности городского населения, как и населения в целом, происходит за счет естественного прироста и миграционных процессов²⁹. Однако влияние этих двух факторов весьма различно. Так, в городах механический прирост населения несколько превышает естественный или их соотношение примерно равно. Например, за 1959—1963 гг. доля естественного прироста в общем увеличении городского населения Грузии, Армении и Азербайджана соответственно была равна 46, 51 и 63%, остальное составлял механический прирост. Однако подобное положение характерно не для всех городов. В крупных промышленных центрах механический прирост, происходящий в основном за счет жителей сельских мест³⁰, обычно превышает естественный.

Определенное влияние на изменение численности населения оказывают также этнические процессы³¹. В частности, в наше время продолжается процесс слияния мегрелов с грузинами, татов с азербайджанцами и т. п. По переписи 1926 г. 10,1% мегрелов — жителей городов считали родным языком грузинский. Почти 23% татов Баку назвали родным языком азербайджанский. Однако процесс слияния этих народов выражался не только в замене родного языка другим, но и в изменении их национального самосознания. При переписи 1959 г. аджарцы называли себя грузинами, большая часть татов — азербайджанцами. Среди части лезгин, южных осетин, курдов, владеющих нередко помимо языка своей национальности грузинским, армянским, азербайджанским, также происходит процесс замены родного языка другим. Вследствие этого несколько уменьшилась среди городских жителей численность осетиноязычного, лезгиноязычного, курдоязычного населения. Например, в городах Грузии живет 42,3 тыс. осетин, а осетиноязычное население составляет лишь 75% общего числа городских осетин. Несколько иная картина наблюдается среди грузин, армян, азербайджанцев. Так, в городах Грузии насчитывается 906,8 тыс. грузин, в том числе 10,2 тыс., считающих своим родным языком преимущественно русский. Среди других национальностей республики (армян, осетин, греков, русских, айсоров, курдов), живущих в городах, около 43,6 тыс. чел. считают грузинский своим родным языком. Благодаря этому число грузиноязычного населения в городах республики увеличилось до 940,2 тыс. чел. Вполне понятно, что этнолингвистические процессы, протекающие в Закавказье, способствуют изменению численности населения как в целом, так и в городах.

* * *

Таким образом, для Закавказья, как уже отмечалось, издавна характерна довольно развитая городская жизнь. В его городах в конце XIX в. жило 761 тыс. чел., около 65% которых составляли закавказские

²⁹ Немалое значение для увеличения городского населения имеет также перевод сельских населенных пунктов в разряд городских.

³⁰ В Баку только за 1964 г. 75% всего механического прироста составили переселенцы из сельских мест. в Тбилиси — 56% и т. п.

³¹ О роли этого фактора см.: С. И. Брук, В. И. Козлов, М. Г. Левин, О предмете и задачах этногеографии, «Сов. этнография», 1963, № 1.

народы. За годы Советской власти в городском населении Закавказья произошли большие изменения: увеличилось число городов и поселков городского типа, быстро возросло в них число жителей, преимущественно армян, грузин, азербайджанцев. Среди абхазов, лезгин, южных осетин, курдов процесс формирования городского населения, начавшийся в первые годы Советской власти, в основном проходил в 1930—1960-е гг. Интенсивное промышленное и культурное развитие республик Закавказья в советские годы — основной фактор быстрой урбанизации его коренного населения, доля которого в закавказских городах непрерывно увеличивается. По переписи 1959 г. около 74% всего населения Закавказья живет в городах.

За советский период несколько изменилось географическое размещение городского населения закавказских народов. Если до революции в ряде городов Грузии основными жителями были армяне, то в наше время в них преобладает грузинское население. То же следует сказать и об азербайджанцах Армении, составлявших в XIX в. заметную долю в населении ряда городов области. Данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. показывают некоторое уменьшение численности азербайджанцев в городских центрах Армянской ССР.

SUMMARY

The paper deals with the changes in the size and national composition of Transcaucasian urban places before the revolution and in the Soviet period; it is based on the data of the 1886, 1897, 1926 and 1959 population censuses. Factors influencing the process under investigation are examined. It is shown that the intensive urbanization of the indigenous population of the three Transcaucasian republics in the Soviet period is mainly due to their intensive industrial and cultural development: at present the population is 74 p. c. urban.

А. В. Смоляк

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ПРИМОРЬЯ В XVI—НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Исследования, проведенные в последние годы советскими археологами в Приморье, в частности находки остатков городов, храмов, крепостей и т. п.¹, подтвердили выводы авторов XIX в.² о существовании здесь в VIII—XII вв. высоко развитой культуры. Из обширной восточноведческой литературы XIX—XX вв. мы знаем, что на землях нынешней Маньчжурии в VIII—XII вв. существовали государства с развитой культурой — Бохайское и Чжурчженское³. В этой литературе, в частности, речь идет о чжурчженях, живших на обширной территории Маньчжурии и построивших там многочисленные города. Они завоевали значительную часть Китая, обложили его население тяжелой данью.

В середине XIX в., когда русские пришли в Приморье, они нашли там заброшенную, пустынную местность. Что же произошло в этом крае развитой когда-то культуры? Объясняя причины гибели здесь средневековых цивилизаций, историки XIX в. и современные археологи обычно указывают на монгольское нашествие XIII в., разорение городов монгольскими войсками. Однако никакими ссылками на документы и конкретные исторические факты эти объяснения не сопровождаются, если не считать материалов о военных действиях монголов на территории собственно Маньчжурии (западной и центральной ее частей) и затем Китая⁴. О разгроме государства чжурчженей в XIII в. монгольскими войсками широко известно. Конница монголов промчалась по равнинам западной и центральной Маньчжурии, а потом устремилась в Китай, в области, которыми владели чжурчжени. Государство чжурчженей пало под жестоким натиском противника. Оно занимало обширную территорию всей Маньчжурии, а лесистые и горные восточные области (ныне Советское Приморье) являлись его пограничным районом. О гибели культуры в Приморье от монгольского нашествия говорится в ряде работ, однако трудно поверить, что конное монгольское войско могло проникнуть сюда, преодолев такие преграды, как тайга и сопки.

¹ Из многих работ, вышедших за последние годы по археологии Приморья, назовем лишь обобщающий труд А. П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья», Владивосток, 1959.

² Палладий. Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край, «Известия Русского географического о-ва», т. VII, № 2, 1871; Ф. Буссе, Остатки древностей в долинах рек Лефу, Дабиэхэ и Улаха. «Записки общества изучения Амурского края», Владивосток, 1888 и др.

³ В. Н. Васильев, История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в., «Труды Восточного отдела Русского археологического о-ва», ч. IV, вып. 1, 1858; Terrien de Lacouperie, The Djurtchen of Manchuria, «Journal of the Royal Asiatic Society», New series, vol. XXXI, London, 1889; E. Parker, The Mandjús, «Transactions of the Asiatic Society of Japan», vol. XV, Yokohama, 1887; H. E. James, The long white mountain, London, 1888.

⁴ А. П. Окладников, Указ. раб., стр. 243—246.

Между тем существует и иная трактовка этого вопроса. Мы имеем в виду шестнадцатитомный труд «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего»⁵, который, к сожалению, мало используется специалистами. Этот труд, над изучением которого автор работает с 1940-х годов⁶, в значительной степени и послужил источником для написания данной статьи. В «Обстоятельном описании...» рассказывается о том, как создавалась маньчжурская армия в конце XVI — начале XVII в., как она завоевывала близлежащие и отдаленные от собственно Маньчжурии земли, в том числе земли к востоку от Сунгари до моря. В работе перечисляются многочисленные племена и народности, жившие в то время в Восточной Маньчжурии и на землях современного Приморья (названия некоторых из них совпадают с названиями местностей и рек): хада, ула, хойфа, суйфунь, неень, хурха, воцзи, варка и др. На землях Воцзи, по сведениям источника, были урочища Хешихе, Омохо Суру, Фенеке Токсо, Хое, Намдулу, Суйфунь, Нимача, Нингута, Хуньчунь, Мурень и др.⁷ Часть этих названий можно найти на современных картах, например реки южного Приморья — Суйфунь, Хуньчунь, Мурень⁸. Местность Хурха, о которой неоднократно упоминается в «Обстоятельном описании...», находилась в северной части бассейна Сунгари. Река Хурха (ныне Муданьцзян), давшая название этой местности, а также группе обитавших здесь племен, впадает справа в Сунгари, вблизи устья последней. Тут же жили и племена нингута. Племена хурха обитали на землях Воцзи (в «Обстоятельном описании...» не раз говорится: войска ходили во владения воцзи в местность Хурха)⁹. Наконец, группа племен, объединяемых под общим названием варка, была расположена южнее: в работе сообщается, что земли Варка соприкасались с Кореей.

Завоевание маньчжурами восточных районов началось с земель Варка. Первый поход был предпринят в 1598 г.¹⁰, а в 1607 г. походы были возобновлены. Об их характере можно судить по действиям одного полководца, который, захватив местность Гагя, убил ее владельца, взял в плен много людей, а после этого в местности Аньчулаки покорил более 20 деревень и все слободы¹¹. Походы на земли Варка совершались и позднее, так как население сопротивлялось завоевателям. С 1629 по

⁵ Труд «Обстоятельное описание...» был создан большой группой историков, по указу маньчжурского императора. В Пекине он вышел в 1739 г. на маньчжурском языке, затем был переведен на китайский. В 1784—1786 гг. в Петербурге был издан русский перевод труда, осуществленный русскими китаистами А. Леонтьевым и И. Рассохиным. В русском переводе он содержит 16 томов с многочисленными примечаниями, являющимися ценной самостоятельной работой.

⁶ Подробнее о труде «Обстоятельное описание...» см. нашу статью «У истоков русского и мирового китаеведения», «Сов. этнография», 1950, № 1.

⁷ «Обстоятельное описание...», т. 9, стр. 344; 355; т. 10, стр. 96, 106, 107 и др.

⁸ Г. В. Мелихов в статье «Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхачи и Абахае (1591—1644)» в кн. «Маньчжурское владычество в Китае» (М., 1966) рассматривает судьбы населения всей Маньчжурии, в том числе и восточной ее части, в конце XVI — начале XVII в. Судя по приводимым им материалам и, в частности, картам, в этой статье речь не идет о территории Приморья. Однако в состав лесных племен воцзи (их автор локализует в основном в бассейне Сунгари и Уссури), по-видимому, входили не только жители побережий левых, но и правых притоков Уссури, особенно южной части территории. Некоторые этнические названия у воцзи, например намдулу, свидетельствуют о приморских землях (от нам — море на тунгусо-маньчжурских языках). В «Обстоятельном описании...» неоднократно говорится о том, что во время походов на воцзи, маньчжурские войска доходили до моря (т. 10, стр. 96, 106 и др.).

⁹ «Обстоятельное описание...», т. 9, стр. 355; т. 11, стр. 41 и др.

¹⁰ Там же, т. 9, стр. 344.

¹¹ Там же.

1631 г. продолжались вторжения маньчжурских войск для подавления непокорных; один из полководцев сообщил о захвате в плен 1219 мужчин, 1284 женщины и 603 мальчиков; из похода было привезено также много женшена и мехов¹². В 1634 и 1635 гг. в Варка были вновь направлены крупные силы знаменных войск (монголы и 3700 солдат-маньчжуров¹³), но только в 1638 г. сам маньчжурский хан сумел покорить жителей этих мест, применив обычную тактику вывода населения с опустошенных территорий¹⁴.

Очень долго и упорно войска маньчжуров завоевывали земли Воцзи (походы на территорию Хурха в 1607, 1609, 1611, 1621, 1622, 1634, 1640, 1641, 1642, 1643 гг.)¹⁵. Основной целью походов здесь, как и везде, куда ходили маньчжурские войска, было завоевание земель и пополнение армии. Каждый раз маньчжуры брали множество пленников: в 1607 и 1609 гг. — по 2 тыс. чел., в 1610 г. — 1 тыс. чел., в 1611 г. — 2 тыс. чел. и еще 500 семей, в 1621 г. — 500 семей, в 1642 г. — 534 мужчины, 924 женщин и детей, в 1643 г. — 612 мужчин и 390 детей¹⁶.

В «Обстоятельном описании...» приводится много материалов о взаимоотношениях покоренных с победителями. Так например, говорится, что четырех старшин из воцзи, добровольно перешедших на службу к маньчжурскому хану, в 1610 г., «...государь жаловал золотом и парчами». Это была характерная черта политики маньчжурских завоевателей: добровольно перешедшим на их сторону главам племен и родов они давали большое жалование, земли, военные чины и включали это племя или род в свою армию, при обязательном условии рассредоточения людей из одной местности (или одной родственной группы) по различным воинским подразделениям. Этим стремились предотвратить родовой или племенной сепаратизм.

Хотя значительная часть населения Приморья и прилегающих районов этнически была родственна маньчжурам (что завоеватели и стремились использовать в своих интересах), однако насильственное подчинение, переселения, реквизиции вызывали в большинстве случаев активное сопротивление широких масс, которое подавлялось с большой жестокостью. Об этом свидетельствуют и приводимые в нашем источнике сведения о числе убитых. Так, в 1607 г. в сражении у города Фю (Фю)¹⁷ в земле Варка (южное Приморье) «войска было побито до 3 тысяч человек, в добычу получено 5 тысяч лошадей и 3 тысячи панцирей со всем прибором»¹⁸. В другом месте о том же сражении говорится: «Ходил к восточному морю в Варканское владение под город Фю... оттуда в окрестности одного города, живущих людей перевел с собой в наши области всего 500 семей со всем багажом»¹⁹. В 1611 г. двухтысячное маньчжурское войско взяло в Воцзи 8 городов, 2 тыс. человек было убито, 2 тыс. человек попало в плен²⁰. Военачальнику, три дня осаждавшему в Воцзи город Джакута, удалось овладеть им приступом, при этом было убито более тысячи человек и взято несколько тысяч в плен²¹. Один из коман-

¹² «Обстоятельное описание...», т. 9, стр. 88.

¹³ Там же, т. 5, стр. 144, 150; т. 10, стр. 64; т. 11, стр. 54.

¹⁴ Там же, т. 11, стр. 55.

¹⁵ Там же, т. 9, стр. 344, 355; т. 10, стр. 12, 96, 106, 107; т. 11, стр. 41, 54, 56, 57, 123 и др.

¹⁶ Там же, т. 10, стр. 1.

¹⁷ Мы пользуемся транскрипцией названий, данной в русском переводе труда «Обстоятельное описание...» И. Рассохиным и А. Леонтьевым.

¹⁸ «Обстоятельное описание...», т. 9, стр. 2, 3.

¹⁹ Там же, стр. 50.

²⁰ Там же, т. 9, стр. 355; т. 10, стр. 90.

²¹ Там же, т. 10, стр. 96.

диров в землях Воцзи «принял в подданство 9 старшин от четырех княжеств — Намдулу, Суйфунь, Нингута и Нимача и, отправив их домашних и пожитки к государю, обратился еще на княжество Ярань, которое, завоевав, вывез из одного с собой полонеников более 10 тыс. человек»²². Из приведенных материалов видно, что все сопротивляющиеся уничтожались, а завоеванное население (семьи со всем их имуществом) переселялось из периферийных районов в центральные. Мужчины включались в войско и отправлялись в походы, а их семьи поселяли на землях, специально отведенных знаменным войском. Когда же воины размещались гарнизонами на постоянное жительство на завоеванной территории (таких гарнизонов было много на территории Китая)²³, к ним переселялись их семьи.

Большой интерес представляют данные (правда, крайне скудные) о взаимоотношениях между различными группами внутри покоряемых племен в этот период. Так, например, говорится, что некто Ланджу из земли Хурха часто ездил к маньчжурскому хану, был им ласково принят, а затем перешел к нему на службу. Государь (основатель маньчжурской армии Нурхацзи, объявивший себя государем. — А. С.) так «к нему благоприятен был», что отдал за его сына свою дочь. Это также было характерной чертой политики; в «Обстоятельном описании...» неоднократно сообщается, что Нурхацзи отдавал за покорившихся полководцев то свою племянницу, то внучку. Через некоторое время, — повествует далее источник, — Ланджу был своими соплеменниками убит, а жена его едва могла спастись²⁴. Этот факт отражает, на наш взгляд, разногласия в среде покоряемых народов в отношении к маньчжурам и свидетельствует об активном сопротивлении политике завоевателей.

В «Обстоятельном описании...» приведены и другие материалы, рассказывающие о покорении маньчжурами чужих земель. О культуре же живущих на этих землях народов сведения чрезвычайно скудны. Выше уже упоминалось, что в одном из походов в землях Воцзи было взято 8 городов. В городе Фио (Фю) в землях Варка насчитывалось 500 домов²⁵. О переселенных в Маньчжурию воцзи сообщается, что они оставили до реки Хуньчунь свои жилища и пашни²⁶. У хурха, живших по Сунгари, было согласно источнику много лошадей и другого скота²⁷. Это свидетельствует о том, что завоеванное маньчжурами население занималось земледелием, скотоводством, а также охотничьим промыслом (последнее подтверждается сообщениями о захвате мехов).

Завоевание земель к востоку от Сунгари отражено не только в цитируемой нами работе. Об этом, правда очень кратко, писал и В. Н. Васильев. «В эти районы (современного Приморья. — А. С.) маньчжуры посылали отряды для набирания ратников... Всего из восточных областей от Сунгари до моря было выселено в южные районы не менее 15 тыс. человек»²⁸. Нам эта цифра кажется сильно преуменьшенной. Если учесть только приведенные нами данные о взятых маньчжурскими войсками пленных, то уже насчитывается не менее 25 тыс. человек. О большой плотности населения этих областей можно судить по численности посланных сюда военных отрядов. Об этом свидетельствуют и приведенные выше данные о числе убитых.

²² «Обстоятельное описание...», т. 9, стр. 355.

²³ См., например, «Маньчжурское владычество в Китае», стр. 21.

²⁴ «Обстоятельное описание...», т. 10, стр. 1.

²⁵ Там же, т. 9, стр. 50, 52.

²⁶ Там же, т. 10, стр. 106.

²⁷ Там же, т. 11, стр. 56—57.

²⁸ В. Н. Васильев, История Маньчжурии, «Зап. Русского Географического общества», т. XII. 1857, стр. 26.

Думается, однако, что покорение государства чжурчженей монгольскими войсками в XIII в. не могло не отразиться на численности всего населения Маньчжурии, включая и периферийные районы, так как в кровопролитных битвах с монголами на полях сражений в центральной и западной Маньчжурии, а также и в Китае принимали участие, по-видимому, жители всех районов Маньчжурии, служившие в армии.

В восточной части Маньчжурии и в Приморье следствием событий XIII в. было не только уменьшение населения. В период XIII — конец XVI в. на этой территории, оказавшейся в стороне от политической жизни, города пришли в упадок.

Маньчжурские завоеватели в конце XVI — начале XVII в. не только покорили Китай, они опустошили все земли восточной Маньчжурии, а также современное Приморье. Об этом писали многие авторы²⁹.

Даже в конце XIX в. вся северо-восточная Маньчжурия (мы не касаемся западных районов) была крайне отсталой во всех отношениях. Еще в 1668 г. императором Канси был выдвинут лозунг «Маньчжурия для маньчжур». Китайцам был закрыт доступ в эти районы, сами же маньчжуры жили с середины XVII в. главным образом в Китае. Лишь в 1845 г. северо-восточные районы Маньчжурии начали заселяться: из Пекина на Сунгари был переведен маньчжурский гарнизон и поселен в районе впадения р. Муданьцзян в Сунгари³⁰. В 1888 г. один китайский чиновник писал: «Хэйлунцзянские пограничные земли (т. е. земли Северной Маньчжурии, прилегающие к Амуру. — А. С.) пустынные, здесь совсем нет китайцев, которые поднимали бы новые земли; маньчжуры же в течение тысячи лет не приступали к развитию этого края»³¹. Лишь в 1890-х годах (в Приморье и Приамурье к этому времени уже существовали тысячи русских сел, деревень и городов) цинское правительство разрешило китайцам селиться на северной и восточной Маньчжурии³².

Из изложенного материала следует, что развитая культура Приморья, имевшая многовековые традиции, была уничтожена отнюдь не монголами: эти земли опустошались систематическими разрушительными походами маньчжуров в конце XVI — начале XVII в.

Закончив организацию восьмизнаменного войска, пополнив его огромными людскими резервами, набранными в Маньчжурии, в Приморье, Корее, Монголии, руководители маньчжурской армии двинули мощную силу на Китай и в короткое время захватили всю его обширную территорию, навязав китайскому народу иноземное иго. Маньчжурские войска были размещены гарнизонами по всей территории Китая.

Во второй половине XVII—XVIII в. районы южного и среднего Приморья были очень слабо заселены: здесь жили народы Севера — нанайцы и удэгейцы, относящиеся по языку к южнотунгусским группам. Русские землепроходцы писали также, что в южных районах Уссурийского края жили тунгусы.

Купцы и различные предприниматели из Китая в течение XIX в. проникали на эти территории нелегально, они занимались здесь грабежом

²⁹ См. работы, указанные в примечании 3, а также Н. С. Свиягин, По русской и китайской Маньчжурии, СПб., 1897, стр. 70; А. Рудаков, Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции, Владивосток, 1903.

³⁰ П. Н. Меньшиков, П. Н. Смольников, А. Чириков, Северная Маньчжурия, т. I, Харбин, 1914, стр. 452, 453.

³¹ Цит. по: Шкуркин, Хулань-чэн, «Известия Восточного института», т. III, вып. 4, Владивосток, 1902, стр. 11—12 (в работе приведен перевод из китайской книги «Хэйлунцзян шулюэ»).

³² Там же, стр. 17; см. также П. Н. Меньшиков, П. Н. Смольников, А. Чириков, Указ. раб., стр. 152, 432.

охотников, обманом отбирали пушнину, истязали и даже убивали за непослушание; все это широко известно из литературы конца XIX в.

Лишь с приходом сюда русских началось возрождение края. Освоение этих отдаленных земель было очень трудным процессом. Царское правительство мало заботилось о переселенцах и не отпускало им почти никаких средств; крестьянам приходилось выносить на своих плечах всю тяжесть освоения глухих таежных пространств и неприступных сопок. Они боролись с частыми в этих местах стихийными бедствиями, эпидемиями. Каждый клочок обработанной земли в Приморье был буквально полит потом и кровью русского крестьянина. Но упорство и труд победили: в таежной глуши вырастали многочисленные поселения, прокладывались дороги, разрабатывались плодородные земли, осваивались богатства недр лесов, рек и морей, возникали города.

S U M M A R Y

The author shows that it was not the Mongols who destroyed the highly developed culture of the Far Eastern area (*Primorye*) with its century-old traditions; this conclusion is based on a 16-volume Chinese work on the history of the Manchus translated into Russian in the XVIII century and on other sources. The lands in question fell into decay as a result of devastating campaigns by the Manchus at the end of the XVI and the beginning of the XVII centuries; whole populations were moved from these territories, villages and towns were ravaged and destroyed.

И. Е. Синицына

НОВОЕ И ТРАДИЦИОННОЕ В ПРАВЕ ТАНЗАНИИ *

После завоевания независимости перед странами Африки встали чрезвычайно сложные задачи, связанные с процессом консолидации наций, развитием национальной экономики, преобразованием социальной структуры африканского общества. Важную роль в их решении несомненно сыграет правовая политика государства. По какому пути должно развиваться право молодых африканских государств, следует ли использовать уже сложившиеся правовые системы или заменить их новыми, усовершенствовать ли традиционные институты или заимствовать европейские, способствовать самостоятельному развитию права каждого народа или, создавая национальное право — эти и другие вопросы стали предметом широкого научного обсуждения и исследования этнографов, юристов, привлекли внимание государственных и политических деятелей. Совершенно очевидно, что социальные, политические и хозяйственные сдвиги в Африке, преобразующие как экономическую структуру общества, так и правовые надстройки, не могут сразу уничтожить старые институты и традиции. Не случайно, что в настоящее время исследователи права в Африке особое внимание уделяют вопросам эволюции традиционного обычного права и изменению его под влиянием новых условий.

В последние годы был проведен ряд научных конференций, в том числе и в Африке, специально посвященных проблемам африканского права, соотношению обычного права и современного законодательства¹.

Развитие правовых институтов в Африке тесно связано с историческими судьбами африканских народов. До вторжения европейцев народы Африки следовали разным правовым системам. Это было неписаное обычное право, или, как его раньше называли, «туземное право и обычай» (native law and custom). В районах, где утвердился ислам, существовали мусульманские правовые институты, инкорпировавшие многие общеправовые нормы и, в свою очередь, адаптированные местным обычным правом². Колониальное завоевание прервало естественный про-

* Один из основателей советской африканистики И. И. Потехин придавал важное значение изучению обычного права африканских народов и его роли во вновь создаваемой правовой системе молодых африканских государств (См.: И. И. Потехин, Проблемы борьбы с пережитками прошлого на африканском континенте, «Сов. этнография», 1964, № 4). Этой статьей автор отдает дань уважения памяти этого выдающегося ученого.

¹ Вопросам будущего права в странах Африки были посвящены: Конференция судебных советников в Уганде (1953) и в Нигерии (1956), Конференция в Лондоне (1959—1960), Конференция в Лагосе (1961), Конференция о местных судах и обычном праве в Африке (Дар-эс-Салам, 1963), Конференция и семинар о праве и социальных изменениях в Восточной Африке (Дар-эс-Салам, 1965, 1966) и др. Анализ рекомендаций, принятых некоторыми конференциями относительно путей развития права в Африке, см.: «Некапиталистический путь развития стран Африки», М., 1967, стр. 257—261.

² О мусульманском праве в Африке см., например: J. N. D. Anderson, Islamic law in Africa, London, 1954; его же, «Islamic law in Africa. Problems of today and tomorrow». In: «Changing law in developing countries», London, 1963, pp. 164—183; Рене Давид, Основные правовые системы современности, М., 1967, стр. 386—412.

цесс развития африканских народов и, соответственно, развитие права, в котором уже намечались тенденции к образованию единых систем обычного права в крупных этнических общностях. Каждая колониальная держава ввела в действие на подвластной ей территории свои правовые институты. В бывшей «французской» и «бельгийской» Африке местные правовые нормы в значительной степени заменялись законами метрополий. Английская система косвенного управления предусмотрела двойную правовую систему: английскую и местную — африканскую. Последняя, в свою очередь, складывалась из многочисленных самостоятельных правовых систем племен. Этот дуализм и плюрализм правовых систем был унаследован африканскими государствами, освободившимися от колониальной зависимости. В условиях современной Африки особую актуальность приобретает вопрос о том, какую систему права следует развивать молодым государствам в условиях усиливающегося процесса смешения различных этнических групп и консолидации наций. Практически необходимо решить, какое право должно использоваться при контактах между представителями разных народов с разными правовыми системами. Некоторые ученые предлагают применять право в соответствии с зонами распространения европейских языков³. Этот принцип (как и правовой дуализм) неприемлем для африканских стран, стремящихся ликвидировать последствия колониализма и создать национальное право. «Право, — писал Кваме Нкрума, — должно служить Африке в наших собственных условиях, должно соответствовать нашим традициям и культуре... Оно не может действовать в вакууме»⁴. Для современной Африки невозможен и путь медленного развития права, пройденный многими государствами Европы и Азии⁵. В то же время в странах, недавно приступивших к развитию национальной государственности, слом существующих правовых норм и традиций и непосредственный переход к современным системам права также вряд ли осуществим, поскольку «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»⁶. Во многих странах Африки сохраняются сильные пережитки родоплеменных отношений, которые, по-видимому, будут существовать еще в течение значительного периода времени. Изживание старых норм и традиций — длительный и сложный процесс. Напомним, что В. И. Ленин при рассмотрении вопроса о замещении обычного права среднеазиатских народов новыми нормами указывал, что «надо дожидаться развития данной нации»⁷. Однако глубокие социальные и политические изменения в африканских странах, нужды современной экономики и администрации требуют развитой национальной правовой системы. Отказ от иностранных правовых систем и дуализма в праве, необходимость создания новой правовой системы, неизбежно предполагает совершенно иной подход к традиционным правовым системам и установление связи нового права с традиционным обычным правом. Первый шаг в осуществлении этого важного процесса связан с унификацией норм обыч-

³ Max Rheinstein, Problems of law in the new nations of Africa. In: «Old societies and new States. The quest for modernity in Asia and Africa», London, 1963, p. 231.

⁴ Kwame Nkrumah, The future of African law, «Tribune Ceylon News Review», 1962, July 14, p. 6.

⁵ Об этом см., например: A. N. Allott, Legal development and economic growth in Africa. In: «Changing law in developing countries», London, 1963, pp. 194—209; ер с же, Customary law: its place and meaning in contemporary African legal systems, «African Law», 1965, vol. 9, № 2, pp. 82—85; ер с же, The changing law in a changing Africa, «Sociologus», 1961, Jg. II, Hf. 2, S. 115—131.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 19.

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 159.

ного права, продолжающих играть значительную роль в современных условиях. Важность унификации признается большинством ученых, хотя мнения о содержании самого понятия «обычное право» и возможности его унификации весьма различны⁸.

Страны Африки избрали разные пути унификации, предусматривающей также модернизацию права, в процессе которой отбрасываются архаические нормы, вводятся новые и обычное право включается в общую систему законодательства⁹. Наиболее последовательно эти мероприятия проводятся в Танзании, точнее, в ее континентальной части — Танганьике, поэтому ее опыт заслуживает специального рассмотрения.

* * *

Как и большинство африканских стран, Танзания очень сложна по своему этническому составу. По официальным данным, ее материковую часть, Танганьiku, населяет 126 народностей и племен. Подавляющее большинство населения (около 93%) относится к языковой семье банту, представленной такими народами, как живущие на северо-западе страны ваньямвези (к ним относятся васукума, сумбва, кононго, бенде, кимбу и др.) и их соседи на востоке — близкие между собой по языку и культуре ваньятуру, ирамба, иранги и вамбугве. К юго-востоку от ваньямвези расселены народы вагого, вазарамо и васагара. Еще юго-восточнее живут вахехе, вабена и вапогоро. Южные районы страны занимают вангонии, а районы, прилегающие к озеру Ньяса, — вакинга, ваньякюса и ваматенго (а также близкие к ним сафва, ндали, ныха и др.). На юго-западе расселены вафина (и родственные им ваньямбанга, мамбве, рунгу и др.), на северо-западе — барунди, баха, балухья, бахайя и базинза. На северо-востоке живут ваджага, вапаре, ватеита и др., и несколько южнее — вашамбала.

Около 5% населения составляют народы нилотской и кушитской языковых семей: масаи, луо, аруша, ираку, горова и остатки древнего аборигенного населения Восточной Африки — сандаве и хадзапи. В Танганьике проживает более 20 тысяч арабов, 80 тысяч выходцев из Индии и Пакистана, примерно 20 тысяч европейцев¹⁰.

До захвата Танганьики европейцами каждый народ имел свои нормы права, на основе которых водили, соединявшие судебные и исполнительные функции, вершили судопроизводство. Немецкие колониальные власти не оказали серьезного влияния на ее традиционную правовую структуру. В 1920 г. Танганьика была передана под управление Англии (с 1922 г. как мандатная территория Лиги Наций, а затем — подопечная территория ООН). Английская администрация стремилась законсервировать племенную структуру и господство обычного права. За вождями были сохранены судебные и административные функции, и

⁸ См. Г. Муромцев, Суды обычного права в странах Тропической Африки, «Советская юстиция», 1968, № 7. Высказывались, в частности, сомнения в возможности вообще применять термин «право» относительно африканских обычно-правовых институтов. См. сб. «Politics, law and ritual in tribal society», Oxford, 1965, pp. 169—215. О возможности унифицировать обычное право см.: A. N. Allott, Essays in African law, London, 1960; T. O. Elias, The nature of African customary law, London, 1956.

⁹ См. A. N. Allott, Towards the unification of laws in Africa, «International and comparative law quarterly», 1965, Apr., vol. 14, pt. 2; его же, The future of African law, in «African law: Adaptation and development», ed. by H. and L. Kuper, Berkeley — Los Angeles, 1965, pp. 216—240.

¹⁰ См. Б. В. Андрианов, Население Африки, М., 1964; Р. Н. Исмагилова, Этнический состав и занятия населения Танганьики, «Африканский этнографический сборник», II, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLIII, М., 1958, стр. 271—301; В. Я. Кацман, Танганьика, М., 1962.

местные («туземные») суды осуществляли правосудие над африканским населением на основе немногих английских законов и обычного права.

Каждая группа населения имела свое право; на европейцев распространялось английское законодательство и так называемое «общее» право. К остальным лицам применялись немногие английские и индийские законы. Индуистская община в определенном круге дел была субъектом индуистского права (Hindu Law), у исламизированного населения вопросы решались на основе мусульманского права (Islamic Law). К африканцам — за немногими исключениями, когда действовало английское и индийское законодательство, — применялось обычное право. Таким образом, правовая система Танганьики была чрезвычайно сложной. Она состояла из писаного права, включавшего акты, изданные английским парламентом; индийского законодательства (которое постепенно исчезло и было заменено местными актами); мусульманского или индуистского права, применявшегося к лицам, придерживавшимся этих религий; обычного права.

Впервые африканские суды и обычное право были официально признаны в 1920 г. указом английского парламента «О судах ливали»¹¹, закрепившим, кроме обычного права, и применение мусульманского права. Юрисдикция этих судов ограничивалась африканским населением. Ордонанс 1929 г. «О туземных судах» передал их в подчинение английским колониальным чиновникам. Окончательно функции местных судов были определены ордонансом 1953 г. «О местных судах»¹², который обязал их применять «обычное право, распространенное в районе их юрисдикции... поскольку это не противоречит естественной справедливости и морали или какому-либо закону, имеющему силу на данной территории»¹³. За судами была сохранена юрисдикция в отношении гражданских и уголовных дел коренного населения. В Танганьике существовало около 600 таких судов и они рассматривали, по некоторым данным, до 100 000 гражданских и уголовных дел в год¹⁴. Многие специалисты в области права Танганьики отмечали, что такая загруженность судов при отсутствии писаного права создавала произвол при разрешении сложных дел.

После достижения Танганьикой независимости применение в судопроизводстве обычного права было сохранено. Согласно новому закону о местных судах 1961 г., Высокому суду предписывалось «не отказывать в признании какого-либо туземного права или обычая»¹⁵. Обычное право было признано и другими законодательными актами. Например, в законе «О судопроизводстве и применении права» указывалось: «Во всех делах, гражданских и уголовных, где стороны, лица, являющиеся субъектами местного права, каждый суд должен руководствоваться местным правом и обычаям... поскольку это не противоречит справедливости и морали и не является несовместимым с писаным правом»¹⁶. В за-

¹¹ «Liwalis courts ordinance», № 6, 1920. (см. «African conference on local courts and customary law», Dar es Salam, 1963, p. 101).

¹² «Local courts ordinance», 1953 (там же).

¹³ «African conference on local courts and customary law», Dar es Salam, 1963, p. 13. См. также: J. P. Moffett, Native courts in Tanganyika, «Journal of African Administration», Jan. 1952; J. S. R. Cole and W. N. Denison, Tanganyika. The development of its law and constitution, London, 1964, p. 103.

¹⁴ См. J. P. Moffett, A foreword, in: H. Cory, Sukuma law and custom, London, 1954.

¹⁵ «The local courts ordinance (Amendment)», 1961, sec. 39 E (1) (a). Цит. по: J. S. R. Cole and W. N. Denison, Tanganyika. The development of its law and constitution, p. 95.

¹⁶ «The judicature and application of laws ordinance of Tanganyika», 1961, № 57, sec. 9 (3). См. там же.

конец 1962 г. о местном управлении было дано определение обычного права: «Обычное право означает такое правило или совокупность правил, определяющее права и устанавливающее соответствующие им обязанности, которое не является несовместимым со справедливостью и моралью и которое подтверждено установленным местным обычаем»¹⁷.

К 1963 г. в Танганьике был ликвидирован институт вождей и закончилась реорганизация судебной системы. Закон о магистратских судах покончил с дуализмом и расовым принципом в правосудии, установив новую судебную систему, основанную на территориальном принципе¹⁸. Судебная власть была окончательно отделена от исполнительной, и суды первой инстанции стали осуществлять юрисдикцию над всеми гражданами в их районе независимо от расовой принадлежности. Наряду с существующим законодательством в области уголовной юрисдикции суды применяют и обычное, и мусульманское право в гражданских делах¹⁹. Судопроизводство стало вестись на государственном языке суахили. Судебная реформа, проведенная в масштабах всей страны, явилась важным шагом к созданию единой правовой системы. Следующий этап был связан с унификацией норм обычного права. Выполнение этой задачи представляет большие сложности, поскольку пестрый этнический состав населения, разные уровни социальной и общественной организации, культуры и религии предопределили и различия в обычном праве народов Танганьики.

Многие американские и западноевропейские ученые в своих работах сильно преувеличивают различия в этих правовых системах²⁰. Некоторые правоведы вообще отрицают возможность унификации обычного права²¹. Однако исследования норм обычного права у народов Танганьики, особенно за последние годы, показали, что несмотря на определенные различия, обусловленные целым рядом причин, в нормах обычного права существует и много общих черт, и поэтому унификация обычного права ряда народов вполне осуществима. Особое значение имели работы Х. Кори по изучению обычного права крупнейшей народности Танганьики — васукума. Им, в частности, был разработан свод норм обычного права васукума, изданный в 1953 г. на суахили в качестве руководства для судей²². Эта работа Кори не нашла широкого практического применения, однако она имела большое значение как первая попытка научного подхода к унификации обычного права.

Подготовленный Х. Кори сборник общеправовых норм васукума был использован при разработке правительственного проекта унификации обычного права в Танганьике. В 1961 г. президент Ньерере поставил эту задачу в специальном обращении к членам парламента, региональным секретарям партии Национальный союз африканцев Танганьики (ТАНУ) и представителям районных советов. Ньерере указывал, что складывающейся в Танзании нации необходимо единое право.

Начальный этап унификации предполагал создание единого кодекса обычного права отдельных регионов или групп населения. Первую наи-

¹⁷ «The local government ordinance (Amendment)», 1962, 4, sec. 53A (4) (b). Там же.

¹⁸ «The magistrates courts acts», 1963, № 55, «Tanganyika gazette», 1963, vol. XLIV, № 68, Supplement № 1.

¹⁹ Там же, sec. 14. Применение обычного права в уголовных делах было запрещено еще законом о судопроизводстве и применении права 1961 г.

²⁰ См.: D. V. Cowen, African legal studies — a survey of the field and the role of the United States, «Law and contemporary problems», 1962, vol. 27, № 4.

²¹ См., например, E. S. Tanner, The codification of customary law in Tanzania, «East African Law Journal», 1966, vol. 2, № 2.

²² H. C. Ory, Sukuma Law and custom, London, 1953; егo же, The indigenous political system of the Sukuma and proposals for political reform, Dar es Salam, 1954.

более обширную группу составили патрилинейные народы, говорящие на языках банту ($\frac{3}{4}$ населения страны). В дальнейшем была намечена унификация права народов, имеющих матрилинейную филиацию (около $\frac{1}{5}$ населения). Третий этап предполагал унификацию исламского права²³.

Унификации подлежали обычноправовые нормы выкупа за невесту, вопросы брака и развода, положения детей и наследования, т. е. наиболее традиционные правовые нормы, охватывающие широкий круг гражданских правоотношений²⁴. Первоначальный проект унифицированного кодекса общих для всех племен норм обычного права обсуждался на местах представителями народов, которых касалась унификация. Обсуждение велось на языке суахили.

На специальных конференциях вырабатывался проект общих правовых норм, а затем, после одобрения Национальным комитетом экспертов, унифицированный проект вновь направлялся советам районов. После утверждения советами кодекс норм обычного права становился нормативным актом на территории принявших его советов и уже исключал применение каких-либо других норм, равно как и дальнейшие ссылки на местное обычное право племен. Работа по созданию кодекса вышла за рамки простой унификации. Фактически имела место модернизация права: устаревшие архаические нормы пересматривались и вырабатывались новые положения, учитывающие современные условия.

Однако число новых норм оказалось немногочисленным — проект в значительной мере зависел от мнения местных представителей, которые, естественно, стремились к закреплению существующих и для них привычных правовых норм.

1 августа 1963 г. в 25 районах вошла в законную силу Декларация обычного права, регламентировавшая вопросы, связанные с выкупом за невесту, браком, разводом и положением детей²⁵. В сентябре того же года была издана вторая часть Декларации, содержащая положения об опеке, наследовании и завещании²⁶. Декларация содержит 348 статей и делится на ряд разделов. В ней регулируются правоотношения как полигамной, так и моногамной семей. Значительное место отводится положениям о правоотношениях в большой семье, сохраняющей свое значение основной социальной единицы²⁷. Статьи источника отражают правоотношения в большой семье, находящейся в стадии разложения, когда уже наметились тенденции выделения в ней малых семей и происходит сложный процесс, связанный с борьбой коллективных и частных, родовых и индивидуальных интересов²⁸. Это проявляется, например, в ряде статей, устанавливающих право собственности отдельных членов большой семьи, в сосуществовании собственности общесемейной и индивидуальной.

²³ В июне 1967 г. был закончен и опубликован унифицированный свод норм мусульманского права. См.: «Gazette of the United Republic of Tanzania», 1967, vol. 48, № 27, Suppl. № 34.

²⁴ Проект унификации не включал обычноправовых вопросов землевладения, поскольку земля объявлена национальной собственностью и вопросы землевладения регламентируются законодательством.

²⁵ The local government ordinance. «The Local Customary Law (Declaration) (№ 1) Order», «Tanganyika Gazette», 1963, vol. XLIV, № 36, Suppl., № 2, Government notice № 279. В дальнейшем при ссылке на Декларацию в тексте дается сокращенное название раздела и номер статьи.

²⁶ «The Local Customary Law (Declaration) (№ 4) Order», Там же, Government notice № 436.

²⁷ Ср. работу П. Гулливера, где собран материал о большой семье у патрилинейных сельскохозяйственных масаи: P. H. Gulliver, Social control in an African society. A study of the Arusha: agricultural Masai of Northern Tanganyika, London, 1963.

²⁸ Анализ этих проблем в общетеоретическом плане см.: М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963.

О роли большой семьи говорят статьи, закрепляющие главенство отца или старшего брата, а также семейного совета, включающего всех взрослых членов. Часть 1, посвященная личным правам граждан, предоставляет совету семьи право решения многих имущественных вопросов между родственниками. Совет семьи назначает опекуна несовершеннолетним детям отсутствующего или умершего родственника; в случае временного отсутствия наследника выделяет из числа его родственников попечителя наследуемой собственности.

При лишении наследства законного наследника, последнему предоставляется право дать объяснения семейному совету (The Law of Inheritance, sec. 31). Если наследнику не было известно о лишении его наследства до смерти наследователя, он вправе обратиться к семейному совету, который может восстановить его в правах наследства (The Law of Inheritance, sec. 35, 37).

Важная роль совета большой семьи подчеркивается статьей, устанавливающей, что ряд дел не может быть передан в суд до рассмотрения их семейным советом (The Law of Inheritance, sec. 22).

Во многих нормах Декларации было выражено стремление сохранить собственность в рамках большой семьи. Наиболее четко это проявилось в положениях о наследовании — вопросе чрезвычайно важном для понимания уровня социального развития²⁹.

Имущественные интересы большой семьи защищаются положениями, предусматривающими переход наследства только к кровным патрилинейным родственникам. Основными наследниками признаются: прежде всего старший сын (наследник 1 степени; в этом проявилось стремление укрепить отцовское право), а затем другие сыновья (наследники 2 степени) и дочери (наследницы 3 степени) (The Law of Inheritance, sec. 25, 30). Овдовевший супруг не имеет права на получение наследства, если у умершего имеются родственники по отцовской линии (The Law of Inheritance, sec. 27, 28). При отсутствии детей наследниками являются братья и сестры, племянники, отец, дяди и тетки или любые другие патрилинейные родственники с преимущественным правом в пользу мужчины (The Law of Inheritance, sec. 46, 47, 48, 49). Собственность передается овдовевшему супругу только при полном отсутствии патрилинейных родственников (The Law of Inheritance, sec. 50).

Большая семья осуществляет контроль за разделом собственности среди наследников: «После смерти члена семьи его родственники рассматривают вопросы, связанные с доходами и долгами покойного» (The Law of Inheritance, sec. 6); «лицом, отвечающим за раздел наследства, является старший брат умершего или его отец... или другой родственник-мужчина, назначенный семейным советом» (The Law of Inheritance, sec. 5).

Особый характер имущественных отношений в большой семье обуславливает правовую зависимость одних членов семьи от других. В наибольшей мере это проявляется в нормах, определяющих правовое положение женщин и детей.

Как правило, родственники помогают мужчине собрать средства, чтобы выплатить выкуп за невесту. В случае расторжения брака полученный выкуп должен быть возвращен (The Law of Persons, sec. 6, 52 A). Обычай устанавливает весьма своеобразную зависимость: при расторжении брака, в котором были рождены дети, выкуп, уплаченный за невесту, не воз-

²⁹ См. Д. А. Ольдерогге, Система права, «Проблемы первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LIV, М.—Л., 1960. В статье дан анализ правоотношений у некоторых народов, говорящих на языках банту. Выводы автора представляют большой интерес для понимания характера социальной организации у народов Танганьики.

вращается (The Law of Persons, sec. 52 B); он как бы компенсируется детьми, которые в любом случае принадлежат отцу и его большой семье (The Law of Persons, sec. 175, 104). Таким образом, женщина может порвать связи с семьей мужа, лишь вернув при разводе уплаченный за нее выкуп (при бездетном браке) или оставив детей. Связи между большой и малой семьей сохраняются и после смерти сородича: семейный совет назначает опекуна несовершеннолетним детям, причем опекунство возлагается исключительно на родственников-мужчин (The Law of Guardianship, sec. 2, 3, 4). Следует отметить, что Декларация даже расширяет права семьи мужчины по сравнению, например, с обычаями у народа васукума, где опекунами несовершеннолетних детей назначались мать и родственник отца³⁰. Статьи Декларации прямо рассматривают выкуп за невесту как собственность большой семьи. Например, при вступлении вдовы в брак с кем-либо из родственников мужа засчитывается уже выплаченный выкуп (The Law of Persons, sec. 65). Вдова полностью зависит от большой семьи. Семейный совет вправе выселить ее, если вдова постоянно живет не с родственником мужа. Он также решает, отправить ли вдову, ожидающую ребенка, в семью ее отца или признать ребенка (The Law of Persons, sec. 68, 69). Исключительное право мужа и его родственников на женщину и детей наиболее очевидно в положениях об адюльтере. Виновный уплачивает мужу денежную компенсацию в размере максимального выкупа за невесту (The Law of Persons, sec. 115 A)³¹. И здесь выкуп за невесту играет определенную роль. Уплата компенсации и штрафа не меняет прежних правоотношений. Рожденные в браке дети в любом случае принадлежат супругу, и фактический отец ребенка не приобретает на него никаких прав и после уплаты выкупа. Здесь признание отеческой власти над детьми основывается не на факте кровного родства, а является результатом власти мужчины над женщиной³². Имущественные отношения оказываются решающими и при установлении отцовства над внебрачным ребенком без регистрации брака: отцу женщины выплачивается компенсация, равняющаяся, как и в первом случае, максимальному размеру выкупа за невесту (The Law of Persons, sec. 181 B). Права, приобретенные уплатой выкупа за невесту, отступают на второй план только в одном случае — когда обычное право и Декларация закрепляют патрилинейные отношения, более прогрессивные по сравнению с матрилинейными. Правовое положение детей из патрилинейной общины, воспитанных матрилинейными родственниками или рожденных в семье, в которой выкуп за невесту выплачивается родственниками матери жениха («ньямба йя кукени»), всегда определяется в соответствии с правилами патрилинейной общины (The Law of Persons, sec. 22, 159).

Первая имущественная сделка — уплата выкупа за невесту — порождает сложные дальнейшие правоотношения. Поскольку правила, регулирующие уплату выкупа, продолжают играть большую роль в жизни патрилинейных народов современной Танзании, значительная часть кодекса — 65 статей — посвящена регламентации именно этих вопросов.

Выкуп за невесту выплачивается женихом отцу невесты и часто делится между ее отцовскими и материнскими родственниками (The Law of Persons, sec. 1, 15).

³⁰ Ср.: Н. Согоу, Sukuma law and custom, sec. 316.

³¹ Еще известный русский специалист в области обычного права А. Н. Стоянов отмечал, что в Африке «в большинстве систем первобытного обычного права адюльтер рассматривается как нарушение интересов и прав семейного союза». См. А. Н. Стоянов, Зачатки семейного права у первобытных народов, Харьков, 1884, стр. 21.

³² См. Д. А. Ольдерогге, Энгельс и проблема происхождения отцовского рода, «Вопросы истории докалассового общества», М.— Л., 1936.

Декларация определяет круг родственников, имеющих право получать выкуп за невесту. Выкуп может выплачиваться по частям. В случае, если обязательства по выплате выкупа впоследствии не выполняются, отец невесты не вправе вернуть дочь обратно, но суд может обязать мужа выплатить выкуп в течение определенного срока. Выкуп за невесту, установленный Декларацией, значительно меньше того, который был принят практикой раньше. Обычный выкуп был весьма высок и для многих недоступен, поэтому значительная часть взрослого населения обходилась без формальной регистрации брака. Декларация не только вводит ограничения при уплате выкупа, но и пытается привить новое отношение к браку. Так, статья 4 закрепляет за женщиной, достигшей 21 года, право вступить в брак без согласия отца или опекуна (The Law of Persons, sec. 4). Важное значение имеет и статья 5, признающая законным брак без уплаты выкупа за невесту (The Law of Persons, sec. 5). Эти две статьи, неизвестные обычному праву, фактически противостоят традиционным нормам, регламентирующим заключение брака.

Новое содержание в привычные нормы вносит и статья, требующая «при определении выкупа за невесту принимать во внимание имущественное положение жениха» (The Law of Persons, sec. 10 B). Такая норма безусловно отражает рост дифференциации в имущественных отношениях и сложилась под влиянием современных условий Танзании.

Наряду с регистрируемым браком государство признает конкубинат (kinyumba) — совместную жизнь мужчины и достигшей совершеннолетия женщины без регистрации брака и выплаты выкупа за невесту (The Law of Persons, sec. 89—97, 106, 157 A). Для конкубината устанавливаются самостоятельные правовые отношения, отличающиеся от правоотношений, вытекающих из регистрируемого брака.

В наибольшей мере сила традиций проявилась при разработке положений о разводе, закрепляющих неравноправное положение женщины. Декларация специально оговаривает обстоятельства, признаваемые в качестве оснований для развода, не одинаковые для мужчин и женщин. При определенных обстоятельствах развод допускается, но суд всегда обязан определить «виновную сторону» (в этом, как и в определении возраста совершеннолетия, сказалось, по-видимому, влияние английского права). Признание «виновности» женщины означает, что ее родственники обязаны вернуть полученный за нее выкуп (The Law of Persons, sec. 37 A, 58). Даже в том случае, когда требование развода исходит от мужа и в браке были рождены дети, суд может решить, что развод «спровоцирован» поведением женщины и обязать ее родственников возратить выкуп (The Law of Persons, sec. 59). Поэтому, вероятно, разводы бывают чаще в тех районах, где низкий выкуп за невесту. «Там, где выкуп высок, развод почти не известен»³³. Положения о разводе были заимствованы из обычного права васукума, кодифицированного Х. Кори. В обоих источниках статьи текстуально совпадают³⁴.

Правовое положение супругов при разводе обуславливает факт уплаты выкупа за невесту. При расторжении конкубината имущество супругов делится поровну. При этом учитывается размер собственности, которой стороны владели до брака. Имущественные права женщины, состоящей в браке, где имела место уплата выкупа, ничем не гарантируются. Вероятно, распространенность конкубината в Танганьике также является следствием этих различий в правовом положении супругов, вытекающих

³³ Z. R. Chesoni, Divorce and succession in Luyia customary law, «East African Law Journal», 1966, vol. 2, № 3, p. 165.

³⁴ Ср. «The local customary law (Declaration order)», The Law of Persons, sec. 163—167 и H. C o r y, Sukuma law and custom, sec. 229—231.

из формы брака. Женщина, за которую уплачивался выкуп, не имеет никаких прав на получение доли имущества, если брак расторгается по ее «вине» (The Law of Persons, sec. 74). Когда «виновным» признается муж, закон устанавливает для женщины единовременную выплату, зависящую от рода занятий ее мужа. Например, жена крестьянина получает $\frac{1}{4}$ урожая последнего года, жена торговца — не менее 150 шиллингов, жене служащего выплачивается его месячное жалование (The Law of Persons, sec. 71 A, B, D). Такое закрепление социальных различий — новый, не известный обычному праву элемент. Он показывает стремление авторов Декларации приспособиться к новым условиям, отличающимся значительными сдвигами в социальной дифференциации общества. Но сам подход к решению этих проблем остается традиционным.

В Декларации нашли отражение и такие архаические формы общественных отношений, как пережитки левирата. Ряд статей отражает обычай наследования жены родственниками мужа: «Вдова может избрать родственника умершего мужа и жить с ним в качестве его жены» (The Law of Persons, sec. 66 A). Следует отметить, что только такой брак сохраняет за вдовой право жить совместно с детьми, принадлежащими по закону семье ее мужа. «Если вдова согласна жить в качестве жены с одним из родственников умершего мужа и на это получено согласие семейного совета, она становится законной женой этого родственника» (The Law of Persons, sec. 64). Необходимость одобрения левиратного брака семейным советом подчеркивается и другим положением Декларации: «...Когда вдова согласна, чтобы ее унаследовал кто-либо из родственников умершего мужа и это одобрено семейным советом, родственник назначается опекуном ее детей» (The Law of Guardianship, sec. 7). В самой Танганьике некоторые юристы объясняют сохранение статей, предусматривающих левиратный брак, необходимостью обеспечить детей в экономически бедной стране. Однако, аналогичные общеправовые нормы в законодательстве некоторых других стран давно уже объявлены утратившими силу³⁵.

Рассматриваемая Декларация обычного права Танзании в настоящее время представляет основной свод гражданско-правовых норм, регулирующих брачно-семейные отношения и вопросы наследования. Разбор содержащихся в ней положений показывает, что Декларация отражает новые процессы, происходящие в социальных отношениях Танзании.

Требование учитывать имущественное положение лиц при уплате выкупа за невесту, решение имущественных вопросов при расторжении брака в зависимости от социального положения граждан и другие аналогичные нормы отражают сдвиги в современных условиях, имущественную и социальную дифференциацию в обществе. Некоторые нормы, закрепляющие власть мужчины и подчиненное положение женщины, утвердились в обычном праве, по-видимому, под влиянием ислама и вошли в Декларацию уже как общеправовые положения.

Декларация специально указывает на недопустимость дискриминации в зависимости от религиозной принадлежности (The Law of Wills, sec. 33). В этом сказались, несомненно, не только исторические традиции страны, но и политика веротерпимости, которую старается проводить правительство Танзании.

В то же время нормы Декларации, закрепляющие имущественную компенсацию за адюльтер, остатки левирата, наказуемость нарушения

³⁵ См. например: I. Schapera, Tribal legislation among the Tswana of the Bechuanaland Protectorate, London, 1943, pp. 2, 6 и др.

табуации женщины³⁶ и т. п. свидетельствуют о стойкости традиционных норм.

Такой характер Декларации объясняется также сложностью этнического состава населения страны, различающегося по уровню социального и культурного развития, поскольку — наряду с племенами, стоящими на стадии разложения родо-племенных связей или находящихся на стадии феодальных отношений — многие народности переживают начальный этап развития капиталистических отношений³⁷. Различия в уровне социального развития разных этнических групп населения Танзании и являются одной из причин, которые определили своеобразное сочетание архаических и новых, современных норм, закрепленных в Декларации.

Кроме объективных факторов — различий в социальных укладах разных этнических групп, определенную роль, по-видимому, сыграл и субъективный фактор: составители источника не смогли выйти за рамки многих традиционных представлений и преодолеть стойкость ряда отживающих общеправовых институтов. В содержании Декларации, безусловно, нашла выражение также определенная политическая линия руководителей Танзании, идеологическим концепциям которых соответствуют некоторые идеализируемые ими принципы обычного права³⁸. Лидеры Танзании неоднократно заявляли, что в складывающемся обществе они намерены развивать традиционные принципы коллективизма, взаимопомощи, племенного демократизма, присущие, по их мнению, обычному праву. Ряд общеправовых принципов руководители Танзании намерены положить в основу тех новых социалистических общественных отношений, которые, по их мнению, будут установлены в стране.

Президент Ньерере считает зачаточной формой социализма большую семью — уджамаа. «Современный африканский социализм, — пишет Ньерере, — можно вывести из его традиционного наследия, рассматривая общество как расширенное семейное объединение». «Наше понятие семьи, к которой мы все принадлежим, должно быть расширено дальше — до принадлежности племени, общине, нации»³⁹. Придавая столь важное значение большей семье, идеологи ТАНУ стремятся, естественно, сохранить ее с помощью соответствующих норм обычного права, закрепляющих особую роль большой семьи и консервирующих существующие в ней отношения.

Декларация привлекла внимание представителей различных научных и политических кругов. Некоторые юристы подвергли ее критике. По мнению, например, Е. С. Теннера, она не выполнила поставленных задач по созданию единого национального права, одновременно лишив народы их традиционных систем обычного права⁴⁰. Принятая Декларация действительно не является единым кодексом права для всей страны. Эта задача и не стояла перед ее составителями. Предстояло решить более узкую, но весьма важную задачу — унифицировать и модернизировать обычное право подавляющего большинства населения — патрилинейных народов банту. Издание Декларации имело исключительно важное значение, по-

³⁶ О древнейших корнях происхождения последнего обычая см.: С. А. Токарев, Новое о происхождении экзогамии и тотемизма, в сб.: «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.

³⁷ См. В. Я. Кацман, Рост имущественной дифференциации среди африканского крестьянства Танганьики после второй мировой войны, «Сов. этнография», 1961, № 1, стр. 88.

³⁸ См. Н. Д. Косухин, Концепции «африканского социализма» в Танзании и Кении, сб. «Современные теории социализма „национального типа“», М., 1967.

³⁹ J. Nyerere, Ujamaa. In: «African Socialism», ed. by N. Friedland, London, 1964, p. 246. См. также: J. K. Nyerere, Freedom and unity — uhury na ummoja, London, 1967.

⁴⁰ E. S. Tanner, Указ. раб.

сколько впервые была сделана попытка унификации обычного права разных этнических групп населения. Это был первый, но очень важный шаг на пути общей унификации и становления национального права молодой страны. Естественно, что становление национального права — длительный процесс. По мере его развития обычное право отдельных народов будет постепенно замещаться общими нормами писаного права, все более отвечающими общенациональным критериям. Но с созданием Декларации впервые в истории страны нормы обычного права большинства населения были письменно зафиксированы и приобрели статус закона. Кодификация поставила обычно-правовые нормы в один ряд с другими источниками права в общей системе законодательства и создала возможности для их изучения и дальнейшей модернизации.

Практическая ценность Декларации, несомненно, состоит и в том, что она отныне ограничивает сферу произвольных толкований и интерпретаций правовых норм в повседневной работе судов и облегчает деятельность партии ТАНУ, выполняющей в провинции административные и арбитражные функции. Это особенно важно для районов, отличающихся большой этнической пестротой. Процесс модернизации обычного права и отмирания архаических норм, несомненно, будет в определенной мере связан с процессом экономического и социального развития общества и консолидацией нации.

В настоящее время трудно сказать, какую окончательную форму приобретет в будущем законодательство Танзании, в котором новое будет развиваться с учетом национальных особенностей, традиционных правоотношений и обычаев. На современном этапе, когда ставятся задачи полного освобождения от колониального наследия и построения в будущем социалистического общества, на право, развивающееся в стране, могут оказать влияние некоторые правовые принципы стран социалистической системы. Вполне вероятно, что будет иметь место не только медленное перерастание старых правовых институтов в более развитые, но и непосредственное восприятие некоторых передовых правовых концепций.

SUMMARY

The newly emancipated African countries are facing important problems: the consolidation of nationalities and tribes into a single nation; the building up of their statehood; the elaboration of all-national law. There is no unanimity among researchers in the assessment of alternative trends in the charting out of national law, of the interrelation between traditional and modern law. The article illustrates by the example of Tanzania some major problems relating to unifying and modernizing legal norms in the course of instituting a unified law system for the whole country. The conservation of former law systems which existed under colonialism and a slow evolution of law are impossible for young African countries where rapid social changes are taking place.

The government of Tanzania is taking firm measures for reorganizing the system of law and justice. The government is planning to use the customary law unifying its norms.

An important step was the adoption in 1963 of a Declaration of customary law standards regulating the main questions of family, marriage, inheritance, the law of persons, etc. The author shows that this Declaration reflects some new processes taking place in the law of the country, although many customary traditions and institutions still persist. At present the Declaration is the main compendium of civil law regulations. Its importance for the formation of all-national law is very great. This is the first time in the country's history that the customary law norms of the majority of Tanzania's population have been set down in writing and have received the status of law.

М. А. Членов

К ЭТНИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОВРЕМЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ МОЛУККСКИХ ОСТРОВОВ

Провинция Малуку (Молуккские острова) принадлежит к числу наименее заселенных областей Индонезии (население на 1962 г. — 853 900 чел.)¹. Тем не менее этнические процессы, протекающие на этом удаленном архипелаге, заслуживают самого тщательного изучения. Народы Молукк, как и другие народы Индонезии и многих других многонациональных стран «третьего мира», в последнее время развиваются под влиянием сравнительно нового фактора — консолидирующей политики государства, направленной на создание единого национального организма в рамках страны. Этой официальной тенденции противостоит тенденция развития уже существующих этнических общностей, консолидация мелких народов вокруг доминирующего в численном или экономическом отношении народа, образование отдельных национальных регионов. Столкновение этих двух тенденций отличается особенной остротой на Молуккских островах в силу целого ряда исторических причин, которые будут охарактеризованы ниже. В предлагаемой статье внимание намеренно сосредоточено на внутренних этнических процессах, как наименее известных; соответственно, анализу влияния общеиндонезийской тенденции к консолидации на эти процессы отводится второстепенное место.

При работе автор использовал как имеющиеся публикации, так и собственные наблюдения во время пребывания на Молукках в 1963—1965 гг.

Географическое положение архипелага на крайнем востоке страны в значительном удалении от центра обуславливает определенную специфику политического, экономического и этнического развития района. Характерной особенностью этнических процессов на Малуку является то, что они протекают в условиях необычайной этнической дробности. Точный этнический состав островов не выяснен до сих пор. На основе принятой в советской этнографии этнолингвистической классификации народов эта задача на сегодняшний день представляется неосуществимой из-за отсутствия лингвистических источников по многим языкам и диалектам этого района. Существующие публикации дают возможность лишь в общих чертах охарактеризовать населяющие архипелаг этнические общности².

¹ «Buku petundjuk territorial. Daerah Maluku», Djakarta, 1963, hal. 30.

² См. например: А. А. Бернова, Народы Восточной Индонезии, «Народы Юго-Восточной Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1966, стр. 591—603; P. Drabbe, Het leven van den Tanembarees, Leiden, 1940; E. Rodenwaldt, Die Mestizen auf Kisar, Jena, 1928; F. Cooley, Ambonese adat: a general description. New Haven, 1962; A. Jensen, Die drei Ströme, Leipzig, 1948; J. Röder, Alahatala, Bamberg, 1948; E. Streseman, Die Lauterscheinungen in den Ambonischen Sprachen, Berlin, 1927; F. S. A. Declercq, Bijdragen tot be kennis der residentie Ternate, Leiden, 1890; J. G. F. Riedel, De sluik- en kroeshaarige rassen tusschen Celebes en Papua, s'Gravenhage, 1886.

Аборигенные народы Малуку говорят на языках, относящихся к трем языковым семьям: австронезийской, северохальмахерской и тиморской (последние две часто рассматривают как части папуасской языковой семьи, однако папуасские языки не представляют собой генетической единицы, что не дает возможности использовать этот термин при этнолингвистической классификации). Большая часть языков относится к так называемой восточноиндонезийской группе австронезийской (или малайско-полинезийской) языковой семьи. Генетическое родство языков восточноиндонезийской группы признается не всеми исследователями, однако для целей этнолингвистической классификации выделение восточноиндонезийских народов представляется оправданным, учитывая их культурное своеобразие по сравнению с остальными народами Западной Индонезии.

Самой крупной и доминирующей в политическом и экономическом отношении народностью являются амбонцы, численность которых составляет около 200 тыс. чел.³ Они населяют о. Амбон — центр архипелага — и о-ва Харуку, Сапаруа и Нусалаут. Небольшие группы амбонцев живут на Западном Сераме, на о-вах Банда, а также на Западном Ириане, на Яве и даже в Голландии. Большинство амбонцев (около 60%) — христиане-кальвинисты, говорящие на амбонском диалекте индонезийского языка (так называемый мелайю-амбон), относящемся, как и все остальные малайские диалекты, к суматранским языкам. Остальная, мусульманская часть амбонцев — двуязычна: используя мелайю-амбон за пределами своей деревни, в быту эти люди говорят на местных диалектах. Все эти диалекты родственны между собой и обнаруживают большое сходство с языками Западного Серамы.

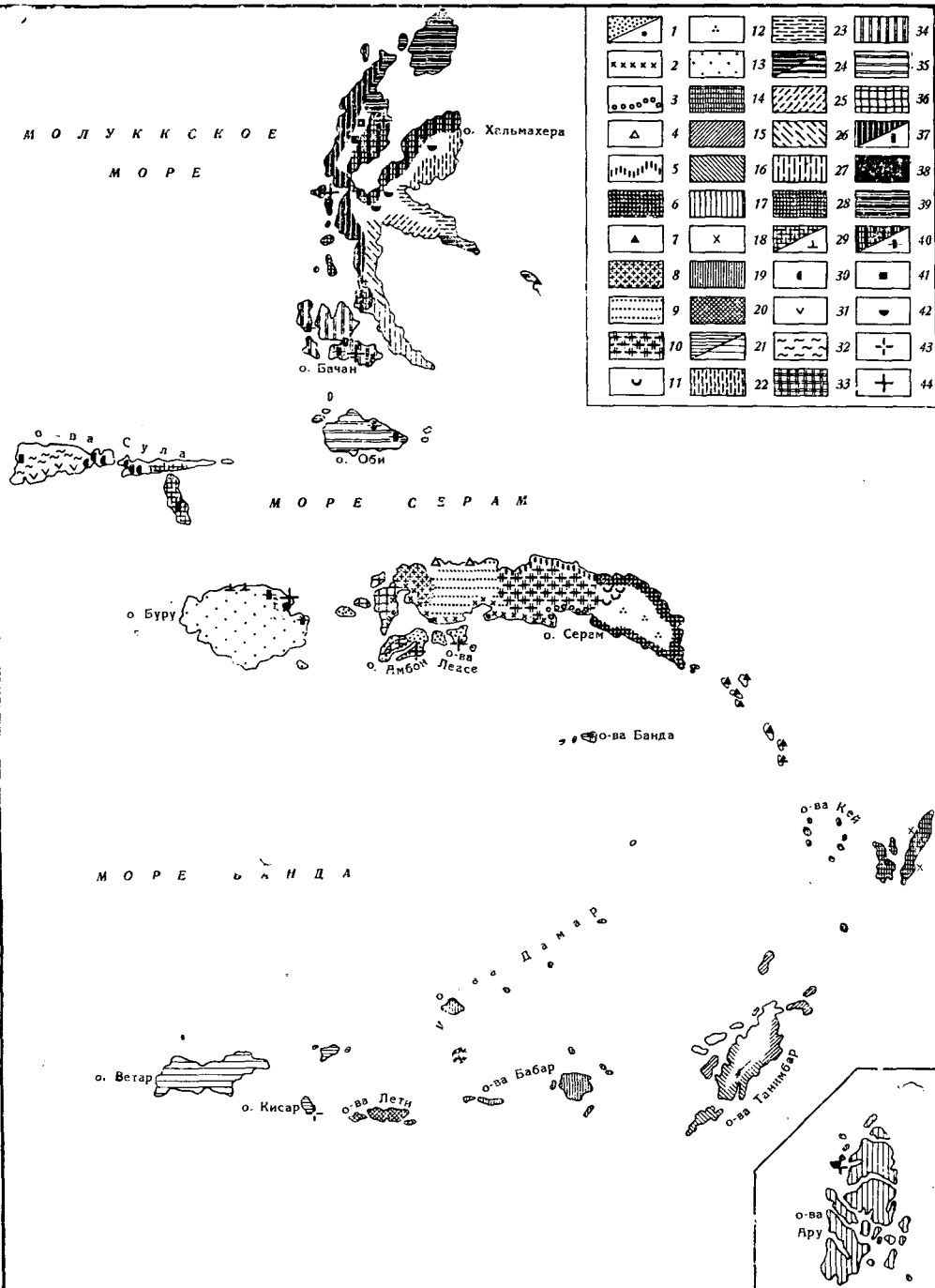
Население большого о-ва Серам неоднородно. Близкородственные амбонцам народы населяют южную береговую полосу острова от мыса Сиал до залива Талути. Предками этих народов, так же как и амбонцев, были серамские горцы, которые в течение многих веков смешивались с пришельцами со всех концов Малайского архипелага. В результате образовался определенный этнический тип, близкий по культуре и образу жизни к амбонцам. В этнографической литературе не дано названия прибрежным жителям юго-западного Серамы. Может быть, только их можно по праву назвать серамцами, так как только они называют себя «оранг серам». Их численность около 20 тыс. чел. Несмотря на распространявшееся у них христианство, они, в отличие от христиан-амбонцев, сохранили местные диалекты (обычно каждая деревня говорит на своем диалекте), восходящие к языкам горного Серамы. Серамцы двуязычны и за пределами деревни изъясняются на мелайю-амбон.

К востоку от серамцев по берегу залива Талути живет небольшая народность талути (около 7 тыс. чел.), принявшая ислам и, как все прибрежные народы Малуку, двуязычная.

На северном берегу Серамы живут «оранг танивел» (около 2 тыс. чел.) и «оранг салеман» (около 6 тыс. чел.). Последние населяют всю прибрежную полосу от залива Салеман до Хоты на востоке. Оба эти народа образовались в зоне контакта между серамскими горцами и населением Северных Молукк, утвердившим в этих районах ислам.

Береговая полоса Восточного Серамы населена близкородственными народами — хоти, батуса, килмури, гессер, — объединяемыми обычно под названием гессерцы (около 40 тыс. чел.). Родственные им народы

³ Оценка численности отдельных народов Молуккских островов проведена нами на основании демографических отчетов руководителей районов за 1965 г. Эти материалы были любезно предоставлены нам амбонскими властями. Мы пользуемся случаем выразить им нашу благодарность.

Карта 1. Этнический состав Молуккских островов

МАЛАЙСКО-ПОЛИНЕЗИЙСКИЕ НАРОДЫ. Амбоино-тиморские народы: 1 — амбонцы, 2 — серамцы, 3 — талуты, 4 — танивел, 5 — салеман, 6 — гессерцы, 7 — горомцы, 8 — алуне, 9 — вемале, 10 — манусела, нусавеле, 11 — сети, 12 — лиамбата, 13 — буруанцы, 14 — кейцы, 15 — ларатцы, 16 — ямденцы, 17 — аруанцы, 18 — банданцы, 19 — бабарцы, 20 — летийцы, 21 — кисарцы, 21-а — ветарцы. Сула-бачанские и южно-хальмахерские народы: 22 — були, 23 — маба, 24 — петани, 24-а — гебе, 25 — саван, 26 — веда, 27 — гане, 28 — макнанцы, 29 — сула, 30 — кадан, 31 — себойо, 32 — манге. Малайские народы: 33 — современное население о-вов Банда, 34 — бачанцы, 35 — обийцы. Сулавесийские народы: 36 — бутонцы. СЕВЕРОХАЛЬМАХЕРСКИЕ НАРОДЫ. 37 — тернатанцы, 38 — тидорцы, 39 — галела, 40 — тобело, 41 — тобару, 42 — тогутил. ТИМОРСКИЕ НАРОДЫ. 43 — оирата. КИТАЙСКО-ТИБЕТСКИЕ НАРОДЫ. 44 — китайцы

населяют о-ва Серамлаут, Горонг и Ватубела. Гессерцы и горомцы (так называет себя население названных островов) по внешнему типу, языку и культуре резко отличаются от остальных серамцев и обнаруживают сходство с папуасским населением Западного Ириана. Гессерцы — мусульмане.

Горная часть Западного Серам населена двумя народами — вемале (около 10 тыс. чел.) и алуне (около 6 тыс. чел.). До 1930-х годов оба эти народа, обладавшие единой социальной организацией в рамках тайного мужского союза «какыхан», сохраняли анимистические верования. Однако к 1965 г., когда автор был на Сераме, все деревни формально перешли в христианство, распространяемое амбонцами-миссионерами. Вемале и алуне сохранили свои языки и, как правило, плохо понимают малайю-амбон.

Горная часть Центрального и Восточного Серам заселена малоизвестными народами, среди которых следует назвать манусела, сети, нусавеле, лиамбата (бати)⁴. Общая численность этих народов около 4 тыс. чел. Манусела и нусавеле считаются христианами, сети и лиамбата — мусульманами. Среди лиамбата сохранились анимистические верования.

В отличие от большинства остальных островов, большой остров Буру заселен только одним народом — буруанцами (около 30 тыс. чел.), хотя среди них можно выделить отдельные этнографические группы. На северном берегу острова распространен ислам, на южном — христианство. В центре Буру вокруг оз. Рана, а также в горах над деревней Вамсиси живут племена, сохраняющие анимистические верования и до последнего времени практиковавшие охоту за головами.

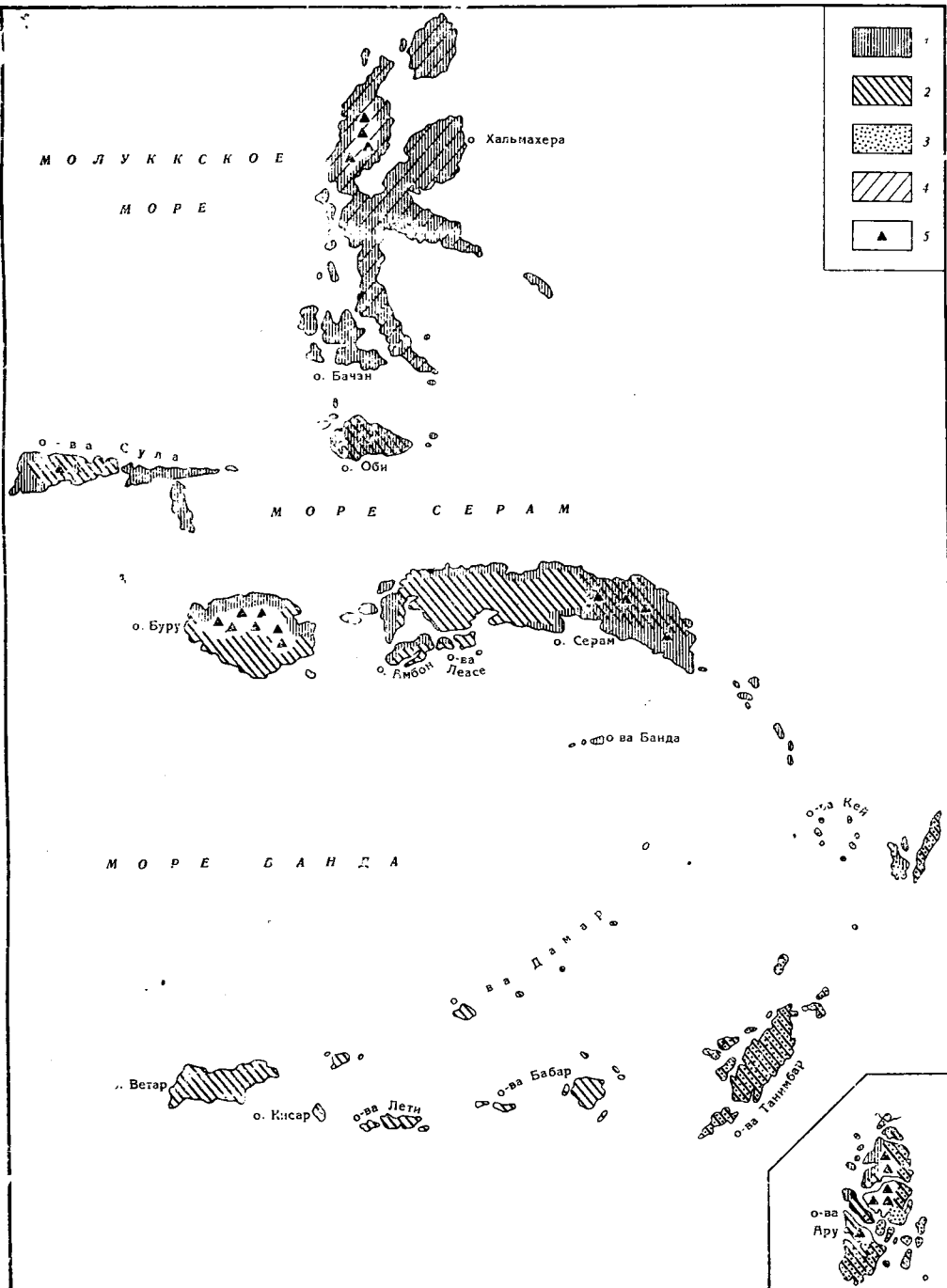
Самой крупной народностью Южных Молукк являются кейцы (около 75 тыс. чел.), населяющие архипелаг Кей. Большинство кейцев двуязычны, кроме своего языка владеют также малайю-амбон. Половина населения архипелага — мусульмане, остальные — христиане: католики и протестанты-кальвинисты. На Кее находится центр Амбонского католического викариата. Довольно много католиков среди соседних с кейцами народов — ларатцев и ямденцев (общая численность — около 45 тыс. чел.), населяющих о-ва Танимбар, и среди аруанцев (общая численность — около 30 тыс. чел.), живущих на архипелаге Ару. Среди этих народов, так же как и среди кейцев, есть мусульмане и кальвинисты.

В двух деревнях на о. Большой Кей — Эли и Элат — живут банданцы (около 2500 чел.), потомки истребленного голландскими колонизаторами в XVII в. коренного населения о-вов Банда. Банданцы сохранили свой язык и не смешиваются с кейцами.

Сами о-ва Банда населены сейчас выходцами с различных островов Индонезии, преимущественно малайцами, бугами, яванцами, амбонцами. Преобладающей религией является ислам. Численность современного населения о-вов Банда — около 9 тыс. чел.

К югу от о-ва Банда расположены о-ва Барат-Дайя, населенные близкородственными между собой народами — бабарцами (около 19 тыс. чел.), кисарцами и летийцами (около 33 тыс. чел.), сейчас полностью обращенными в христианство кальвинистского толка. На о. Кисар население одной из деревень — Оирата говорит на языке, относящемся к тиморской языковой семье. Язык Оирата сближают с такими неавстро-

⁴ Лиамбата, видимо, следует отождествить с упоминаемыми О. Тауэрном бонфия, см. O. D. Tauern, Patasiwa and Patalima, Leipzig, 1918.

Карта 2. Религиозный состав народов Молуккских островов

1 — мусульмане, 2 — кальвинисты (Протестантская церковь Молукк), 3 — католики (Амбонский викариат), 4 — евангелисты (Евангелическая церковь Хальмахеры), 5 — приверженцы анимистических верований

незийскими языками, как бунак и макасаи⁵. Предполагается, что население этой деревни переселилось на Кисар с Тимора⁶.

Вторая неавстронезийская языковая семья — северохальмахерская — представлена на Малуку большим количеством носителей, чем тиморская. На северо-хальмахерских языках говорят различные народы, населяющие северную часть Молуккских островов. Это прежде всего тернатанцы, одна из крупнейших народностей Малуку, обитающая на о. Тернате и северо-западном берегу о. Хальмахера. Большинство тернатанцев понимают индонезийский язык, однако положение местного языка намного более прочно, чем положение амбонских диалектов. Тернатанский язык еще в средние века превратился в *lingua franca* для Северных Молукк, на нем на основе арабской графики⁷ была создана придворная литература. Численность тернатанцев около 70 тыс. чел. Небольшие группы тернатанцев живут также на Северном Сулавеси, на Западном Ириане и на Яве. Тернатанцы — мусульмане.

Восточную прибрежную часть северного п-ова Хальмахеры населяют два народа, так же как и тернатанцы, говорящие на северохальмахерских языках: в южной части этого района — тобело (около 20 тыс. чел.), в северной — галела (около 23 тыс. чел.). Последние населяют также о-в Моротай. Большинство тобело и галела — мусульмане, однако среди них есть и приверженцы евангелической церкви Хальмахеры. Горную часть северного п-ова Хальмахеры населяют малоизвестные племена, среди которых упомянем тобару и тогутил. Большинство этих племен обращено в ислам или христианство евангелистского толка, но местные верования еще не исчезли полностью. Тобару и тогутил говорят на северохальмахерских языках и не понимают индонезийский язык и его диалекты.

Последняя крупная северохальмахерская народность — тидорцы (27 тыс. чел.) — живет на о-вах Тидоре и Маре, а также рассеяны по прибрежным деревням восточных п-овов Хальмахеры. Язык тидорцев, полностью перешедших в ислам, очень близок к тернатанскому, но многовековое соперничество двух северохальмахерских султанатов. Тидоре и Тернате, явилось причиной расхождения между этими народами и языственного антагонизма между ними.

Южная часть Хальмахеры населена народами, говорящими на австронезийских языках — веда, були, петани, маба, саваи, гане, гебе (общая численность около 25 тыс. чел.). Все эти народы обращены в ислам, в XX в. среди них распространилось и христианство евангелистского толка. Кроме местных языков, эти народы понимают тидорский и тернатанский языки и в меньшей степени индонезийский. Родственный им народ — макианцы — населяет о-ва Макиан и Кайоа к западу от Хальмахеры (около 30 тыс. чел.). Они исповедуют ислам, понимают тернатанский и индонезийский языки.

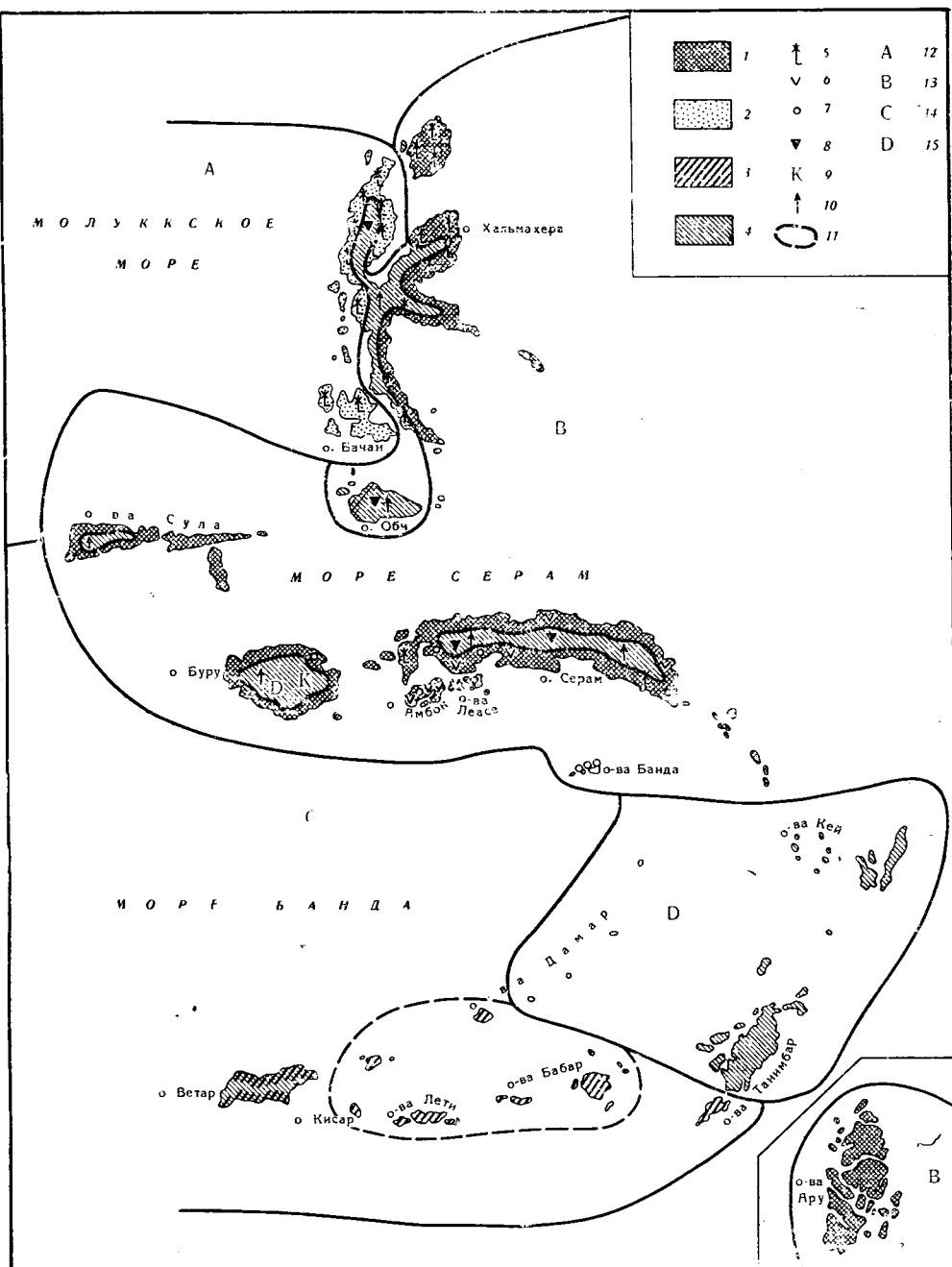
Сильно ассимилированное различными народами Индонезии население о-вов Бачан (22 тыс. чел.) и Оби (6 тыс. чел.) утратило собственные языки и говорит на диалектах индонезийского языка. В ходу также тернатанский язык. Бачанцы и оби — мусульмане.

Население архипелага Сула, как и всех больших островов в этом районе, неоднородно. Собственно сула (или, как их часто называют,

⁵ H. K. Cowan, *The Oirata language*, «Lingua», v. 14, Amsterdam, 1965, pp. 360—368.

⁶ J. P. B. de Josselin de Jong, *Oirata: a Timorese settlement on Kisar*, Amsterdam, 1937.

⁷ «Geschiedenis van Ternate in ternataanschen en maleischen tekst», «Bijdragen tot de taal- land- en volkenkunde van Nederlandsch-Indie», 4 Rks., 2 deel, 3 stuk, s'Gravenhage, 1878.

Карта 3. Культурно-хозяйственные регионы Молуккских островов

Основные продовольственные культуры: 1 — саго, 2 — рис, 3 — кукуруза, 4 — клубнеплоды и корнеплоды. Основные технические культуры: 5 — кокосовая пальма, 6 — гвоздика, 7 — мускатный орех, 8 — дамар, 9 — кайебут, 10 — ценные породы древесины. Животноводство: 11 — зона распространения буйолов, лошадей и овец. Культурно-хозяйственные регионы: 12 — «рис», 13 — «саго», 14 — «кукуруза», 15 — «клубнеплоды»

«оранг санана» (22 тыс. чел.) населяют о-в Сула-Санана и южную прибрежную часть острова Манголе. Сула — мусульмане; кроме собственного языка, понимают также тернатанский и индонезийский. Остров Талиабу и восточная часть о-ва Манголе населена небольшими народами, среди которых упомянем кадаи, себойо, манге (общая численность всей группы около 10 тыс. чел.). Они частично обращены в последнее время в ислам и христианство (кальвинизм), частично еще сохраняют анимистические верования.

Основой хозяйства подавляющего большинства народов Молуккских островов является земледелие. Исключение составляют некоторые племена, традиционно причисляемые в этнографической литературе к охотникам и собирателям. Это — манге на о-ве Талиабу, а также тогутил во внутренней части Северной Хальмахеры и, возможно, некоторые этнографические группы аруанцев.

Среди земледельческих народов довольно отчетливо выделяется несколько групп: первая из них характеризуется преобладающей культурой саго, вторая — кукурузы, третья — риса и, наконец, четвертая — корнеплодов и клубнеплодов (преимущественно батат, таро, маниок, ямс). Особняком стоят несколько народов, основу хозяйства которых составляет производство экспортных культур. Это амбонцы — производители гвоздики, банданцы (современные) — производители мускатного ореха, макианцы — производители копры. Товарный характер производства у этих народов способствует проникновению капиталистических элементов в общество.

Возделывание риса распространено лишь в некоторых областях Северных Молукк — в частности, на о-ве Бачан и в некоторых районах Хальмахеры — вокруг Тобело и Джаилоло. Рис выращивается только ладангским (суходольным) способом, и урожай не обеспечивает потребности населения. Северные Молукки, как и остальные части архипелага, вынуждены вводить рис с Явы и Сулавеси в количестве около 6—7 тыс. т ежегодно. В основном этот рис потребляется городским населением. Рисовое хозяйство на Северных Молукках, по всей вероятности, сравнительно позднее явление, не проникшее в глубь больших островов, где основным продуктом питания являются различные клубнеплоды и корнеплоды среди которых первое место по площади посевов и по размеру урожая занимает маниок (2166 га, 21600 т в 1959 г.). В рисопроизводящих районах Северных Молукк выращивается в небольшом количестве и кукуруза (2104 га, 1612 т в 1959 г.).

Область преимущественного использования саго в качестве продовольственной культуры намного шире рисопроизводящего района и охватывает большую часть населения архипелага. Это прежде всего область расселения амбонцев и все прибрежные районы Серама, о-ва Сула и архипелага Ару. В других местах, как например на Хальмахере, на Буру, саго также распространено, хотя по своему значению и уступает другим культурам. Следует отметить, что на самом о. Амбон, в результате ускоренного развития капиталистических отношений и втягивания населения острова в общепонезийские торговые отношения, значение саго стало падать, уступая место привозному рису. В особенности это относится к населению города. В то же время на расположенных рядом с-вах Харуку и Сапаруа, также населенных амбонцами, саго продолжает оставаться основным продуктом питания. Саговое хозяйство находится на грани земледелия и собирательства, так как саговое дерево (*Metroxylon Rumphii*) не требует искусственного выращивания и особого ухода. Каждая пальма дает от 3 до 5 ц сагового крахмала. Это приблизительно годовой рацион взрослого человека. На обработку одного ствола тра-

тится от 3 до 5 дней. Такой характер хозяйства высвобождает большое количество свободного времени, которое на Амбоне и окрестных островах употребляется на выращивание дополнительных продовольственных культур (маниока, батата, бананов и т. д.) и технических культур — гвоздики и мускатного ореха, а также на рыболовство.

В Западной части Южных Молукк на о-вах Бабар и Кисар преобладает кукуруза. Дополнительным средством питания в этом районе, так же как и во всех остальных частях архипелага, являются разнообразные клубнеплоды и корнеплоды.

Четыре области, на которые условно можно разделить Молуккские острова по преобладающим продовольственным культурам, представляют собой маргинальные районы следующих четырех крупных областей:

1. Область суходольного рисосеяния, распространенного во внутренней части Больших Зондских островов.

2. Область распространения саго, которая примыкает к первому району с востока и смыкается с ним именно на Молукках.

3. Область с преобладанием кукурузы, включающая Тимор и окружающие острова и тянущаяся на восток вплоть до о-вов Баратайя. Кроме преобладания кукурузы, этот район характеризуется также относительно развитым животноводством. Острова Кисар, Лети и Бабар — единственная часть Молукк, где население занимается коневодством и овцеводством и разводит буйволов. На остальных островах встречается только приусадебное разведение свиней, коз, домашней птицы и в небольшом количестве крупного рогатого скота.

4. Наконец, в четвертой сельскохозяйственной области на Молукках преобладают клубнеплоды. Такого типа хозяйство развито во внутренних районах всех больших островов — Серама, Буру, Хальмахеры, где не произрастает саговая пальма. Выращивание одних только клубнеплодов характерно для двух крупных архипелагов — Кей и Танимбар. Выращивание клубнеплодов повсеместно распространено на территории Индонезии и особенно характерно для отдаленных глубинных и горных районов. По мнению некоторых исследователей, клубнеплоды и корнеплоды (на ранней ступени преобладание таро и ямса, сейчас почти везде преобладание батата и маниока) представляют на территории Малайского архипелага наиболее древние продовольственные культуры, на которых базировалось земледелие доавстронезийского населения⁸.

Выделенные четыре района характерны и спецификой в области производства экспортных культур. Северные Молукки — район ладангового рисосеяния — один из наиболее крупных в Индонезии производителей копры. Этот район производит до 40 000 т копры в год и характеризуется высокой урожайностью (1250 кг/га).

Сагопроизводящие районы Центральных Молукк — Амбон, Леасе, побережье Серама поставляют на индонезийский рынок большую часть пряностей. Они занимают первое место в стране по производству мускатного ореха (2500 т в год, или 53% всего количества производимого в стране продукта) и уступают только Центральной Суматре в производстве гвоздики (1800 т в год, 32%).

Население Юго-Западных Молукк, т. е. область кукурузы, практически не выращивает экспортных культур, а внутренние горные районы, так же как и Юго-Восточные Молукки, поставляют ценные породы древесины и продукты леса — дамар, масло кайепут (*Melaleuca leucadendron*) и др.

⁸ J. A. ve, Kepulauan Indonesia sebagai salahsatu pusat penjebar unsur-unsur kebudayaan, «Kongres ilmu pengetahuan pertama 1958», Djakarta [s. a.].

Индустриализация Молукк практически еще не началась. В 1960 г. на всем архипелаге насчитывалось 165 мелких предприятий пищевой промышленности (хлебопекарни, мыловаренные фабрики, фабрики по производству лимонада и кокосового масла), 49 деревообрабатывающих мастерских и лесопилок, 20 ювелирных мастерских, 36 слесарных и ремонтных мастерских и 19 швейных ателье⁹. В 1961 г. на Амбоне было открыто самое крупное на Молукках государственное предприятие по производству рыбных консервов. Насколько нам известно, в настоящее время эта фабрика не работает.

Все эти предприятия сосредоточены в немногочисленных городах, в основном в Амбоне и в Тернате. Уже по одному этому развитие промышленности пока оказывает незначительное влияние на происходящие на архипелаге этнические процессы.

В системе межостровной торговли в Индонезии Молуккские острова занимают определенное, исторически сложившееся место. Основные продукты, ввозимые на острова, поступают в Амбонский порт из двух районов — Восточной Явы и Южного Сулавеси, т. е. из Сурабайи и Макассара. На эти два района падает 71% ввоза и вывоза провинции. Остальная доля распределяется между Западной Явой и Северным Сулавеси. Следует отметить, что небольшая торговля с Менадо (например, вывоз риса и сушеной рыбы, ввоз кокосового масла и цемента) ведется не через Амбон, а непосредственно из Терната, так что эта торговля целиком входит в компетенцию властей Северных Молукк — района, который имеет старые и прочные связи с Минахасой еще со времени вхождения Северного Сулавеси в Тернатанский султанат. Торговые связи по линии Амбон — Макаassar — Сурабая и далее в Джакарту и в другие страны Юго-Восточной Азии имеют еще более давнюю историю и существуют по крайней мере с того времени, когда началась великая трансконтинентальная торговля пряностями. Ни торговых, ни прямых транспортных связей Молуккских островов с Нуса Тенггара не существует, так же как с Калимантаном и Суматрой. Связи с Западным Ирианом долгое время были прерваны из-за того, что эта часть Индонезии находилась до 1962 г. под управлением Нидерландов. После присоединения Западного Ириана к Индонезии связи между двумя провинциями начали налаживаться. В значительной степени этому способствовало то, что большинство проживающих на Новой Гвинее индонезийцев — амбонцы. Однако серьезного значения в экономической жизни Молукк эти связи не имеют и, скорее всего, не будут иметь.

* * *

Специфика исторического развития отдельных частей Молуккских островов не прошла бесследно для современного национального и этнического развития. Еще до прихода европейцев на островах сложилось несколько центров, возникших на стыках больших культурных областей, которые были грубо очерчены выше. Два из них играли особенно важную роль в истории архипелага — два маленьких острова у западного побережья Хальмахеры: Тернате и Тидоре и небольшие острова у южного побережья Серама: Амбон, Сапаруа, Нусалаут и Банда. Политическое значение этих островов укрепилось в ходе торговли пряностями, в которой север выступал как поставщик гвоздики, а юг — мускатного ореха. В XIV в. оба эти центра вошли в зону влияния яванской империи Маджапахит и приобрели, особенно север, элементы западноиндонезийской культуры. Результатом этого явилось проникновение в XV в. ислама на

⁹ Buku petundjuk territorial, hal. 107.

Тернате и Тидоре и некоторые районы Амбона. К этому же времени относится создание крупных феодальных султанатов на Северных Молукках. Султанат Тернате объединил северный и южный п-ова Хальмахеры, о-ва Бачан и Сула, части Буру и Серама, Минахасу, Бангай и юго-восточный п-ов Сулавеси. Султанат Тидоре простирали свою власть в восточном направлении на северо-восточный и юго-восточный п-ов Хальмахеры, о-ва Мисоол, Вайгеу и Салавати и прибрежную полосу Западного Ириана. Конкурентная борьба между севером и югом привела к консервации специфических черт культуры населения Амбона и Леаса. Оружием в борьбе против Тернате для амбонцев оказалось христианство, вначале воспринятый от португальцев католицизм, а затем кальвинизм, распространенный голландцами. На протяжении 300 лет голландского господства в Индонезии амбонцы неизменно оказывались привилегированной частью населения. В значительной степени их руками были завоеваны для голландцев Сулавеси, Суматра, Бали. Европейские нравы все больше и больше проникали в их среду. Амбонцы составляли большую часть колониальной армии и колониального чиновничества. Протекционистская политика Голландии по отношению к амбонцам привела к ряду важных для нашей темы результатов: уже в прошлом веке христианское население Амбона было почти сплошь грамотным и сейчас население Центральных Молукк остается наиболее грамотной частью индонезийцев¹⁰. Голландская колониальная политика среди отсталых народов Центральных и Южных Молукк проводилась руками амбонских чиновников и амбонских миссионеров. Благодаря этому вестернизированная амбонская культура охватила такие районы, как горная и прибрежная часть Серама, Буру, Кей, Ару, Танимбар. Правда, до сих пор эта культура не пустила в этих районах очень глубоких корней, но в целом развитие на этих островах шло и продолжает идти под контролем амбонцев. Северные Молукки — территория бывших мусульманских султанатов — не подверглись влиянию амбонцев, что в значительной степени объясняется распространением ислама и старой конкуренцией, и сохранили традиционные культурные и даже политические и экономические связи с Западной Индонезией. Приведенные примеры демонстрируют этнообразующую роль социальной структуры, присущей отдельным народам.

В послевоенный период тенденции исторического и этнического развития этих районов нашли яркое выражение в политических событиях. В 1950 г. на Амбоне вспыхнул мятеж, руководители которого воспротивились присоединению «Южных Молукк» (т. е. Центральных и Южных) к Индонезии и провозгласили независимую Южно-Молуккскую республику, в которую фактически вошли Амбон, Леаса, Банда, Серам и Буру, а формально также и южные острова — Кей, Танимбар и Ару. Северные Молукки не только не поддерживали весьма популярное на Амбоне движение, но и резко выступили против него, солидаризируясь с центральным правительством¹¹. Когда же в 1958 г. на Суматре и на Минахасе вспыхнул антиправительственный мятеж, то население Тернате и Хальмахеры выступило в поддержку минахасских мятежников, а неояльное до того население Амбона и Серама оказало поддержку центральному правительству в подавлении мятежа на Северных Молукках.

Заслуживает рассмотрения также современное политико-административное деление Молукк, потому что, с одной стороны, оно сделано с учетом этнических и, особенно, исторических границ, а с другой сто-

¹⁰ «Statistical pocketbook of Indonesia», Djakarta, 1961, p. 22—24.

¹¹ Teu Lusulina, Ambon Selajang Pandang, Ambon, dj. 1, hal. 51—64.

роны, само влияет на ход национальных процессов в той же степени, как в других районах политические границы между странами. Молуккские острова входят в состав одной автономной провинции I ступени — Малуку. Она, в свою очередь, делится на три области II ступени («кабупатен»): Северные Молукки с центром в г. Тернате, Центральные Молукки с центром в г. Масохи¹², и Юго-Восточные Молукки с центром в г. Туал на о-ве Кей-кечил. Три эти области соответствуют трем сложившимся историческим областям: зоне бывших султанатов, зоне влияния амбонцев и зоне южных островов, поздно втянутых в жизнь архипелага.

Области II ступени, в свою очередь, делятся на районы и субрайоны («кеведанаан» и «кечаматан»). На Северных Молукках: 1) район Тернате, куда входят владения бывшего султаната Тернате на Южной Хальмахере и о-ва Макиан и Кайоа, 2) район Тидоре, куда входят бывшие владения султаната Тидоре на Хальмахере, 3) район Джаилоло — территория бывшего султаната на Западной Хальмахере, потом подпавшая под власть Тернате, 4) район Тобело, охватывающий восточную часть северного п-ова Хальмахеры и о-в Моротай, населенные тобело и галела, 5) район Бачан, в который входит территория бывшего султаната Бачан — вассала Тернате, 6) район Сула, выделенный по географическому принципу, но включенный в состав Северных Молукк как бывшая часть султаната Тернате.

В Центральных Молукках: 1) район острова Амбон, 2) район Леасе, включающий о-ва Харуку, Сапаруа и Нусалаут — культурный центр амбонского народа, 3) район Банда, населенный иммигрантами со всех концов Индонезии, 4) район Буру, населенный буруанцами, 5) район Пиру, охватывающий п-ов Хоамоал, коренное население которого было выселено в XVII в. голландцами; сейчас этот район заселен заново бутонцами, 6) район Западный Серам — область расселения вемале и алуне, издревле политически связанных в едином тайном мужском союзе какихан, 7) район Амахей — область расселения части серамцев и талути (последние выделены в особый субрайон), 8) район Вахаи — исторически сложившаяся область Центрального Серама, 9) район Восточный Серам, населенный гессерцами.

В Юго-Восточных Молукках: 1) район Кей-бесар — не охваченная исламом часть о-вов Кей, 2) район Кей — включает о-в Кей-кечил и Таянду — центр распространения ислама и католичества на Южных Молукках, в последнее время — культурный и экономический центр Юго-Восточных Молукк в целом, 3) район Ару, населенный аруанцами, 4) район Северный Танимбар — территория расселения ларатцев, 5) район Южный Танимбар — территория расселения ямденцев, 6) район Бабар, населенный бабарцами, 7) район Кисар, населенный кисарцами и летийцами (последние выделены в особый субрайон).

Северные Молукки уже несколько лет требуют от центрального правительства выделения их в отдельную автономную область I ступени. В 1967 г. этот вопрос был положительно решен Советом народных представителей провинции Малуку.

Важное значение для выяснения характера национального развития имеет проблема национального самосознания, трудно поддающегося учету. Отметим, что проводимая индонезийским правительством национальная политика, заключающаяся в постулировании единой индонезийской нации со всеми вытекающими отсюда последствиями, безусловно способствовала развитию у определенной части населения, прежде всего

¹² Масохи — новый город на Сераме, строительство которого началось в 1960 г.

у молодежи, общеиндонезийского национального самосознания. Тем не менее, на Молукках все еще гораздо сильнее ощущается сознание принадлежности в первую очередь к своей народности. Выяснение этого вопроса может облегчить анализ самоназваний. Амбонцы — наиболее националистически настроенная этническая общность; их самоназвание везде, вне зависимости от обстоятельств и места, звучит как «оранг амбон». Остальные народности Центральных и Южных Молукк на территории Молукк называют себя именем своей народности, т. е. «оранг буру», «оранг кей» и т. д., но за пределами провинции они называют себя «оранг амбон». Народы Северных Молукк у себя на родине называют себя именем своей народности, т. е. «оранг тобело», «оранг санана» и т. д. Находясь в другой части Молукк или за пределами архипелага, они называют себя «оранг тернате» или «оранг утара» (т. е. северный человек). Представители мелких народов, кроме этого, часто называют себя по имени центра административного района, откуда они происходят: «оранг пиру» или «оранг добо». Из этого можно сделать вывод, что мелкие народы, как правило, не обладают резко выраженным национальным самосознанием: среди них существует тенденция выдавать себя за представителя более крупной народности или же идентифицировать свою этническую принадлежность с фактом проживания на определенной административной территории. Исключение составляют некоторые народы, у которых сознание принадлежности к определенному этносу исторически обусловлено. Это такие народы как вемале, алуне, кейцы, тобело, галела.

В заключение суммируем некоторые выводы относительно характера современного этнического развития на Молуккских островах. Географическое положение архипелага обусловило его этническую специфику, как области, лежащей на стыке различных культурных ареалов. В результате еще в древности сложились четыре основных культурных региона, в рамках которых шло и идет до сих пор этническое развитие. Эти регионы можно условно обозначить как области риса, саго, кукурузы и клубнеплодов. Первые три имеют четко очерченный ареал, а четвертый распространен повсеместно в горных районах, только на о-вах Кей и Танимбар он распространился и на береговую полосу. Первые три региона в очень приблизительных границах легли в основу современного административного деления, которое оказывает непосредственное влияние на процесс консолидации мелких этнических общностей. В ходе исторического развития на базе уже существовавших регионов выделились две более крупные политические, экономические и культурные единицы — Северные и Южные Молукки, которые никогда не испытывали тенденции к двустороннему сближению, кроме как в составе единого государства Индонезии. Сохранившиеся до сих пор регионы кукурузы и клубнеплодов вошли в качестве подтипов в указанные две области, сохранив, несмотря на это, свою этническую специфику. Современные этнические общности формировались в границах, определяемых существованием двух названных типов регионов, а также политическими и естественными рубежами. В XX в. значительно выросла роль городов-центров, прежде всего за счет более интенсивного вовлечения населения Молукк в общеиндонезийский рынок и проникновения капиталистических элементов. Это вызвало тенденцию к консолидации мелких народов вокруг этнической общности, живущей в районе ближайшего города или административного центра. Специфика исторически сложившихся областей усилилась за счет проникновения новых религий. Выделяя лишь наиболее характерные черты, можно сказать, что Северные Молукки — район риса и ислама, Центральные Молукки — район протестанства и саго, Юго-Восточные Молукки — район

кукурузы, клубнеплодов и католичества. Горные народы больших островов — вемале, алуне, тобару, манусела, сети, нусавеле, лиамбата и др. по преимуществу заняты выращиванием клубнеплодов и в большей степени, чем остальные народы, сохраняют пережитки анимистических верований. Центром консолидации для народов Северных Молукк являются тернатанцы, для народов Центральных и Юго-Восточных Молукк — амбонцы.

Следует отметить, что в некоторых районах ассимиляция мелких народов идет чрезвычайно быстрыми темпами. Так, серамцы утрачивают черты своего национального своеобразия и сливаются с амбонцами. Население западного берега северного п-ова Хальмахеры практически слилось с тернатанцами; тобару и мелкие народы внутренней части Хальмахеры находятся в процессе ассимиляции тобело. Быстрыми темпами идет сближение между ларатцами и ямденцами.

Местные языки, как правило, не играют значительной роли в этническом развитии, большинство их бесписьменно. Кроме того, их развитие намеренно тормозится политической центральной властью. Так, амбонцы практически все говорят на языке мелайю-амбон, хотя среди них сохраняются группы, говорящие на различных местных диалектах. Амбонский диалект индонезийского языка превращается в язык общения большинства народов Центральных и Южных Молукк. На Северных Молукках подобную роль играет тернатанский диалект индонезийского языка и тернатанский язык.

Изложенные выше тенденции национального развития на Молуккских островах почти не затрагивают пришлого населения, которое представлено китайцами (около 10 тыс. чел.), арабами (около 500 чел.), европейцами (около 350 чел.), а также представителями других народов Индонезии, среди которых первое место по численности занимают бутонцы (около 15 тыс. чел.). Все эти группы продолжают сохранять свою национальную специфику и не ассимилируются местным населением.

SUMMARY

The Molucca Islands in Eastern Indonesia are characterized by an extremely variegated ethnic composition. As an intermediate region between Asia and Oceania they have an undoubted interest for ethnographers. Four cultural-economic subregions may be distinguished within the region; these may be tentatively designated according to the dominant food crops: rice in the North Moluccas; sago in the Central Moluccas and Aroe Islands; maize in the South-Western islands; root-crops and tuberiferous plants in the South-Eastern islands and in the inner regions of the larger islands. These are marginal subregions of the great cultural-economic regions into which the Malayan Archipelago and New Guinea are divided. This historical division still remains the most important factor influencing modern ethnic processes in the Moluccas Archipelago. The first three regions have become the basis of the modern administrative divisions which is a factor in ethnic development. In the course of historical evolution two major political, economic and cultural territories have emerged on the basis of the existing regions,—the North and the South Moluccas. These show no tendency to mutual drawing together otherwise than in their common membership of the state of Indonesia.

The article deals with the modern ethnic composition, problems of ethnic and national consciousness of the various Molucca peoples, contemporary Molucca economy.

Канти Пакраси

**О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ,
ВЛИЯЮЩИХ НА СОМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
БЕНГАЛЬСКИХ БРАХМАНОВ**

I

Одна из многих ярких черт кастовой системы в Индии проявляется в существующих брачных нормах. Она выражается в строгом подборе брачующихся внутри одной касты и запрете вступать в брак с определенными родственниками из той же касты. Социальные ограничения, основанные на этом принципе, продолжают соблюдаться, вероятно, потому, что никакая каста не смогла бы сохранить свои индивидуальность и единство, если бы были разрешены браки вне ее. Эндогамия, таким образом, стала средством, регулирующим сохранение биологических (физических) и общественных различий между социальными группами индийского общества.

Не говоря уже о соблюдении действовавших в стране предписаний обычного права, эндогамные группы имели и свои собственные причины запрещать всем совершеннолетним вступать в брак вопреки традиционной юрисдикции той или иной группы и за ее пределами. За небольшими исключениями, вытекающими из практики гипергамии¹, основное правило эндогамии продолжает действовать как решающий фактор в определении характера и степени распространения брачных союзов в рамках группы². Однако в пределах брахманской системы индийского общества брачные союзы не могут быть эффективными без точного определения социального ареала выбора партнеров в браке. И внутрикастовые отношения, как таковые, играют важную роль в выделении этого «социального ареала», внутри которого должны заключаться браки в соответствии с общественными нормами и без нарушения действующих законов родства. Надо сказать, что социальные запреты внегрупповых браков широко поощряются как наиболее эффективное и надежное средство сохранения как общественной, так и физической «наследственности» в данной эндогамной общности³.

Вследствие действия закона эндогамии в кастах (или подкастах) со всеми их ответвлениями достигается большая степень однородности физического типа. То, что в Индии касты предопределяют генетическую непрерывность и (или) изменяют ее, уже подчеркивалось многими⁴. Более того, недавние эмпирические исследования позволили сделать инте-

¹ R. N. Russell, *The tribes and castes of the Central province of India*, vol. II, London, 1916.

Гипергамия — право выхода замуж девушек средних и высоких каст за мужчин из более высоких каст. — *Прим. ред.*

² G. S. Ghurye, *Caste, class and occupation*, Bombay, 1961.

³ O. C. Cox, *Caste, class and race*, New York, 1959.

⁴ A. E. Mourant, *The distribution of human blood groups*, Oxford, 1953; V. Bhalal, *The caste as evolutionary force directing genetic change*, «*Journal of Social Research*», vol. 6, № 1—2, 1963, pp. 99—102.

ресный вывод, что касты, которым удалось полностью сохранить свой эндогамный механизм, генетически относительно стабильны⁵. В связи с этим следует помнить, что индийская система подбора супругов фактически основана на готрах⁶, которые образуются несколькими экзогамными семейными объединениями. Исключительные случаи смешанных браков должны, конечно, рассматриваться на совершенно другой основе.

При первоначальном исследовании расовых элементов в Бенгале (еще до его раздела) в качестве объектов для наблюдения были выбраны различные социальные группы людей, проживающих в особых географических районах (дистриктах)⁷. Каждая группа состояла из индивидуумов, принадлежащих к одной и той же касте, религии или племени. Выбор разных каст, представляющих четко выраженные в системе индуизма социальные группы, был сделан, возможно, на основании предположения о гомогенности физического развития потомственных членов этих каст, издавна относящихся к данной исследуемой касте. Однако в конечном итоге были выявлены «региональные различия внутри социальной группы, т. е. между индивидуумами, относящимися к одной кастовой, племенной или религиозной категории, но живущими в разных районах» Бенгала. Эти различия указывали на истинное положение и отношения внутри каждой исследуемой группы и между ними. Далее было установлено, что «термины вроде „брахманы Бенгала” следует употреблять с некоторой осторожностью; когда исследователь обмеряет представителей касты брахманов, надо точно определить место, из которого каждый из них происходит»⁸.

При таких обстоятельствах становится очевидной необходимость систематического изучения социального генезиса эндогамных групп для понимания уровней генетического развития, которые порождены непрерывным влиянием эндогамных брачных связей внутри известного брачного «социального ареала». Имея в виду эту необходимость, автор в данной статье предпринял попытку исследовать занимающую самое высокое положение эндогамную группу индийского общества — брахманов, которые по традиции все еще стоят во главе кастовой иерархии в Индии.

II

Институт варн играл важную роль в четырехчленном делении общества, возглавляемого брахманами, уже в эпоху Ригведы (XX—XIV вв. до н. э.)⁹. Более того, известно, что институт варн со всеми своими привилегиями в период Ригведы был таким, каким его описывали в более поздних священных законописаниях «Дхармашастр» и в «Пуранах». Отсюда и вытекает то традиционное мнение, что только благодаря строгой стратификации общественной жизни древнего общества на основе варн постепенно сложилась кастовая система, хотя эта система не приняла тогда таких развитых и четких форм, как в более позднее время. Этот

⁵ L. D. Sanghvi and V. R. Khanolkar, Data relating to seven genetical characters in six endogamous groups in Bombay, «Annals of Eugenics», vol. 15, London, 1949, pp. 52—64; G. N. Vyas, H. M. Bhatia, D. O. Banker, N. M. Purandare, Study of blood groups and other genetical characters in six Gujrati endogamous groups in Western India, «Annals of Human Genetics», vol. 22, London, 1958, pp. 185—199.

⁶ Готра — экзогамная группа внутри касты, возводящая себя к одному предку и носящая обычно одно родовое имя. — *Прим. ред.*

⁷ D. N. Majumdar and C. R. Rao, Race elements in Bengal, Calcutta, 1960.

⁸ П. Махаланобис, «Foreword» in: D. N. Majumdar and C. R. Rao, Race elements in Bengal.

⁹ Советская историческая наука датирует Ригведу более широко, относя ее поздние гимны к первой половине I тысячелетия до н. э. — *Прим. ред.*

очень важный исторический вопрос был прекрасно освещен во многих научных исследованиях. Из них становится ясным, что объяснения авторами ведических гимнов и книг «Брахман» некоторых привилегий, а также многих прав у определенных варн, «настолько глубоко соответствуют действительности, что это заставляет нас признать, что варны, о которых в них говорится, представляли реальное деление общества, если не всего, то по крайней мере большей его части»¹⁰.

Далее следует отметить, что в Индии времен Ригведы: а) деятельность брахманов — членов класса священнослужителей — стала уже профессией; б) священный сан, передаваемый по наследству, требовал большого опыта и знания всевозможных сложных религиозных обрядов и церемоний; в) профессиональные брахманы стали претендовать на признание своего превосходства и святости; г) брахманы как обособленная группа еще не полностью отделились от всех других групп непреодолимыми религиозными и (или) социальными барьерами, а скорее всего, слой священников еще только начал распространять свое целенаправленное влияние, чтобы добиться исключительности и выделиться за счет других социальных групп населения¹¹.

Рассмотрение общественной истории древнего населения под другим углом зрения показывает, что ведический период не знал эндогамных кастовых ограничений и даже ведические арии разрешали кросс-кузенные браки и не так строго соблюдали экзогамные запреты, основанные на «готрах». Указывалось на то, что брахманы в Индии заимствовали принцип экзогамии, подражая тем строгим предписаниям, которые были приняты у дравидов и других племен, населявших Индию еще до них, и практиковались для поддержания экзогамных брачных отношений. Интересно, что в вопросе выбора невест брахманы сделали еще один шаг, чтобы утвердить нерушимость своего единства и ортодоксальное превосходство над автохтонными жителями и ранними иммигрантами, возведя свое происхождение прямо к некоторым ведическим мудрецам. Со временем группой духовных вождей ведической эпохи были намечены два основных направления в формировании экзогамных брачных правил: 1) брахманы провозгласили клановую экзогамию, т. е. экзогамию в пределах готр, основанных на предписаниях «правара», которые символизировали духовное родство, возводимое к одному из ведических мудрецов. Более того, правило, являющееся вначале лишь рекомендацией, постепенно становится незыблемым, и его нарушение уже считается серьезным и греховным проступком; 2) в то же время брахманы, строго придерживающиеся закона клановой экзогамии, начинают допускать некоторые отклонения от прописных экзогамных правил, первоначально основывающихся на широко известных реально родственных отношениях «сапинда»¹².

Чтобы объяснить происхождение и живучесть экзогамных ограничений внутри эндогамных социальных групп, выдвигалось несколько концепций. Особого внимания заслуживает мнение, что «запреты возникли по двум причинам, а именно: во-первых потому, что при браке между близкими родственниками их дефекты будут передаваться потомству в еще более обостренной форме, и, во-вторых, из-за боязни тайных любовных связей и потери нравственности, что могло бы привести к такому положению, когда будет трудно сохранить мужей для девушек, живу-

¹⁰ P. V. Kane, History of Dharma Sastra, vol. II, pt. 1, Poona, 1941.

¹¹ N. K. Dutt, Origin and growth of caste in India, vol. 1, London, 1931.

¹² K. M. Kapadia, Hindu kinship: an important chapter in Hindu social history. Bombay, 1947.

щих под одной крышей с несколькими близкими или дальними кузенами»¹³.

Несмотря на общую тенденцию к ограничению свободных браков, большой интерес представляет тот факт, что с начала периода брахманизма (1400—800 гг. до н. э.) вступили в действие специальные правила и постановления, касающиеся общественных отношений между людьми, принадлежащими к разным кастам, и служащие руководством в области обычаев, норм поведения, этикета и т. д.¹⁴. Эти социальные акты послужили толчком к тому, что претензии и привилегии класса священнослужителей разрослись до небывалых размеров. Закрепление за брахманами положения самых высокопоставленных членов общества в этот период привело к более резкому разграничению между группами (кастами) и увеличению разрыва между брахманами и не священнослужителями.

В период Сутр (800—300 гг. до н. э.) стали строго определяться профессиональные функции различных социальных (кастовых) групп на основании ряда узаконенных направлений их деятельности. Обычно не допускалось уже никакой перемены профессии, и постепенно высшее положение брахманов как сословия священнослужителей стало значительно отличаться от положения других социальных групп древнего населения страны. В результате великий законодатель Ману имел все основания сделать далеко идущее официальное заявление, что «из многих занятий самым похвальным для брахманов является обучение ведам». В этот период индо-арийцы использовали различные социальные меры, чтобы предотвратить беспорядочное смешение брахманов с кастами других профессий и постепенное сглаживание профессиональных различий между кастами¹⁵. Из этого нетрудно сделать вывод, что брахманы находились в самом выгодном положении для достижения тесной сплоченности и обособленности своей группы, основанной на принципе равнозначности профессии, чистоты крови, достигаемой эндогамными брачными связями, и ритуальной чистоты.

С другой стороны, изучение ранней буддийской литературы («Дхаммапады» и некоторых джатак) подтверждает, что брахманы в 500—300 гг. до н. э. все еще являлись привилегированным сословием, основанным исключительно на принципе наследственности. Можно сослаться и на характеристику социальной системы Индии, данную греческим путешественником Мегасфеном (III в. до н. э.), который утверждал, что там существовало семь каст во главе с брахманами. Эти социально-исторические факты, кратко изложенные выше, дают представление об изменяющейся структуре группы потомственных священнослужителей — брахманов, начиная с времен Ригведы.

III

С другой стороны, несомненно и то, что арии, в среде которых зародилась и расцвела ведическая цивилизация, населяли очень небольшую часть Северной Индии. Им приходилось поддерживать отношения с теми, кто проживал за пределами и вокруг их территории. Ученые уже указывали на то, до какой степени обострились в древней общественно-культурной жизни традиционные различия между ведическими арями

¹³ Р. V. Kane, Указ. раб.

¹⁴ Так называемый период брахманизма охватывает, по-видимому, все I тысячелетие до н. э. и даже, по мнению некоторых ученых, доходит до эпохи Гупта, т. е. до III—IV вв. н. э. — *Прим. ред.*

¹⁵ N. K. Dutt, Указ. раб.

(внутренняя ведическая группа) и народами неарийских районов (внешняя группа), не придерживавшимися ведического культа (так называемыми вратья). Подчеркивалось, что четырехчленное деление общества не было свойственно странам, лежащим за пределами территории распространения ведических арьев, что оно было импортировано туда из области расселения арьев, причем в несовершенной форме. «Едва ли это имело бы место, если бы две группы индо-арьев — внутренняя группа хиндустани и внешняя группа — происходили от одного и того же корня, т. е. если бы внешнюю группу образовали главным образом переселенцы из ведической области»¹⁶. Опираясь на тот же достоверный источник, можно утверждать, что индо-арьи внешней группы произошли не из той этнической среды, из какой развились ведические арьи.

Далее ученые утверждают, что все индийские брахманы выводили свое происхождение от восьми основных предков-прародителей (риши) брахманских готр¹⁷, но физически брахманы внешних стран (Гуджарата, Махараштры, Ориссы и Бенгала) обнаруживают большую близость к своим небрахманским соседям, чем к брахманам внутренних областей, простирающихся с севера на юг от Гималаев до гор Виндхья, а с запада на восток от Сирхинда (Восточный Панджаб) — до слияния Ганга и Джамны. К тому же жители внешних стран (Бихара, Анги, Магадхи) интенсивно смешивались с потомками ведических арьев, переселившихся из внутренней священной зоны. В качестве результата такого смешения было замечено, что «брахманы майтхили из Бихара, очевидно, представляют собой потомков иммигрантов из района Сарасвати, которые брахманизировали Видеху в ведический период, а брахманы-канауджия и раджупуты из Бихара произошли от более поздних иммигрантов»¹⁸. Брахманы же из подкасты бабхана и бхуинхара в Бихаре в основном считаются потомками древнейших брахманов Видехи, которые позже, в III в. до н. э., были лишены своих священных прав иммигрантами-брахманами из внутренних областей. Огромный интерес представляет тот факт, что брахманы других внешних районов — Бенгала, Орисса, Декана и Гуджарата — по происхождению бабханы¹⁹.

Относительно происхождения брахманов внешних районов, особенно Бенгала, имеется альтернативное предположение, основанное на данных генеалогий «Кула панджика» у брахманов радхия, варендра и пашчатъя-вайдика в Бенгале. Эти брахманы претендовали на то, чтобы их считали чистокровными потомками иммигрантов из внутренних областей (Мадхьядеша). Отдаленная связь брахманов Бенгала с брахманами Мадхьядеша подтверждается тем, что все брахманы радхия и варендра считают себя принадлежащими к пяти готрам, ведущим свое начало от пяти предков риши²⁰. В связи с этим особое внимание привлекает нижеследующее наблюдение, которое позволяет лучше понять социальное положение в древнем Бенгале. «Хотя брахманы-иммигранты привозили с собой жен, предание гласит, что они женились вторично на женщинах Бенгала и что их дети от второго брака были предками брахманов-

¹⁶ R. P. Chanda, *The Indo-Aryan races*, Rajshahi, 1916.

¹⁷ Этими предками (риши) являются: Вишвамитра, Джамадагни, Бхарадваджа, Гоутама, Атри, Васиштва, Кашьяпа и Агастья.

¹⁸ R. P. Chanda, *Указ. раб.*

¹⁹ Там же.

²⁰ Этими предками являются: Бхатта Нараяна из готры Сандилья, Дакша из готры Кашьяпа, Шрихарша из готры Бхарадваджа, Ведигарва из готры Ватса и Чандра из готры Саварна. Утверждают, что они пришли со своими женами, своим священным огнем и другими предметами культа и сконцентрировались в пяти густонаселенных деревнях древнего Бенгала.

варендра. Варендра, с другой стороны, требуют, чтобы их считали потомством от настоящих хиндустанских жен, и заявляют, что брахманы радхия сами произошли от неравных браков, заключенных в Бенгале»²¹.

IV

Ведическая литература ясно показывает, что коренное население древнего Бенгала отличалось от ведических арьев как по этническому составу, так и в культурном отношении. Установлено, что во времена поздних ведических сборников и «Брахман» составители сакальных ведических писаний постепенно входят в контакт с отдельными провинциями и окружающими районами. Известно, что «даже в поздней брахманской литературе аборигенные племена Бенгала описываются мудрецами как дасью²² и грешники. В «Махабхарате» Бенгальское побережье населено народами млечча, а «Бхагавата Пурана» (II.4.18) рассматривает сухма как племя грешников наряду с народами кирата, хуна, андра, пулинда, пуккаса, явана и кхаси»²³.

Есть факты, показывающие, что в период великих эпических поэм и законов Ману народы древнего Бенгала впервые начали воспринимать социальные и религиозные концепции и идеалы иммигрировавших арьев, которые, ловко и решительно воздействуя на коренных жителей, стремились превратить их в полезный компонент арийского общества²⁴. Широкое втягивание в ассимиляционные процессы коренных племен Бенгала, таких как ванга, сухма, сараба, пулинда, кирата и пундра, подтверждается причислением их к кшатриям, о чем неоднократно упоминается во многих памятниках древней ведической литературы.

Ниже следующий отрывок приводится для того, чтобы осветить существовавшие тогда социальные условия, при которых брахманы как эндогамная группа смогли выделиться в качестве самостоятельной общности и оказывать влияние на межкастовые отношения. «У нас нет оснований сомневаться в том, что некоторые классы бенгальского народа были возведены в ранг брахманов и... что имели место браки между брахманами-иммигрантами и местным населением. Большинство этих людей в конечном счете было отнесено к шудрам. Интересно заметить, что согласно законам Ману (X, 44), народы паундрака и кирата, первоначально являвшиеся кшатриями, были понижены до ранга шудр за то, что они не поддерживали контактов с брахманами и отказались от их обрядов и обычаев. Возможно, то же самое произошло и с другими племенами. Например, племя кайварта в «Законах Ману» относится к смешанной касте, но в «Вишну Пуране» — к небрахманам. Все это доказывает, что в раннем арьянизированном обществе Бенгала кастовые деления находились еще в стадии формирования и, более того, восприятие арийских нравов и обычаев коренными жителями Бенгала было длительным процессом. Должно быть, потребовалось много лет, может быть столетий, прежде чем арийские иммигранты из внутренних областей и народы Бенгала слились воедино в жестких рамках арийского общества»²⁵.

Первые века нашей эры были свидетелями неуклонного распространения высшего класса арьев от Арьяварты до Бенгала. В частности, с начала IV в. н. э. могущественная держава Гупта действовала так, что

²¹ Н. Н. Risley, The tribes and castes of Bengal, vol. 1, Calcutta, 1891.

²² Дасью (дасья, даса) — термин, которым обозначались в ведической литературе народы неарийского происхождения. Их же называли и словом «млечча». — Прим. ред.

²³ R. C. Majumdar (ed.), The history of Bengal, vol. I, Dacca, 1943.

²⁴ Н. Н. Risley, Указ. раб.

²⁵ R. C. Majumdar (ed.), Указ. раб.

приток иммигрантов — сторонников брахманской и других религиозных сект — увеличился до значительных размеров, и императорское попечительство²⁶ начало играть огромную роль, особенно распространяясь на ортодоксальных последователей брахманских обрядов и обычаев (320—650 гг. н. э.). С середины VIII в., в период правления династии Пала, ведическая культура и ее носители завоевали более прочное и значительное положение в Бенгале. В XI и XII вв. эта культура процветала при активном покровительстве династий Вармана и Сена. Некоторые надписи, найденные в этом районе, свидетельствуют о существовании сотни деревень, населенных брахманами из готры саварна, сведущими в ведическом учении; о миграции брахманов из Уттар Радха в районе Пунравардхана (Северный Бенгал), а также об иммиграции брахманов в Бенгал из Мадьяпрадеша наряду с эмиграцией бенгальских брахманов в другие провинции.

Эти исторические факты характеризуют социальную обстановку, в которой происходил процесс культурной консолидации и рост численности поборников ведической культуры под непосредственным покровительством императоров Гупта. Указанное покровительство способствовало еще большему усилению притока ортодоксальных последователей этой культуры за пределы внутренних областей в различные районы, включая и Бенгал. Брахманы в своих интенсивных передвижениях по Бенгалу пользовались всесторонней поддержкой властителей с середины VII до XII в. Становится ясным, что к тому времени, когда в Бенгале привилась культура арьев, многочисленные касты и подкасты быстро развивались, с одной стороны, благодаря взаимодействию различных искусств, ремесел и профессий, с другой стороны — под влиянием множества племенных, этнических и религиозных факторов, действующих в обществе этого периода.

Историки придерживаются того мнения, что многочисленные касты, упоминаемые в древних литературных источниках, действительно существовали в обществе, а различные перечни (списки) каст, встречающиеся в разных книгах, отражают действительное положение дел в разных местностях и в разные периоды времени. Что же касается общественных условий в Бенгале в XIII и XIV вв., то ученые, опираясь на «Брихадхарма Пурану», доказали, что все небрахманы в тот период были разделены на 36 каст. Даже сегодня условно принятое число каст в Бенгале соответствует этому количеству²⁷.

V

Невозможно точно установить, насколько интенсивны были взаимосвязи между различными кастами древнего Бенгала. Но можно сказать почти наверняка, что в тот далекий период еще не существовало той жесткой системы, которая господствовала в XIX в. Хотя в соответствии с обычным правом доминировали браки между лицами, принадлежащими к одной и той же касте (эндогамия), все же брачный союз между мужчиной из более высокой касты и женщиной из более низкой касты еще долгое время признавался действительным. Фактически социальные

²⁶ Как видно из некоторых эпиграфических записей (дарственных актов на медных пластинках) периода Гупты, множество брахманов в то время поселилось в различных районах тогдашнего Бенгала, включая Триппуру и Силхет, причем в проповедях некоторых из них обнаруживалась явная связь со школами Ригведы, Яджурведы и Самаведы, а сами они относились к готрам Бхарадваджа, Капва, Бхаргава, Кашьяпа, Агастья, Ватся и Каундинья.

²⁷ R. C. Majumdar (ed.), Указ. раб.

ограничения на браки и совместное принятие пищи затрагивали прежде всего отношения между брахманами и представителями более низких каст. «В конечном итоге браки стали заключаться только внутри узкого круга одной из многочисленных подкаст, ответвлений или кланов, на которые подразделялась каждая каста. Подобным же образом ограничивалась и запрещалась совместная еда с представителями каст или подкаст, занимающих более низкое общественное положение. Но эта стадия отнюдь не была достигнута к концу XII в. н. э.»²⁸.

Учитывая социально-исторические условия, описанные выше, можно предполагать, что только к VI—VII вв. н. э. брахманы, принадлежащие к различным готрам, правам и филиалам ведической школы, начали интенсивно и большими группами расселяться по всему Бенгалу²⁹.

С течением времени они расселились на всей территории провинции и начали укреплять свои позиции как в районах, куда они предпочли поселиться, так и в местах, откуда они пришли в Бенгал. Групповая солидарность и сознание общности происхождения сыграли, несомненно, решающую роль во все более и более тесном сплочении членов различных брахманских общин в ряде районов Бенгала.

В результате различные группы брахманов собственно Бенгала дали начало следующим отчетливым объединениям (подкастам): 1) пашчатъя вайдика (ведические брахманы Западной Индии), 2) радхия (брахманы Западного Бенгала), 3) варендра (брахманы района Варендра в Северном Бенгале), 4) дакшинатъя вайдика (ведические брахманы Южной Индии), 5) мадхьясрени (брахманы района Миднапора, который является границей между Ориссой и собственно Бенгалом), 6) саптасати («семь сотен», которые являлись единственными брахманами в Бенгале до его колонизации брахманами-иммигрантами). Объясняя исключительное положение, занимаемое брахманами последней группы, указывают на то, что их можно найти на крайнем востоке Восточного Бенгала, особенно на востоке района Надия; они обычно вступают в брак с представителями группы радхия и практически их можно рассматривать как часть этой подкасты³⁰.

Проследивая интересующие нас социальные сдвиги, необходимо еще упомянуть о «Куладжи» («Кула састра» — генеалогические своды), в которых рассматривается история развития брахманов и других основных каст именно в Бенгале. Согласно широко распространенному мнению, «Куладжи» содержат полезные сведения о социальных условиях в Бенгале второй половины XV в. Несмотря на большие расхождения в разных текстах «Куладжи», все они сходятся в одном, а именно, что брахманы радхия и варендра ведут свое происхождение от пяти брахманов, привезенных правителем Адисурой. По уверению радхия, потомки этих пяти иммигрировавших брахманов вначале поселились вместе, но потом расселились по разным частям Бенгала либо по причине внутренних распрей, либо по приказу раджи. С течением времени под эгидой правителя Валлал Сена иммигрировавшие в Бенгал брахманы были разделены на четкие территориальные группы: брахманы Радхи (Западный Бенгал) и брахманы из Варендры (Северный Бенгал). С другой стороны, по версии брахманов варендра, брахманы саптасати (района Радхи) с самого начала отдали своих дочерей замуж за этих пятерых брахманов, осевших в Гауде с согласия правителя. После смерти каждого из

²⁸ R. C. Majumdar (ed.), Указ. раб.

²⁹ Большое количество надписей, относящихся к VIII—XII вв. н. э., помогает выяснить, что брахманы Бенгала были родом из таких далеких земель как Гуджарат, Махьядеша, Уттар Прадеш.

³⁰ I. N. Bhattacharjya, Hindu castes and sects, Calcutta, 1896.

пяти брахманов их сыновья (от первого брака), которые еще проживали в Канаудже, совершали поминальные обряды (шраддха) в обстановке бойкота со стороны других брахманов. Чувствуя себя униженными, они решили не жить больше рядом со своими сводными братьями в Радхе и полностью от них обособились, переселившись в новый район — в Варендру. Здесь они стали считать себя брахманами варендра и отделяли себя от брахманов Радхи во всех наиболее важных общественных делах, в частности в вопросах брака ³¹.

VI

Приведенные выше социально-исторические данные достоверно характеризуют общественные условия, при которых высшая каста брахманов очутилась в непосредственном соседстве с коренным небрахманским населением древнего Бенгала. Однако возникает вопрос, в какой мере на однородность физического развития людей, признаваемых брахманами и почитаемых как таковые, влияли миграции, эндогамные ограничения и внутрикастовое общение. Насколько брахманы как узкородственная группа сумели сохранить свою «генетическую стабильность», строго придерживаясь предписанных ритуальных брачных законов? Несмотря на все ограничительные меры для удержания от брачных отношений с представителями других групп, настаивают ли брахманы современного Бенгала на том, что их физические особенности отличаются от физических особенностей членов других каст? Чтобы ответить на эти вопросы, специалисты стремились использовать все возможности для проведения эмпирических исследований ³².

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что самые ранние жители Бенгала, а именно пулинда, хади, дом, чанда, кол, савара и другие, обозначенные как млечха, являлись вероятнее всего, потомками неарийского населения времен Ригведы. Со временем это коренное население испытало на себе влияние непрерывных волн миграций северо-западных народов, имеющих отличное от них физическое строение и более высокую культуру. Недавние антропометрические исследования населения Бенгала сыграли большую роль в объяснении физического сходства между некоторыми социальными группами (кастами и подкастами), включая брахманов ³³. В этой связи особо остановимся на самом первом антропостатистическом исследовании, в котором превосходно анализируется расовое смешение в Бенгале на основании изучения 30 современных типично эндогамных групп Северной Индии, в том числе брахманов, каястха, садгопа, кайварта, раджбанси, под и багди Бенгала ³⁴.

Не вдаваясь в подробности этого исследования, проведенного профессором Махаланобисом, каждый антропометрист должен глубоко учесть следующие важные выводы, чтобы получить более полное представление о «расовой проблеме» в этой провинции:

³¹ R. C. Majumdar (ed.). Указ. раб.

³² H. H. Risley, Указ. раб.; B. S. Guha, The racial affinities of the peoples of India, «Census of India», vol. I — India, pt. III-B, Ethnographic notes by various hands, 1935; P. C. Mahalanobis, A. Revision of Risley's anthropometric data relating to the tribes and castes of Bengal. «Sankhya», vol. 1, Calcutta, 1933; P. C. Mahalanobis, D. N. Majumdar, C. R. Rao, Anthropometric survey of the United provinces, 1941. A statistical study, «Sankhya», vol. 9, Calcutta, 1949; D. N. Majumdar, Race realities in cultural Gujarat, Bombay, 1950; I. Karve. Anthropometric measurements in Karnatak and Orissa and a comparison of these two regions with Maharashtra, «The Journal of the Anthropological Society», vol. 8, № 1, 1954; D. N. Majumdar, C. R. Rao, Указ. раб.

³³ D. N. Majumdar, C. R. Rao, Указ. раб.

³⁴ P. C. Mahalanobis, Analysis of race mixture in Bengal, «Journal and Proceedings of Asiatic Society of Bengal», New series, vol. 23, № 3, Calcutta, 1927.

1. Бенгальские брахманы гораздо больше похожи на другие касты Бенгала, чем на касты, живущие за пределами этой провинции.

2. Бенгальские брахманы выделяются как единственная каста Бенгала, имеющая явное сходство с панджабцами и существенные черты сходства с высшими кастами за пределами Бенгала.

3. Можно считать установленным тот факт, что имело место значительное смешение брахманов с другими кастами Бенгала (преимущественно высшими), и это позволяет рассматривать местных брахманов как подлинно бенгальскую касту.

4. Поразительна тесная связь между сходством кого-либо с брахманами Бенгала и его социальным статусом. Утверждение «чем выше общественное положение, тем больше сходства с брахманами Бенгала» справедливо почти для каждой провинции.

5. Интенсивность смешения в пределах Бенгала, т. е. смешения внутри провинции зависела от степени культурной близости, так что степень смешения брахманов с другими кастами находилась в прямой пропорции к социальному положению соответствующей касты.

Учитывая эти соображения, следует ли антропологам и далее оставаться столь же консервативными и отказываться привлекать данные исторической науки для более глубокого проникновения в межкастовые отношения, влияющие как на физическое развитие, так и на развитие общества?

При анализе природы расового смешения в Бенгале было далее указано на то, что «влияния извне на касты Бенгала, т. е. межпровинциальные смешения, всегда шли двумя определенными, четко прослеживаемыми потоками, один — от каст Северной Индии (в основном Бихара и Панджаба), и второй — от коренных племен Чота Нагпура. Влияние североиндийских каст уменьшается, а влияние коренных племен увеличивается по мере того, как мы спускаемся по лестнице социальной кастовой иерархии... Брахманы, каястхи, садгопы и кайварты выступают как настоящие индийские касты Бенгала»³⁵.

Таким образом, сведения об этнических связях главной эндогамной касты Бенгала (брахманов), представленные выше, приобретают огромное значение для определения тенденции социально-исторического развития среди высшего сословия священнослужителей древней Индии. Однако не меньший интерес представляет утверждение о том, что брахманы «в основном являлись коренными жителями Бенгала, никогда не были изолированы от других каст и не очень строго придерживались правил, запрещающих совместную еду и брачные союзы. Эти ограничения, очевидно, развивались медленно и не были решающими в древности»³⁶. Каким образом это высказывание можно совместить с антропометрическими данными, приводимыми ниже?

С другой стороны, более полувека назад было установлено в результате мастерски выполненного анализа социальных и физических особенностей индо-арийских народов Индии, что брахманы Бенгала были «более тесно» связаны с другими кастами (не брахманами), чем брахманы внутренних областей³⁷. И когда аналогичный важный вывод был сделан в упомянутом выше подробном и квалифицированном антропо-статистическом исследовании тридцати различных социальных групп страны (каст и подкаст), то не может ставиться под сомнение важность получения собственно исторических сведений об этих социальных группах

³⁵ P. C. Mahalanobis, Analysis of race mixture in Bengal.

³⁶ R. C. Majumdar (ed.), Указ. раб.

³⁷ R. P. Chanda, Указ. раб.

(кастах). Напротив, такого рода знания позволяют лучше судить о межгрупповых и внутригрупповых изменениях в физическом типе.

Научный анализ природы взаимосвязей между этническими, географическими и культурными факторами нуждается в более подробном логическом обосновании для выявления действительного положения дел

Таблица 1

Измерение кастовых различий между брахманами Бенгала (100) и другими 29 кастами Северной Индии, включая Бенгал¹

Провинция и каста	Социальное положение	Число исследованных	D ²	C ²
Бенгал. Каястха	Выш.	100	0,236	10,8
Бенгал. Садгопа	Средн.	48	0,349	9,3
Бенгал. Каиварта	Средн.	100	0,351	16,5
Панджаб. Кхатри	Выш.	60	0,413	14,5
Бенгал. Под	Средн.	100	0,451	21,5
Бихар. Брахман	Выш.	67	0,496	18,9
Бихар. Гоала	Средн.	100	0,585	28,2
Бенгал. Мусульмане	Низш.	185	0,595	37,2
Панджаб. Чухра	Низш.	80	0,641	27,5
Бенгал. Раджбанси	Средн.	100	0,693	33,6
Северо-Запад. пров. ³ Брахман	Выш.	100	0,801	39,0
Панджаб. Патхан	Выш.	80	0,804	34,7
Бихар. Дом	Низш.	100	0,841	41,0
Бенгал. Багди	Низш.	99	0,857	41,1
Бихар. Досадж	Низш.	100	1,155	56,7
Дарджилинг. Лепча	Абор.	57	1,124	39,8
Чота-Нагпур. Курми	Абор.	100	1,284	63,2
Северо-запад. пров. Дом	Низш.	100	1,397	68,8
Чота-Нагпур. Ораон	Абор.	100	1,411	69,5
Северо-запад. пров. Каястха	Выш.	100	1,454	71,7
Чота-Нагпур. Сантал	Абор.	100	1,781	88,1
Читтагонг. Магх	Абор.	100	1,792	88,6
Северо-запад. пров. Гоала	Средн.	100	1,875	92,8
Чота-Нагпур. Бхуйя	Абор.	100	1,998	98,8
Чота-Нагпур. Мунда	Абор.	100	2,035	100,8
Читтагонг. Чакма	Абор.	100	2,540	126,0
Чота-Нагпур. Мал Пахари	Абор.	100	2,549	126,4
Северо-запад. пров. Чамар	Низш.	100	2,687	133,4
Чота Нагпур. Мале	Абор.	100	2,983	148,2

¹ Таблица составлена по данным, приведенным в кн.: P. C. Mahalanobis, Analysis of race mixture in Bengal, «Journal and proceedings of Asiatic society of Bengal», vol. 23, № 3, Calcutta 1927, tbl. 1. Вероятная погрешность C (C. R. L.) — 0,23.

² У двух каст, очень близких друг другу, коэффициент кастового различия будет очень мал; с другой стороны, у каст с различными характеристиками коэффициент кастового различия будет большим. Индекс D является одним из таких коэффициентов кастового различия, а индекс C представляет собой «коэффициент расового сходства», используемый Дж. М. Морантом и др. (P. C. Mahalanobis, Указ. раб., стр. 304). В этой таблице у каст, расположенных в верхней половине, кастовые различия невелики, т. е. они ближе брахманам Бенгала, чем касты, расположенные внизу. Следовательно, каястхи, садгопы, каиварты Бенгала имеют относительно меньшие различия (более низкое значение D) и более близки брахманам Бенгала, чем кхатри Панджаба, брахманы Бихара или брахманы Северо-Западной провинции (более высокие значения D).

³ Северо-Западная провинция входит теперь в состав Западного Пакистана. — Прим. ред.

в отношении различного физического развития изучаемых народов (см. табл. 1). Сказанное не представится простой игрой слов, если прислушаться к следующему высказыванию о социальных аспектах физического развития каст Бенгала: «Это представляет собой последовательную и упорядоченную систему, в которой важную роль играет культурное сходство и культурный отбор. Горизонтальное слияние (представителей низших каст с низшими, а высших каст с высшими) более ярко выражено, чем вертикальное — факт, обуславливающий стабильность социальной системы. Община индусов в Бенгале, с одной стороны, не подтверждает

того, что ортодоксальная система существования строго изолированных каст, не допускающая никаких сношений между ними, является логически совершенной системой; с другой стороны, она не носит аморфного или хаотического характера. Ее структура основана как на культурных, так и физических различиях, однако благодаря этим различиям постоянно происходит процесс синтеза под влиянием культурной и географической близости»³⁸.

Автор другого антропометрического исследования отметил, что «нет заметной разницы в росте брахманов радхия, варендра и пашчатья-вайдика. Однако брахманы дакшинатья-вайдика несколько более рослые (приблизительно на 13 мм), чем все другие. Длина головы у них также одинакова, однако все три группы отличаются от дакшинатья-вайдика несколько большей длинноголовостью (около 3 мм). По ширине головы, однако, радхия и варендра входят в одну, а две подкасты вайдика — в другую группу; последние имеют меньшую ширину головы (на 1,3—1,6 мм). Однако эти различия в длине и ширине головы не очень существенны. Следовательно, в то время как между брахманами радхия и варендра наблюдается много общего, брахманы пашчатья и дакшинатья-вайдика по некоторым признакам отличаются друг от друга. И снова очевидным является то, что пашчатья-вайдика более схожи с брахманами радхия и варендра, чем с представителями второстепенных родственных подгрупп»³⁹. В этой связи к статье прилагается табл. 2 для освещения характера соматического сходства брахманов.

Таблица 2

Средние показатели некоторых антропометрических измерений радхия, варендра, пашчатья-вайдика и дакшинатья-вайдика брахманов Бенгала¹

Физическая характеристика	Радхия (167)	Варендра (179)	Пашчатья-вайдика (114)	Дакшинатья-вайдика (100)
Рост, мм	1661,4	1658,8	1658,2	1675,1
Продольный диаметр головы	184,9	184,5	184,6	182,1
Поперечный диаметр головы	146,9	147,8	145,6	145,3
Головной указатель	79,5	80,1	78,9	79,9
Высота носа	54,5	55,3	54,8	54,2
Ширина носа	35,9	36,1	35,3	36,6
Носовой указатель	65,8	65,3	64,1	67,5

¹ В таблице использованы данные из раб.: Т. С. Roychaudhuri, The racial problem of Bengal, «Proceedings of the 39 th Indian Science Congress», Presidential addresses, 1952. p. 2, tb. 1.

Брахманы Бенгала были, кроме того, исследованы под другим углом — с точки зрения принадлежности к различным районам провинции. Ройчоудхури не затрагивает этого вопроса в своей работе. Поэтому для освещения природы межгрупповых различий в соматических признаках были обследованы брахманы, живущие в различных районах Бенгала, в Радхе (Западный Бенгал), Варендре (северная часть Центрального Бенгала), Ванге (Восточный Бенгал), Чатгале (Юго-Восточный Бенгал) и Саматате (дельта)⁴⁰. В результате этого исследования был сделан важный вывод, что физические вариации как в длине туловища,

³⁸ P. C. Mahalanobis, Analysis of race mixture in Bengal.

³⁹ T. C. Roychaudhuri, The racial problem of Bengal. «Proceedings of the 39th Indian Science Congress», Presidential addresses, 1952.

⁴⁰ A. N. Chatterjee, The variation in stature and cephalic index among Bengalee college students, «Proceedings of the 25-th Indian Science Congress», pt. II — Presidential addresses, 1948.

Таблица 3

Рост и головной указатель брахманов из различных районов Бенгала (1922—1928)¹

Район	Число	Рост	Головной указатель
Варендра	178	166,4 ± 0,400	80,1 ± 0,3052
Радха	379	166,7 ± 0,2997	79,7 ± 0,2095
Саматата	1515	167,4 ± 0,1470	81,3 ± 0,1002
Ванга	650	165,9 ± 0,2322	79,6 ± 0,1504
Чаттала	37	164,6 ± 0,7496	77,7 ± 0,6324
Калькутта	266	167,9 ± 0,3525	81,0 ± 0,2367

¹ В таблице использованы данные из кн.: A. N. Chatterji, The variation in stature and cephalic index among Bengalee college students, «Proceedings of the 25th Indian Science Congress», pt. II — Presidential addresses, 1948, p. 164, tb. 15.

Таблица 4

Процентное распределение данных роста в связи с головным указателем у различных групп брахманов шести районов Бенгала (1922—1928)¹

Район	Число обследованных	Рост невысокий			Рост средний			Рост высокий		
		a ²	b ³	c ⁴	a	b	c	a	b	c
Варендра	178	3,37	7,87	4,49	7,87	28,09	23,03	2,25	12,92	10,11
Радха	379	2,11	5,28	5,02	11,35	25,60	21,38	5,54	12,67	11,09
Саматата	1488	0,60	3,16	5,85	4,50	25,27	28,49	2,22	15,32	14,58
Ванга	650	2,46	7,39	3,69	11,54	28,15	21,69	5,54	9,69	9,85
Чаттала	37	5,41	8,10	0,00	24,32	29,73	21,62	5,41	5,41	0,00
Калькутта	266	0,38	3,38	5,64	6,01	20,68	24,43	1,88	19,92	17,67

¹ Таблица составлена по данным A. N. Chatterji, Указ. раб., p. 165, tb. 16.

² Для долихоцефалов.

³ Для мезоцефалов.

⁴ Для брахикефалов.

так и в форме головы очень значительны у брахманов, проживающих в районах: а) Самтата и Ванга, б) Самтата и Чаттала, в) Калькутта (более позднее географическое образование в Дельте) и Ванга, г) Калькутта и Чаттала. А различия в головных указателях в значительной степени проявляются только у брахманов из районов: а) Саматата и Радха, б) Саматата и Варендра, в) Калькутта и Радха, г) Варендра и Чаттала или д) Радха и Чаттала (см. табл. 3, 4 и 5).

Научное значение такой ситуации у брахманов Бенгала было подвергнуто глубокому рассмотрению компетентными учеными в их совместной попытке объяснить расовый состав бенгальцев⁴¹, и нет необходимости снова вникать в те же детали. Пожалуй, полезнее привести следующую цитату, чтобы дать оценку проблеме, обсуждаемой в нашей работе. «Брахманы повсеместно проявляют тенденцию к брахикефалии (средне- и высокорослые индивидуумы взяты вместе), за исключением Калькутты и Самататы, где она у них практически на одном уровне с другими кастами. У членов касты каястха, однако, заметен большой процент низкорослых брахикефалов, чем у брахманов всех районов (кроме Калькутты, недавно образованной). По росту брахманы также

⁴¹ K. P. Chattopadhyay. The racial composition of Bengalees. In «The castes and tribes of West Bengal», ed. by A. Mitra, «Census Publication 1951», vol. VI, Alipore, 1953; S. N. Sengupta, The racial composition of Bengalees. A farther note, Там же.

Таблица 5

Измерения брахманов и каястхов Бенгала, проведенные Рисли¹

Признаки	Брахманы (N=32) (Западный Бенгал)	Брахманы (N=68) (Восточный Бенгал)	Брахманы (N=100) Суммарная характери- стика (Бенгал)	Каястхи (N=100)
Рост (средн.)	1670	1653	1658	1636
макс.	1734	1792	1792	1810
мин.	1550	1474	1474	1544
Головной указатель (средн.)	78,2	79,0	—	78,2
макс.	87	88	88	88
мин.	72	70	70	70
Ширина головы (средн.)	142,6	143,4	143,1	142,8
макс.	151	151	151	155
мин.	135	134	134	129
Длина головы (средн.)	182,2	181,5	181,0	182,4
макс.	195	195	195	195
мин.	171	170	170	169
Носовой указатель (средн.)	71,9	70,3	70,8	70,3
макс.	100	85	100	89
мин.	58	56	56	56
Ширина носа (средн.)	34,9	35,1	35,0	35,3
макс.	40	42	42	41
мин.	29	28	28	29
Высота носа (средн.)	48,5	49,9	49,5	50,2
макс.	54	59	59	58
мин.	40	36	36	42

¹ В таблице использованы данные из кн.: A. Mitra, Tribes and castes of West Bengal, 1953, p. 403, tb. 1.

Таблица 6

Сопоставление данных Рисли и Гуха по брахманам Бенгала¹

Физическая характери- стика брахманов	Средние		Стандартные отклонения	
	Рисли ²	Гуха ³	Рисли	Гуха
Рост	165,6	168,0	50,3	53,9
Длина головы	181,8	186,4	6,0	6,0
Ширина головы	143,2	147,0	4,6	5,2
Головной указатель	78,8	78,9	3,6	3,4
Высота носа	49,7	54,2	4,1	3,5
Ширина носа	35,0	36,6	2,6	3,1
Носовой указатель	70,4	67,7	6,3	6,5

¹ В таблице использованы данные A. Mitra, Tribes and castes of West Bengal, 1953, p. 403, tb. 1.

² Х. Рисли измерил 100 брахманов, 32 — из Западного и 68 — из Восточного Бенгала.

³ Б. С. Гуха провел обмеры 50 брахманов Рархи из 24 парган (районов Центральной дельты) Бенгала.

превосходят каястхов во всех районах, кроме Чаттала. Все эти факты, вместе взятые, указывают на то, что высокорослые и брахицефальные элементы происходят от предков народа, известного сейчас как высокая каста брахманов»⁴².

⁴² К. Р. Chattopadhyay, Указ. раб.

SUMMARY

Endogamy has historically been developed as a regulating device to safeguard biological (physical) and social distinctions of the social groups constituting Hindu society. Within the Brahmanic system of Hindu society matrimonial alliances can not act efficiently if the «social area» of choice of partners in marriage remains undefined. As such, inter-caste as well as intra-caste relationships have a significant role to play in demarcating such 'social area'.

In this paper, in order to understand social genesis of a very important endogamous group of India, namely the Brahmins, an attempt has been made to outline the historical evolution of the said group; simultaneously the significance of such evolution and subsequent dispersions of the constituent members of the said group within India has been discussed from sociological and anthropometrical standpoint. Anthropometrically, it has been established that «the Bengal Brahmins resemble the other castes far more clearly than they (the Brahmins) resemble castes from outside Bengal» and again, «the Bengal Brahmins stand out prominently as the only caste in Bengal which shows definite evidence of resemblance with upper castes outside Bengal». Several historical-social facts have been discussed in the paper to show how and in what context the Bengal Brahmins acquired such physical resemblance with other social groups living within and without Bengal. Anthropometric data so far available on the Bengal Brahmins have been given in a supplement to the paper for ready reference.

А. А. Шенников

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖИВОТНОВОДЧЕСКИХ ПОСТРОЕК У НАРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

(К ДИСКУССИИ ОБ АГРОЭТНОГРАФИИ)

Эволюция способов зимнего содержания скота в Европейской России изучена слабо. Считается аксиомой, что с незапамятных времен господствовало стойловое содержание скота, т. е. содержание животных в закрытых утепленных помещениях. Ссылаются обычно на употребление слова «хлев» в «Правде Русской»¹ и на археологические находки железных кос, свидетельствующие о заготовке сена на зиму.

В действительности, в крестьянском хозяйстве всех народов Европейской России за исторически обозримое время техника зимнего содержания скота претерпела значительные изменения.

О наличии и составе животноводческих построек в крестьянских (и не только крестьянских) усадьбах XVI — начала XVIII в. можно судить по многочисленным документам этого времени, содержащим описания крестьянских усадеб или их деталей (купчие, порядные, описи конфискованных имений, некоторые писцовые книги, судебные дела о пожарах, грабежах и иных происшествиях в усадьбах, и т. п.). Исследования этих документов нами опубликованы². Здесь ограничимся краткими выводами.

В северной половине Европейской России до конца XVI в. у крестьян всех народностей преобладало бесстойловое зимнее содержание скота в открытых дворах — под навесами или просто под открытым небом (при наличии навесов животные укрывались под ними только ночью и в непогоду). Этот способ содержания скота давно замечен этнографами у русских и других народов в Сибири³.

Только в самых северных районах Европейской России у русских крестьян в XVI в. хлевы и конюшни были несколько более распространены, а в районе Холмогор и Архангельска уже начали появляться те двухэтажные крытые дворы с сеновалом во втором этаже, которые затем рас-

¹ «Правда Русская», т. I, М.—Л., 1940, стр. 398.

² А. А. Шенников, Крестьянские усадьбы в XVI—XVII вв. (средняя и южная части Европейской России), сб. «Архитектурное наследство», № 14, М., 1962; его же, Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв. (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России), сб. «Архитектурное наследство», № 15, М., 1963; его же, О русских крестьянских усадьбах XVI в., сб. «Доклады отделения этнографии Географического общества СССР», вып. 2, Л., 1966; его же, О понятии «этнографический комплекс», сб. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967.

³ Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 208—209.

пространились по всему северу Европейской России у русских, карел, вепсов и коми⁴.

По южной части Европейской России нет достаточных данных XVI и XVII вв. Но, например, в начале XVIII в. в Кромском и Елецком уездах не более трети крестьянских дворов имели хлевы или конюшни, около трети — только сараи (под которыми могли подразумеваться и навёсы), и не менее трети не имели никаких построек для скота, хотя имели скот. Несомненно, что ранее, до начала XVIII в., в южной части Европейской России бесстойловое содержание скота во дворах было еще более распространено⁵.

К началу XVIII в. тип крестьянской усадьбы с двухэтажным крытым двором занял уже почти всю ту территорию, на которой он известен по этнографическим данным XIX в. К югу и юго-западу от ареала двухэтажного двора начал формироваться тип усадьбы с одноэтажным крытым двором.

По крайним западным и восточным районам Европейской России мы пока не имеем данных XVI — начала XVIII в. По среднему Поволжью таких данных мало, но стоит все же упомянуть перепись одной чувашской деревни в Симбирском уезде, 1670 г., где на 17 дворов было 16 «кард» (открытых загонов для скота) и всего одна конюшня⁶.

Верно ли мы понимаем использованные нами источники? Всегда ли отсутствие упоминаний о постройках для скота означает отсутствие самих построек? Есть подворные переписи селений, где чередуются усадьбы без построек для скота и усадьбы с постройками (например, упомянутые материалы по Кромскому, Елецкому, Симбирскому уездам). Если бы постройки для скота имелись во всех дворах, то было бы трудно объяснить, почему переписчики отмечали эти постройки в одних дворах и не отмечали в других. Очевидно, эти постройки не отмечались там, где их действительно не было. Некоторые серии описаний, например переписи XVI в. по Тверскому уезду и по району г. Корелы, относятся к запустевшим усадьбам, где часть построек могла не сохраниться к моменту составления описаний⁷. Но есть и описания обитаемых усадеб (те же материалы по Кромскому, Елецкому и Симбирскому уездам, многочис-

⁴ Большая часть исследованных документов опубликована в следующих изданиях: сб. «Писцовые книги Московского государства», ч. I, отд. 2, СПб., 1877; «Акты Холмогорской и Устюжской епархий», сб. «Русская историческая библиотека», тт. 12, 14 и 25, СПб., 1890—1908; И. Суворов, Шестой выпуск описания собрания свитков, находящихся в Вологодском Епархиальном древнехранилище, Вологда, 1903; Д. Я. Самоковцов, Архивный материал, т. 2, М., 1909; В. П. Шляпин, Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, ч. I, Великий Устюг, 1912; «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I, Пг., 1922; то же, т. 2, Л., 1929; В. Г. Гейман, Материалы по истории Карелии XII—XVI вв., Петрозаводск, 1941; М. В. Клочков, Крестьяне Севера XVII в. по порядным грамотам, сб. «Ростовский-на-Дону университет. Труды историко-филологического факультета», вып. 3, Ростов-на-Дону, 1945; Р. Б. Мюллер, Карелия в XVII в., Петрозаводск, 1948; Г. Н. Образцов, Оброчные и порядные записи Антониеву-Сийскому монастырю XVI—XVII вв., сб. «Исторический архив», т. 8, М., 1953; сб. «Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в.», Л., 1955; Более подробные ссылки на эти и некоторые другие источники см. в указ. статье автора: «Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв. (верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России)».

⁵ Сведения по Кромскому и Елецкому уездам см.: сб. «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.», М., 1951, стр. 79—84 и 144—164. Анализ этого и других источников по южной и отчасти по средней частям Европейской России см. в указ. статье автора: «Крестьянские усадьбы в XVI—XVII вв. (средняя и южная части Европейской России)».

⁶ Сб. «Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца», т. 2, Симбирск, 1898, стр. 68—69.

⁷ «Писцовые книги Московского государства», стр. 291—403; Д. Я. Самоковцов, Указ. раб., стр. 59—122.

ленные купчие по разным местностям), а также договорные документы на строительство новых усадеб (крестьянские порядные), где построек для скота значится не больше, а местами и меньше, чем в запустевших усадьбах.

Наши выводы дополнительно подтверждаются многочисленными описаниями усадеб светских и церковных феодалов XVI—начала XVIII в. Там стойловое содержание скота было распространено ненамного больше, чем у крестьян, и то в основном лишь в крупных усадьбах. Некоторые предварительные данные об этом опубликованы⁸, более подробный разбор этих материалов должен стать предметом специальных публикаций.

Техническая возможность бесстойлового содержания скота в климатических условиях Европейской России вплоть до крайнего севера доказывается опытом такого содержания в более суровом климате Сибири.

Впрочем, прежде чем сомневаться в достоверности источников XVI—начала XVIII в., обратимся к более поздним данным. Из литературы второй половины XVIII и начала XIX в. и из некоторых рукописей того же времени, анализ которых нами опубликован, выясняется, что в это время зимнее содержание скота в открытых дворах под навесами было еще обычным явлением в Московской, Владимирской, Казанской губерниях, а в более южных и юго-восточных местностях в содержании скота еще не замечалось прогресса по сравнению с началом XVIII в.⁹

К востоку от Волги и Камы в начале XIX в., местами и позже, наряду с содержанием скота в открытых дворах, для части скота (лошадей) применялась тебеневка (зимняя пастыба). Это отмечено не только у башкир, о чем этнографы знают, но и у крестьян других народностей, не исключая русских¹⁰. Западнее Волги тебеневка отмечена во второй половине XVIII в. на юге Воронежской губернии¹¹, а в 1840-х годах о ней еще помнили в центральных уездах Саратовской губернии¹². По-видимому, незадолго до конца XVIII в. тебеневка практиковалась еще везде, где она была технически возможна, т. е. практически во всей степной зоне Европейской России. Постепенная замена тебеневки бесстойловым содержанием животных во дворах была вызвана ростом плотности населения и распашкой степных пастбищ.

⁸ А. А. Шенников, Крестьянские усадьбы в XVI—XVII вв. (средняя и южная части Европейской России), стр. 67.

⁹ Лангель, Краткое медико-физическое и топографическое обозрение Казанской губернии, Казань, 1817, стр. 39; J. Erdmann, Beiträge zur Kenntniss des Inneren von Russland, T. 1, Riga—Dorpat, 1822, S. 123, 319; А. А. Шенников, Крестьянские усадьбы конца XVIII и начала XIX вв. в Европейской России, сб. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 5, Л., 1968.

¹⁰ А. Леопольдов, Историко-статистическое описание Заволжского края Саратовской губернии 1837 года, сб. «Материалы для статистики Российской империи», СПб., 1839, стр. 116; его же, Скотоводство в Саратовской губернии, «Журнал Министерства государственных имуществ», 1844, ч. 10, стр. 111; Герн и Васильев, Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии, «Военно-статистическое обозрение Российской империи», т. 14, ч. 2, СПб., 1848, стр. 62; «Статистический очерк современного состояния сельского хозяйства и промыслов в Оренбургской губернии», «Оренбургские Губернские Ведомости», 1871, № 46, стр. 202; «Заметки англичанина о сельском хозяйстве восточной России», «Сельское хозяйство и лесоводство», 1878, ч. 79, стр. 49.

¹¹ «Продолжение ответов, на предложенные в первой части трудов Вольного Экономического Общества вопросы, о нынешнем состоянии в разных губерниях и провинциях земледелия и домостроительства, по Острогской провинции», «Труды Вольного Экономического Общества», 1768, ч. 8, стр. 177.

¹² A. von Haxthausen, Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. T. 2, Hannover, 1847, S. 58.

В середине XIX в. зимнее содержание скота в открытых дворах практиковалось примерно в тех же местностях, что и на полстолетия ранее, хотя число дворов с таким содержанием сокращалось. В конце XIX и начале XX в. область бесстойлового содержания скота стала отодвигаться к югу.

Укажем несколько крайних северных точек, где в конце XIX и начале XX в. еще отмечались хотя бы единичные случаи содержания скота в открытых дворах с навесами. С запада на восток — это Рославльский уезд Смоленской губернии¹³, Звенигородский и Бронницкий уезды Московской губернии¹⁴, Покровский уезд Владимирской губернии¹⁵, Рязанский уезд¹⁶, Малмыжский и Елабужский уезды Вятской губернии (татары, удмурты, мари)¹⁷, Осинский, Соликамский и Кунгурский уезды Пермской губернии (удмурты, коми-пермяки, русские)¹⁸.

Южнее этих пунктов случаи бесстойлового содержания скота встречались все чаще и чаще и превращались уже в систему. Много сведений об этом имеется по губерниям Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской (их подробный обзор невозможен в данной статье). В южных уездах губерний Курской, Воронежской и Саратовской бесстойловое содержание скота еще господствовало, бедняки держали скот даже без навесов, под открытым небом¹⁹.

Материалы конца XVIII, XIX и начала XX в. не только подтверждают правильность нашего понимания документов XVI — начала XVIII в., но и позволяют узнать много технических деталей, недостаточно ясных из старинных документов. Мы знаем теперь всю эволюцию животноводческих сооружений от открытого загона с простейшей изгородью до двух-этажного крытого двора, со всеми местными вариациями. Нам известна целая гамма переходных, смешанных способов содержания скота, когда,

¹³ Н. Мергель, Очерк санитарных условий деревень в Смоленской губернии, сб. «Протоколы заседаний 5-го съезда земских врачей Смоленской губернии», Смоленск, 1887, приложение, стр. 67.

¹⁴ С. Фридолин, О скотных дворах в деревнях Московской губернии и их недостатках, «Известия Московской губернской земской управы», 1913, вып. 10, стр. 11—12 и рис. 2.

¹⁵ Сб. «Исследование современного состояния скотоводства в России. Рогатый скот», вып. 1, М., 1884, стр. Д-92.

¹⁶ А. Мальшин, Медико-статистическое описание Рязанского уезда, Чернигов, 1891, стр. 56.

¹⁷ О. Жирнов, Очерк экономического положения татар Кошкинской волости Малмыжского уезда, Вятка, 1896, таблицы; сб. «Материалы по статистике Вятской губернии», т. 6, Вятка, 1890, стр. 51.

¹⁸ Н. Тезяков, Вотяки Больше-Гондырской волости, «Земский врач», 1891, № 40, стр. 586; И. Шишковский, Краткий ветеринарно-топографический очерк Соликамского уезда, сб. «Труды 3-го съезда ветеринарных врачей Пермской губернии», Пермь, 1889, стр. 136; П. Воронин, Навозное удобрение в Кунгурском уезде, «Сборник Пермского земства», 1892, № 1—2, стр. 157.

¹⁹ А. В. Вельяминов-Зернов, Качественное изучение крупного рогатого скота в Курском уезде, Курск, 1909, стр. 15; Ф. Щербина, Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду, Воронеж, 1887, стр. 185—188; А. И. Веревкин, Исследование крестьянского скотоводства в Валуйском уезде Воронежской губернии, сб. «Труды 2-го совещания земских ветеринарных врачей Воронежской губернии», Воронеж, 1901, стр. 184—186; Канонников, Краткие сведения о состоянии скотоводства в Острогожском уезде Воронежской губернии, «Ветеринарная хроника Воронежской губернии», 1903, № 2, стр. 139; Е. С. Хейфец, О состоянии крестьянского скотоводства в Новохоперском уезде, там же, стр. 143; М. М. Плотников и В. М. Морозов, Сведения по скотоводству (Нижегородский уезд), там же, № 3, стр. 193; Попов, Краткие сведения по скотоводству в Павловском уезде, там же, № 9—10, стр. 518; сб. «Исследование крестьянского скотоводства в Саратовской губернии», т. 2, Саратов, 1897, стр. 34—378.

например, одни виды скота находились еще на бесстойловом, а другие — на стойловом содержании, или когда животных помещали в закрытые постройки не на всю зиму, а только в сильные морозы, и т. д. Известна эволюция технологии кормления скота и содержания молодняка. В частности, выяснено, что при бесстойловом содержании обязательно кормили в избе всех животных, вплоть до лошадей; там же доили коров и подолгу держали молодняк. Это сильно влияло на эволюцию избы и вообще жилых помещений.

Теперь ясно, что до XVI в. во всей Европейской России (включая районы, не входившие тогда в состав собственно Руси) стойловое содержание скота было редкостью и практиковалось, по-видимому, лишь в хозяйствах крупных феодалов (светских и церковных). Только в таком смысле и можно понимать упоминания о хлевах в русской домонгольской письменности. Находки кос вообще не являются признаком стойлового содержания скота, ибо сено заготавливалось и при бесстойловом содержании.

Итак, стойловое содержание скота в Европейской России — явление сравнительно новое, получившее значительное развитие лишь с XVI в., и то только в лесной зоне, на юге же так и не ставшее преобладающим вплоть до начала нынешнего столетия.

Если бесстойловое содержание было технически возможно, то почему все-таки стало развиваться стойловое содержание, и притом именно с XVI в.?

Этому могли способствовать многие факторы: стремление к повышению мясной и молочной продуктивности скота, желание убрать скот из избы, в какой-то степени, может быть, и вековые изменения климата. Очевидно, должны были оказывать влияние наличие или недостаток строительного леса, экономическое положение крестьян и другие местные условия.

Но эти факторы объясняют не все. Почему-то, например, двухэтажные крытые дворы не получили распространения в Сибири, несмотря на суровый климат, на наличие леса и отсутствие крепостничества, и даже несмотря на то, что значительная часть переселенцев шла туда из областей, где такие дворы имелись. Стремление к повышению продуктивности скота было связано с ростом товарности животноводства, с выходом его за пределы крестьянского натурального хозяйства, что на большей части территории Европейской России было характерно для XIX—XX вв., а не для XVI в. И как ни неприятно было для крестьян содержание скота в избах, одного этого обстоятельства оказалось недостаточно для развития стойлового содержания на юге России. Видимо, действовали еще какие-то факторы.

В лесной зоне Европейской России паровая система земледелия с трехпольным севооборотом невозможна без навозного удобрения. В лесостепной и степной зонах эта система могла существовать на черноземе без удобрения несколько десятилетий (в среднем, с местными вариациями), но рано или поздно и там требовался навоз.

Но навоз в необходимом количестве и должного качества получается только при стойловом содержании скота. В непокрытых дворах и загонках навоз зимой промерзает, перемешивается со снегом, весной промывается водой (а при осенней вывозке, вдобавок, еще пересыхает летом), и в итоге очень сильно, иногда даже полностью теряет свою эффективность как удобрение. Под навесами навоз получается немного лучшего качества, чем под открытым небом, но все же еще значительно хуже, чем в закрытых помещениях, причем, как уже сказано, животные при бесстойловом содержании не все время находятся под навесами.

Из этих элементарных обстоятельств, давно известных агрономам, следует, что в лесной зоне Европейской России не могло быть и речи о господстве паровой системы до широкого распространения стойлового содержания скота. Не значит ли это, что именно потребность в интенсификации земледелия и явилась главным стимулом для распространения стойлового содержания скота в лесной зоне? Если бы это было так, то стала бы понятной и задержка развития стойлового содержания на юге Европейской России, где, как известно, во многих местах навозное удобрение не употреблялось до начала XX в.

Но тогда надо признать, что паровая система земледелия в крестьянском хозяйстве лишь к XVI в. достигла такого распространения, что потребовалось усовершенствование производства навозного удобрения. Несколько лет назад такое предположение показалось бы невероятным, ибо историки считали, что пашенное земледелие с паровой системой и трехпольем на Руси повсеместно господствовало по крайней мере с домонгольских, а по некоторым мнениям — даже с докиевских времен. Но в последние годы начался пересмотр этих взглядов. Переход от преобладания подсеки к господству трехполья теперь относят к XIV—XV вв., а для отдельных районов — и к XVII в.²⁰ Конечно, вопрос требует дальнейшего изучения. Но нельзя не заметить, что приведенные выше факты определенно подкрепляют новейшие представления о позднем и постепенном распространении трехполья в крестьянском хозяйстве лесной зоны Европейской России.

В связи с этим заслуживают внимания исследования Г. Г. Громова, из которых видно, что в крестьянском хозяйстве лесной зоны были широко распространены комбинированные системы, сочетавшие паровую систему на ближайших к селениям полях с подсеочной системой на более удаленных участках²¹. Легко представить себе, что до тех пор, пока эта ближняя («удворная») пашня была невелика, на нее хватало плохого навоза из открытых дворов и из-под навесов, и стойлового содержания скота не требовалось.

* * *

Из изложенных фактов следует еще много выводов, интересных для этнографов. Здесь мы коснемся проблемы, затронутой в дискуссионной статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, — проблемы взаимоотношений между историей сельскохозяйственной техники и этнической историей²².

Среди всех факторов, определявших развитие техники зимнего содержания скота у народов Европейской России, мы не обнаружили лишь одного фактора — этнического.

Конечно, если изучать способы зимнего содержания скота лишь в какой-то один исторический момент, эти способы могут показаться связанными с теми или иными этническими группами населения. Именно так, вследствие изучения этнографических материалов только конца XIX и начала XX в. (без учета более ранних данных) могли появиться представления о том, что, например, крытые скотные дворы специфичны для русских с «окающими» говорами, открытые дворы с хлевами и конюш-

²⁰ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. 2, М., 1966, стр. 65, 106—108; т. 3, М., 1967, стр. 19—20.

²¹ Г. Г. Громов, Подсеочно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв., «Вестник Московского университета», историческая серия, 1958, № 4; его же, География пахотных орудий русских крестьян в XIX в., «Доклады по этнографии Географического общества СССР», вып. 5, Л., 1967, стр. 32—36.

²² Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография», 1967, № 1.

нями — для «акающих» русских, бесстойловое содержание скота во дворах — для русских-сибиряков, тебеневка — для башкир и других полукочевников и т. д.

Но едва лишь мы переходим от статического изучения явлений к изучению их в динамике сразу за несколько столетий, немедленно выясняется, что техника зимнего содержания скота у всего крестьянства Европейской России развивалась по законам, не имеющим ничего общего с законами эволюции языков или с законами этногенеза. Ареалы типов и вариантов животноводческой техники лишь изредка, кое-где, ненадолго и явно случайно совпадали с ареалами народностей, языков или диалектов. Как правило, таких совпадений не было.

Так, в конце XIX и начале XX в. южная граница ареала одноэтажных крытых дворов была близка к южной границе «окающих» говоров, но всего лишь за 100 лет до того еще не было такого совпадения, а за 200 и более лет одноэтажных крытых дворов у крестьян вообще не было. Крытые дворы в крестьянских усадьбах были явлением гораздо более новым, чем все этнические или лингвистические группы на данной территории; они не имели никакого отношения ни к новгородской колонизации севера, ни к каким-либо более ранним этническим процессам²³. Бесстойловое содержание скота во дворах было стадией развития, через которую прошло крестьянское хозяйство всех оседлых народов Европейской России, в одних местах раньше, в других позже. В степной зоне такой же стадией была и тебеневка.

Выводы Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, сделанные главным образом на примере пахотных орудий, вполне подтверждаются нашими выводами на материале из другой области сельскохозяйственной техники — зимнего содержания скота: в обоих случаях эволюция сельскохозяйственной техники оказалась практически независимой от этнических традиций. Она была связана в основном с физико-географическими и хозяйственно-экономическими факторами.

Нелегко пересматривать установившиеся представления. Поэтому можно понять недоумение Л. М. Сабуровой, считающей, что, по Г. Г. Громову и Ю. Ф. Новикову, «сельскохозяйственная техника — это область народной культуры, не имеющая ничего общего с этносом, т. е. с народом». «Отделение этнических традиций от культурных» ей кажется спорным²⁴.

Да, всякая этническая традиция в культуре есть культурная традиция, но далеко не всякая культурная традиция есть традиция этническая. «Народная традиция» — не обязательно традиция этнической группы. Это может быть и традиция группы населения, выделенной не по языку и не по этническому самоопределению, а по какому-нибудь иному признаку. В данном случае мы имеем дело с группами населения, связанными с определенным физико-географическим ландшафтом и находящимися на определенном уровне экономического развития.

В «народной» культуре, действительно, не все элементы одинаково связаны с этносом; некоторые с ним вовсе не связаны. Мы уже имели

²³ А. А. Шенников, Крестьянские усадьбы XVI—XVII вв. (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России), стр. 91—92, 97—101; его же, О русских крестьянских усадьбах XVI в., стр. 7—16; его же, О понятии «этнографический комплекс», стр. 47; его же, Крестьянские усадьбы конца XVIII и начала XIX вв. в Европейской России, стр. 11—12.

²⁴ Л. М. Сабурова, По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований», «Сов. этнография», 1967, № 6, стр. 77 и 82.

случай заметить, что из всех элементов материальной культуры наименее зависят от этноса средства труда²⁵. К таковым и принадлежат как земледельческие орудия, так и животноводческие сооружения.

SUMMARY

The techniques of winter maintenance of cattle in the peasant economy of Russia in Europe evolved continuously during known historical times. Up to the XVI century outdoor maintenance of cattle in open yards was the prevailing system; in the steppe zone cattle was pastured in winter. From the XVI to the XX century, indoor-maintenance gradually spread from north to south; in the southernmost regions it still had not become the prevailing system by the beginning of the XX century. The growth of indoor-maintenance was apparently mainly caused by the transition from extensive systems of agriculture to the three-field system; this demanded manure which could only be produced in sufficient quantities by indoor-kept cattle. The techniques of winter maintenance of cattle in regions inhabited by different peoples passed through identical stages of development; they were influenced mainly by geographical and economic but not by ethnic factors. This conclusion coincides with that of G. G. Gromov and Yu. F. Novikov with regard to the evolution of agricultural techniques (see «Soviet Ethnography», 1967, № 1).

²⁵ А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», стр. 40—41 и 55.

Л. С. Грибова

ТРАДИЦИОННАЯ РЕЗЬБА НА СЕЛЬСКИХ ПОСТРОЙКАХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ

В наше время — время расцвета национальных культур — обращается большое внимание на изучение народного искусства с целью поддержания и дальнейшего развития лучших его традиций.

Искусство небольшого приуральского народа — коми-пермяков, в частности, его художественная обработка дерева, отличающаяся довольно большим своеобразием и восходящая к глубокой древности, заслуживает специального исследования.

До Великой Октябрьской социалистической революции искусство коми-пермяков, как и других «инородцев», почти игнорировалось. Путешественники и ученые, наблюдавшие быт пермяцкого населения, отмечали своеобразие архитектурного и бытового декора коми-пермяцкой деревни, однако оценить его по достоинству не могли. Одни называли его грубым и несовершенным, другие все художественные достоинства считали заимствованными от русских. Вот что писал о коми-пермяцкой скульптурной обработке дерева известный этнограф прошлого века И. Н. Смирнов: «...Пермяк стоит на зачаточной ступени творчества: он еще не господин того материала, который предполагает приспособить к своим потребностям, не в состоянии дать ему ту форму, которая ему желательна; он берет у природы формы вместе с материалом. Леса, окружавшие Пермяка, в изобилии предлагали его вниманию наросты на корнях берез. Рано или поздно Пермяку должна была прийти мысль как-нибудь приспособить эти наросты для своих потребностей. Он обрубаем такой нарост, выдалбливает ножом его внутренность, слегка очищает снаружи и готова первобытная чашка; случайно или намеренно он обрубаем такой нарост с частью корня или ствола и получается сосуд с ручкой — ковш, поварешка. Тут все дано природой; человеку принадлежит идея приспособить готовое к своим целям... Пермяк не пошел дальше простого приспособления готового. Чтобы сделать своей жене или дочери швейку, он должен бродить по лесу, отыскивая дерево с подходящим расположением корней; он не дошел до мысли, что такого же рода швейку можно гораздо скорее приготовить из двух отдельных и небольших сравнительно кусков дерева; здесь уж нужно создавать, а не приспособлять только»¹.

К сожалению, подобная оценка народного творчества держалась очень долго и устойчиво. Даже сами коми-пермяки постепенно забывали некоторые виды своего традиционного искусства. Безусловно, русский народ, его культура оказали большое обогащающее влияние на культуру коми-пермяков, но в то время получалось так: все, что русское — хорошо, все, что коми — плохо. Обесценивались шедевры национального искусства, исчезали целые его виды: национальный костюм (от которого сохранилось несколько элементов: узорные пояса, чулки и варежки), резьба по кости, роспись и аппликация по дереву, тиснение по коже, плетение из солом, украшение металлическими накладками, художественная обработка металла. От всего этого остались лишь воспоминания и редкие экземпляры вещей.

После Великой Октябрьской социалистической революции в корне изменилось отношение к культуре малых народов. Уже с первых лет Советской власти появляются работы, свидетельствующие об интересе исследователей к коми-пермяцкой резьбе по дереву. В 1918 г. на родину в Кудымкар из Москвы приехал известный художник П. И. Субботин-Пермяк, который, будучи областным уполномоченным по делам искусств от Наркомпроса, с 1919 г. начинает невиданную до сих пор в крае работу по организации художественных мастерских в Перми, Кудымкаре и Кунгуре. В учебных и производственных программах мастерских большое внимание уделялось изучению и

¹ И. Н. Смирнов, Пермяки. Историко-этнографический очерк, «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. IX, вып. 2, Казань, 1891, стр. 205—206.

внедрению местных видов прикладного искусства, в том числе традиционной резьбы по дереву².

Смерть П. И. Субботина-Пермяка в 1923 г. и трудности восстановительного периода помешали осуществить замечательные планы художника.

В 1924 г. вышла работа А. Сыропятава, в которой содержится ценный фактический материал, в том числе и иллюстрации. Описывая пластическую архитектурную резьбу на постройках сел и деревень, преимущественно на территории современного Коми-Пермяцкого национального округа, и удивляясь своеобразию декорирования сельских построек, он, однако, не смог отделаться от мысли, что они «являются... драгоценными живыми памятниками былого влияния новгородцев на соседние области северной России»³. Без сомнения, в культуре всего Севера России имелись какие-то общие черты, но они могли возникнуть не только и совсем не обязательно под влиянием одного центра (хотя бы этим центром был Новгород), но, что бывает гораздо чаще, развились аналогично в сходных условиях. Впрочем, А. Сыропятав в конце концов опровергает сам себя, придя к выводу, что своеобразие декоративного стиля в сельской архитектуре Пермского края — порождение «экономических причин и своеобразных местных условий естественно-исторического порядка», в том числе религиозных представлений местного населения⁴. Несмотря на неверные теоретические установки, работа А. Сыропятава служит весьма ценным источником для изучения деревянной пластики края. К сожалению, она вышла небольшим тиражом и ныне стала редкостью.

Вторым большим и ценным исследованием пермяцкой резьбы по дереву, а именно — церковной скульптуры XVI—XVIII вв., является труд Н. Н. Серебrenникова «Пермская деревянная скульптура». В нем дается описание деревянных скульптур и скульптурных групп из церквей и часовен края, собранных главным образом Н. Н. Серебrenниковым и хранящихся в Пермской художественной галерее. Автор пытается выявить отдельные школы резчиков, рассказать о возникновении и развитии деревянного вааяния. Тщательно изучив материал, он приходит к выводу, что своеобразная пермская деревянная скульптура, в которой воплощен творческий гений русского и коми-пермяцкого населения края, — явление чисто местное, развившееся под влиянием древнего поклонения местного (коми-пермяцкого и ханты-мансийского) населения деревянным изваяниям своих богов (идолом), перевоплотившихся с проникновением русского православия в христианских святых⁵.

Очень высоко ценил пермскую деревянную скульптуру и ее создателей А. В. Луначарский. Он писал: «... нельзя не признать в пермских боггах свидетельство огромной талантливости, огромного художественного вкуса, огромной способности выразительности, которая свойственна не только народам великорусско-пермяцкой смеси северо-восточной части Пермского края, но, конечно, многим и многим другим группам высоко одаренного населения нашего Союза»⁶.

Краткое списание видов деревянной резьбы народов коми (зырян и пермяков) имеется также в работах Б. Н. Белицер⁷.

В недалеком прошлом крестьянин коми-пермяк, живший полунатуральным хозяйством, почти все необходимое для своего дома делал собственными руками. Дерево — вот основной материал, из которого он строил двор и дом, сооружал повозки, лодки, лыжи, детские качели, выдалбливал посуду, плел корзины, вырезал детские игрушки, украшения и ... своих «богов». Он, как и все жители лесной полосы, хорошо знал свойства этого материала. Наросты, суставы и корни дерева гораздо прочнее, чем ствол, который часто дает трещины. Жизненный опыт и смекалка подсказали крестьянину-строителю и резчику использовать именно эти части дерева в целях создания долговечных изделий. Резчик умел выбирать не только наиболее прочную, но и наиболее подходящую по форме часть дерева. Из одних только естественно загнутых корневищ коми-пермяк делал охупень и уключины для кровель, сани и волокушу, скамейку и льномялку, раму ткацкого стана и прялку, трость для старика и курительную трубку. К тому же ему не стоило особого труда найти нужные по форме корни, ибо при подсечной системе земледелия (которая существовала наряду с перелогом и трехпольем вплоть до XX в.) раскорчевка леса давала ему этот материал в изобилии.

² И. П. Субботина, Художник П. И. Субботин-Пермяк, Пермь, 1958.

³ А. Сыропятав, Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края, Пермь, 1924, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 14.

⁵ Н. Н. Серебrenников, Пермская деревянная скульптура, Пермь, 1928, стр. 129. Второе издание этой работы (сокращенный вариант) — в 1967 г.

⁶ А. В. Луначарский, Пермские боги, «Советское искусство», 1928, № 5—6 стр. 29.

⁷ С. М. В. Н. Белицер, Очерки по этнографии народов коми, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XLV, М., 1958; ее же, Искусство коми-пермяков и коми-зырян, сб. «Народное декоративное искусство РСФСР», М., 1957.

Оставалось выбрать наиболее подходящие корни и подвергнуть их нужной обработке. Как видим, пермяк, стоявший на «зачаточной ступени творчества», был не таким уж профаном, каким представлял его И. Н. Смирнов, хотя и суровая природа, и низкий уровень техники (зачастую не было даже такого простейшего орудия как пила) были огромным препятствием на пути к истинному творчеству.

В данной статье рассматриваются вопросы сельской архитектурной резьбы, в которой до сих пор обнаруживается глубокая художественная традиция народа. В работе используются главным образом материалы экспедиций, совершенных автором в Коми-Пермяцкий национальный округ в течение 1959—1966 гг., а также имеющиеся литературные данные.

Архитектурные особенности пермяцкой деревни прошлого века обращали на себя внимание многих исследователей. Еще в 1940-е гг. внешний облик коми-пермяцкой деревни не отличался от описанного А. Сыропятовым в 1924 г.: «Охлупни и коньки пользуются широкой распространенностью в нашем крае. Чем дальше от города, от больших проезжих дорог, тем их больше. Особенно много их в черте пермяцкой оседлости. Редкая изба там, редкий амбар не имеют охлупня и коньков... общий ансамбль пока еще не отжившей в нашем крае старины создается не одними охлупнями, охлупни лишь завершают впечатление, которое получается от всего характера построек с волоковыми окнами, дымынками, старинной формы крыльцами, взвозами, деревянными резными птицами на высоких шестах...»⁸.

Основным украшением, бросавшемся в глаза всякому приезжему, являлись *охлупни* или *коньки*, возвышающиеся над постройками, и *курицы*, поддерживающие желоба, в которые упирались тесины крыши. И охлупни, и курицы обычно скульптурно обрабатывались. Они не раз были описаны в литературе. И. Н. Смирнов в своей книге «Пермяки» писал: «Двускатная крыша укреплена шеломом, конец которого обработан в виде конской головы с чудовищно-непропорциональной грудью. Это — охлупень. Самые лучшие образцы его можно видеть в Архангельской и Верх-Юсинской волостях. На обработку конька Пермяк кладет всю свою изобретательность. Один придает голове какой-то придаток в виде рога, долженствующий заменять ухо, другой просверливает глаз, третий тщательно обрабатывает морду и глубоко перерезывает рот. Мотив конька применяется не исключительно для шелома. Застрежи пермяцких изб поддерживаются рядом уключин, концы которых также обработаны в виде конской головы и кроме того — в Чердынском уезде — разрисованы ломаными линиями и точками при помощи дегтя»⁹.

Другие исследователи отмечали некоторое разнообразие в скульптурно обработанных охлупнях. Так, в очерке «Пермяки», автором которого, очевидно, был В. П. Налимов, сообщается следующее: «Пермяцкие избы... старомодные покрыты двускатной крышей, укрепленной шеломом, конец которого обработан в виде конской головы с сильно развитой грудью, напоминающей зоб птицы. Такое сочетание не случайно; пермяк намеренно придает таким изображениям смешанные черты лошади и птицы; иногда он изображает лебедя или утку с ушами лошади»¹⁰. Почти то же самое сообщается в книге «Россия», изданной под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шаньского: «Избы пермяков напоминают русские, отличаясь значительной высотой и характерным коньком-охлупнем. на двускатной крыше, представляющем толстое бревно лицевой обрубок которого отделан в виде гуся или другой какой-нибудь птицы»¹¹. А. Сыропятов, обследовавший деревни с постройками старого типа, в охлупнях видел не изображения каких-либо реальных животных или птиц, а находил в них «... общие черты сходства с теми баснословными существами, которых породила народная фантазия и которые составляют элементы известного звериного или чудовищного стиля»¹². Исходя из этого положения он разбил виденные им формы охлупней на пять типов — не по сходству изображения, а скорее по технике исполнения и чисто внешним признакам; выпяченная грудь, удлиненная шея, большая голова и т. д.¹³ Именно поэтому все «курицы», т. е. резные изображения на концах уключин, оказываются «менее разнообразными, чем коньки охлупней» и включаются А. Сыропятовым в одну группу.

В наше время сохранились единичные экземпляры охлупней. Мною зафиксированы они лишь в деревнях Чураки, Пуксиб Косинского района; Пелым, Дема, Воробьево, Большая Коча, Бажова Кочевского района. В большинстве же деревень остались только воспоминания о них. Однако почти в каждой из деревень северных районов Коми-Пермяцкого круга пока можно обнаружить большое число резных куриц. И если сохранившиеся охлупни представляют собой не что иное, как пластические изображения головы коня, то в курицах мы до сих пор находим то разнообразие зооморфных скульптур, которое в XIX — начале XX в. было характерно для охлупней. Нельзя все фигуры

⁸ А. Сыропятов, Указ. раб., стр. 13.

⁹ И. Н. Смирнов, Указ. раб., стр. 193—194.

¹⁰ «Великая Россия», т. II, Юрьев, 1912, стр. 176.

¹¹ «Россия. Полное географическое описание», т. V, стр. 223.

¹² А. Сыропятов, Указ. раб., стр. 9.

¹³ Там же, стр. 12—13.

на курицах отнести к одному типу изображений, ибо многие из них являются вполне реалистическими воспроизведениями отдельных видов птиц и животных. На наш взгляд, все изображения на охлупнях и курицах можно отнести к четырем группам: 1) изображения конских и лосиных голов; 2) изображения птичьих голов; 3) изображения смешанными чертами (конь-птица, лось-птица); 4) прочие изображения.

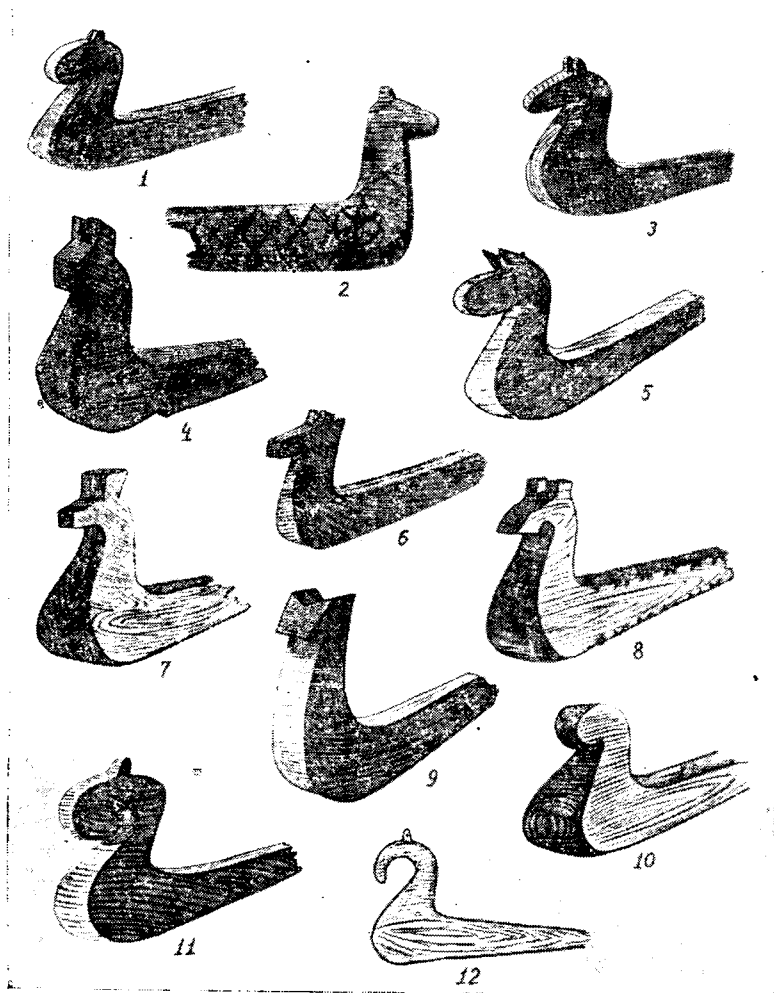

Рис. 1. Изображения коня и лося на уключинах сельских построек коми-пермяков в конце XIX — первой половине XX в.: 1, 5, 6, 10 — из с. Б. Коча; 2, 11 — из д. Бажова; 3, 4, 12 — из д. Сизова; 7, 8, 9 — из с. Пелым. Рисунки А. Мошева и И. Паршукова

Охлупни и курицы с изображением конских голов надо признать наиболее распространенными. Правда, художественная трактовка их довольно различна, она варьирует от вполне реалистических (рис. 1, 1, 2, 3, 5; рис. 3, 3, 4) до весьма условных, грубо стилизованных изображений (рис. 1, 4, 6, 7, 9). К этой же группе можно отнести и изображения головы самки лося, которая отличается от коней утолщенной округлой мордой (рис. 1, 8, 11; рис. 3, 6, 7). Мотив коня и лося в изобразительном искусстве Прикамья и Приуралья известен с древнейших времен. Деревянные скульптурные изображения головы лося (самки) есть среди находок из Горбуновского тор-

фяника на восточном склоне Урала¹⁴ и из Висского торфяника близ оз. Синдор в Коми АССР¹⁵ (VII—II тыс. до н. э.). Позже в металлических «шаманских» изображениях Ломоватовской (IV—VIII вв.) и последующих культур часто встречаются многочисленные изображения лося. По всем данным, в те времена лось играл огромную роль в

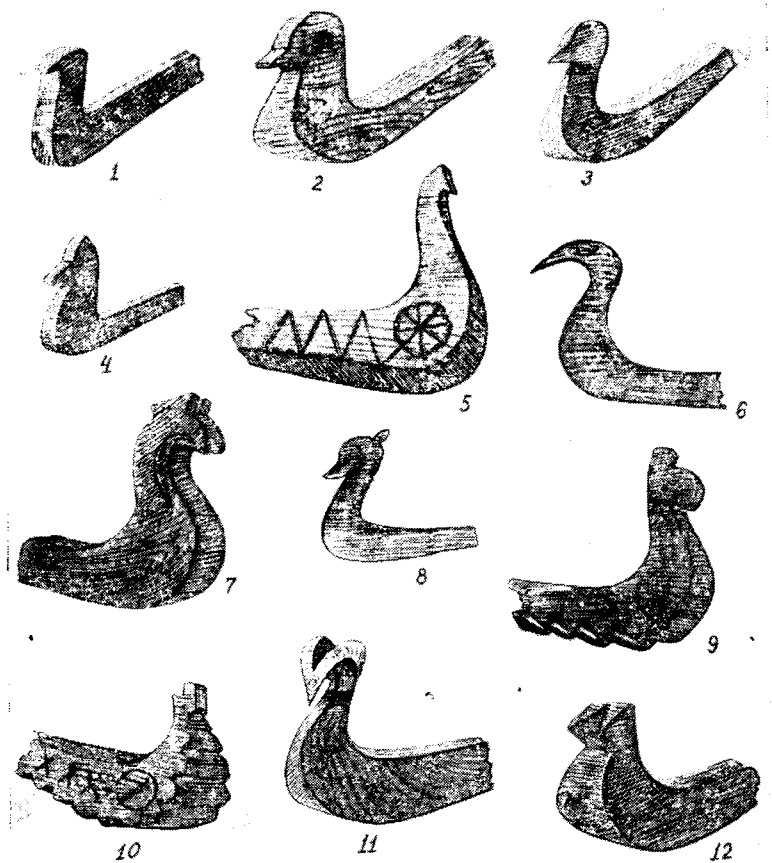

Рис. 2. Изображения птиц на уключинах сельских построек коми-пермяков в конце XIX — первой половине XX в.: 1, 5, 7 — из д. Сизова; 3, 8, 11 — из д. Отопоково; 2 — из с. М. Коча; 4 — из с. Пельым; 6 — из д. Воробьево; 9, 10, 12 — из д. Бажова. Рисунки А. Мошева и И. Паршукова

жизни древних насельников лесного Приуралья и поэтому ему отводилось значительное место в мифологии и искусстве, связанном с религиозными представлениями. Не менее видная роль с древнейших времен отводилась коню и его изображению. Впоследствии, очевидно, во многих случаях конь заменил лося, вот почему, как и в металлических изображениях I тысячелетия н. э., в современных резных скульптурных «коньках» наряду с лосем и конем встречается смешанный образ, сочетающий черты и коня и лося.

Весьма разнообразны изображения птиц. Здесь и водоплавающие — утка (рис. 2, 4), гусь (рис. 2, 6) и другие пернатые — голубь (рис. 2, 2), петух (рис. 2, 7), курица (рис. 2, 5), наконец — птица с хищным загнутым клювом, напоминающая фантастиче-

¹⁴ См. Д. Н. Эдинг, Идолы Горбуновского торфяника, «Сов. археология», вып. IV, М.—Л., 1934; его же, Резная скульптура Урала, «Труды Гос. Исторического музея», вып. X, М., 1940.

¹⁵ Г. М. Буров, Археологические находки в старинных торфяниках в бассейне Вычегды, «Сов. археология», № 1, 1966, стр. 167.

ского грифона (рис. 2, 9), столь хорошо известного в изобразительном искусстве скифо-сарматов и прикамских племен на рубеже старой и новой эры.

Иногда курицы оформлены в виде фигуры со смешанными чертами коня-птицы (рис. 1, 9), лося-птицы (рис. 1, 11, 12; рис. 3, 7), птиц с ушами или двумя параллельными гребнями вместо ушей (рис. 2, 7, 8, 9), некоторые из них даны в совершенно

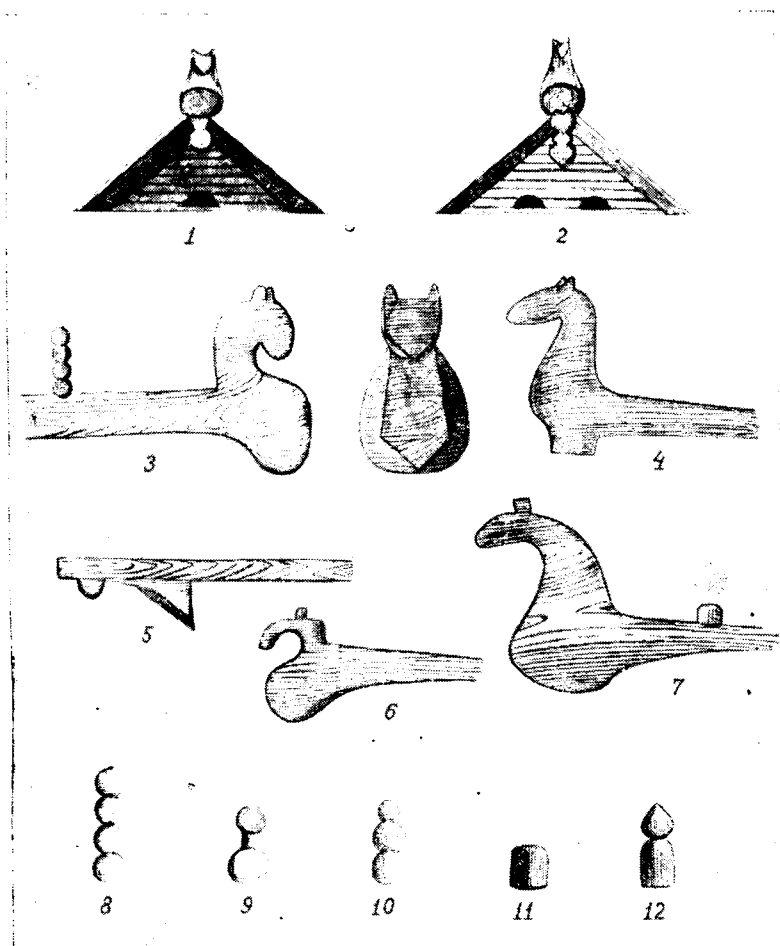

Рис. 3. Резные охлупни и стамики на крышах домов конца XIX — первой половины XX в.: 1, 3, 8 — из с. Б. Коча; 2, 4 — из с. Пельым; 5 — из с. Коса; 6, 10 — из д. Воробьево; 7, 11, 12 — из д. Дема; 9 — из д. Дзельгорт. Рисуники А. Мошева и И. Паршукова

абстрактной, ирреалистической трактовке. Встречаются изображения, похожие на барана с огромными загнутыми рогами, на змеиную голову (рис. 2, 11), двуглавые кони и птицы (рис. 2, 12); А. Сыропятов описал также охлупни с тремя отростками¹⁶ (возможно, трехглавые существа) и т. д.

Такое многообразие зооморфных пластических изображений коми-пермяков вполне объяснимо определенной традицией в искусстве Прикамья: сохранением того «звериного стиля», который возник еще в неолите и расцвел в период Ломоватовской культуры. В металлических бляшках того времени имеется немало изображений со смешанными чертами различных животных, птице-зверей, многоглавых фантастических животных и птиц¹⁷.

¹⁶ А. Сыропятов, Указ. раб., стр. 10, 13.

¹⁷ См. А. А. Спицын, Древности Камской Чуды по коллекции Теплоуховых, СПб., 1902.

Можно привести некоторые аналогии. Широко известны так называемые коньковые подвески. Особенно много их находят в Прикамье. Такая подвеска обычно состоит из плоской бляшки с контурным изображением двух конских голов, направленных в разные стороны, между головами нередко обнаруживается изображение человека. К нижней части бляшки подвешивались на цепочках различные звенящие украшения в виде утиных (гусиных) лапок, копыт коня или лося или полые бубенчики. Такая подвеска довольно точно воспроизводилась народным зодчим при создании украшений кровли еще в начале этого века. Только вместо лапок или копыт, служивших, очевидно, символами животных, здесь мы видим скульптурные изображения самих животных. Ярким

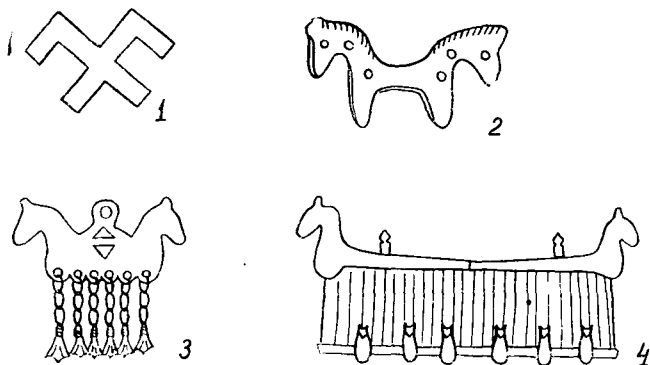

Рис. 4. Мотив конских головок в изобразительном искусстве коми-пермяков: 1 — элемент орнамента «катша кок» (сорочья лапка); 2 — литая полая металлическая фигурка, Прикамье, VIII—IX вв.; 3 — коньковидная подвеска; Прикамье, VIII—IX вв.; 4 — схематическое изображение крыши, украшенной резными охлупнями, стамиками и курицами.

Рисунки автора

примером этому служит реконструкция кровли дома Е. И. Голубчиковой из с. Б. Коча. Дом состоит из двух жилых изб, разделенных сенями. Обе избы некогда были покрыты двускатными крышами, так, что одна служила продолжением другой. Обе были увенчаны с торцовых сторон охлупнями, изображающими головы коней. Между ними вдоль всего князевого бревна красовалось несколько стамиков (дзуль), — резных столбиков, отдаленно напоминающих изображения человеческих фигур. Ближний к конской голове стамик весьма походил на всадника. Снизу кровля поддерживалась целой дюжиной куриц, изображающих также конеподобных существ. Более того, каждая из причелин книзу завершалась довольно несложной резьбой из пяти удлиненных ромбиков, напоминающих лист ивы. Такую резьбу на причелинах мне удалось сфотографировать в д. Чураки Косинского района. Эта небольшая деталь резьбы несла, оказывается, существенную смысловую нагрузку. Причелины называются на коми-пермяцком языке борддз — крылья, удлиненные ромбики на концах их изображают перья этих крыльев (борддз — крылья, удлиненные ромбики на концах их изображают перья этих крыльев (борддз — крылья, удлиненные ромбики на концах их изображают перья этих крыльев). Таким образом, причелины представляли собой крылья коня-охлупня (борддз — крылья, удлиненные ромбики на концах их изображают перья этих крыльев). Хозяйка дома сообщила, что точно такой же охлупень и крылья находились и с противоположной торцовой стороны дома. «А конь-то ведь крылат был», — заявила она, однако ничего, что могло бы объяснить причины такого явления, вспомнить не могла. Сравнивая эту реконструированную крышу¹⁸ с коньковой подвеской с помощью схематического изображения обеих (рис. 4, 3, 4), находим между ними много общего. Надо полагать, что гусиным лапкам на подвесках соответствовали уклочины с изображениями птиц, конским копытам — изображения конских головок, лосиным копытам — лосиные головы и т. д. Однако не исключено и смешение, ибо, как мы только что видели, охлупню-коню намеренно придавались признаки пернатых — крылья.

Во всем этом мы видим явное повторение художественной композиции, дошедшей до нас с древних времен. То же самое можно сказать и о многих других изобразительных мотивах, известных как в археологических находках, так и в деревянном зодчестве коми-пермяков. Этот же мотив двух конских головок, повернутых в разные стороны, весьма распространен как орнамент, — в прорезной архитектурной резьбе, резьбе на утвари, в узорном ткачестве и вязании. Говорить о том, что мотив взят от северных

¹⁸ Такие крыши в прошлом, очевидно, были обычными, что видно хотя бы из описания А. Сыропятова, см. указ. раб., стр. 10.

великорусов (как полагали Сыропятов и другие исследователи), нет никаких оснований, ибо местные археологические находки дают прекрасный материал для сравнения. Он известен в металлических подвесках и керамике I тысячелетия, более того — уходи корнями в III—II тысячелетия до н. э. (Горбуновский торфяник)¹⁹.

То же самое можно сказать и об изображениях птиц. Мотив птицы, в особенности водоплавающей (утка, гусь, лебедь), также очень древний. Он уже весьма распространен в неолите Урала (находки пластических деревянных изображений и орнамент

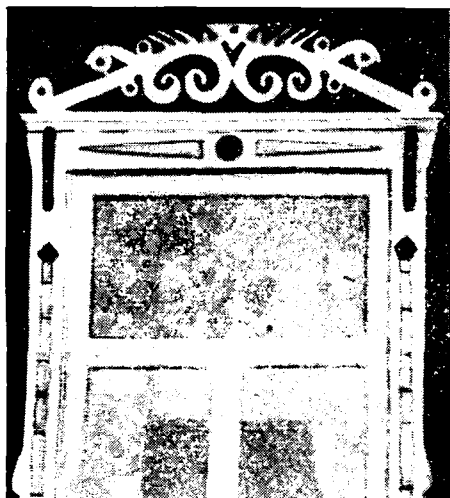

Рис. 5. Наличник из г. Кудымкар.
Фото автора, 1966 г.

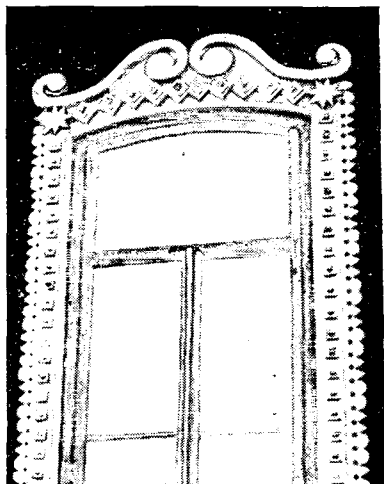

Рис. 6. Наличник из с. Коса.
Фото автора, 1964 г.

«утка» на керамике в Горбуновском торфянике²⁰) и, не исчезая по склонам Урала, очевидно, во все последующие эпохи, через тысячелетия дошел до нашего времени. Коми-пермяцкие изображения водоплавающей птицы не ограничиваются только охлупнями и курицами. Известны небольшие деревянные скульптуры птиц, устанавливавшиеся на шестах в качестве флюгеров. Мотив птицы используется также в накладной резьбе на наличниках, в резьбе бытовой утвари (резные утки-солонки, ковши) и т. д.

Что касается смешанных зооморфных типов, то они более всего перекликаются с таковыми на металлических бляшках Ломоватовского времени, на которых имеется немало изображений птицы-человека, лося-человека, коня-лося, лося-утки, двуглавых существ и т. п. На наш взгляд в этих изображениях отразилось былое поклонение людей определенным животным и птицам. Очевидно в древности животные и птицы являлись тотемами отдельных родов или племенных группировок, как это наблюдалось до недавнего времени у хантов и манси. По описанию В. Н. Чернецова, изображение зайца на доме символизировало принадлежность людей этого дома к фратрии мощ²¹. В коми-пермяцком фольклоре, некоторых обрядах и обычаях есть немало отголосков представлений о людях-зверях, людях-птицах, очевидно, к первобытному тотемизму и обожествлению сил природы, но, к сожалению, в краткой статье невозможно привести их.

До сих пор мы говорили в основном о пластических изображениях. Кратко остановимся на других архитектурных украшениях, имевших место как в зодчестве прошлого и начала этого века, так и в наши дни. С давних времен коми-пермякам была известна контурная и прорезная резьба, а также весьма простой способ резьбы насечкой. Так, боковые грани некоторых уключин украшались нарезным орнаментом в виде косых крестов, зигзага или сетки, а также изображениями солярного круга (рис. 1, 2; рис. 2, 5, 9, 10).

¹⁹ Д. Н. Эдинг, Горбуновский торфяник, «Материалы по изучению Тагильского округа», вып. 3, полумот I, Тагил, 1929, табл. № 8, 45.

²⁰ Д. Н. Эдинг, Горбуновский торфяник; его же. Резная скульптура Урала.

²¹ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство обско-угорского общества, «Сов. этнография», 1939, II, стр. 31.

Обычным украшением крыши являлись различной формы стамики: это — или круглый столбик с конусообразным навершием, столбик с шаром наверху или два — четыре шара, как бы наложенных друг на друга (рис. 3, 8—12). Нередко они напоминают фигуру человека (рис. 3, 10). Число стамиков варьирует от одного до трех над одной половиной дома.

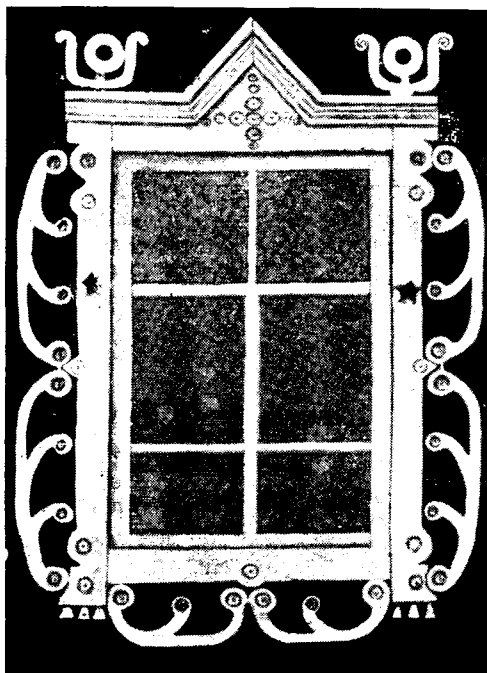

Рис. 7. Наличник из Косинского р-на.
Фото автора, 1965 г.

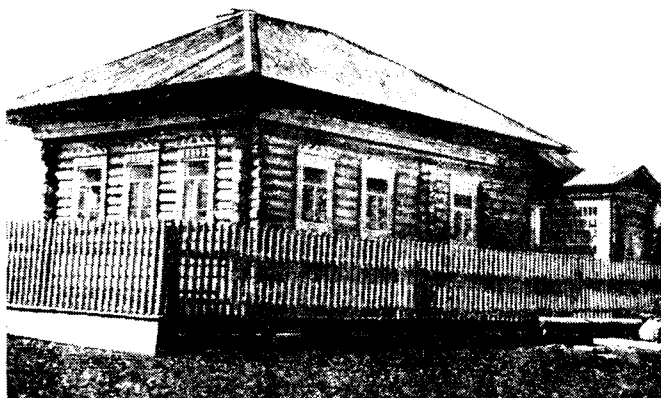

Рис. 8. Современный жилой дом, с. Верх-Иньва, Кудымкарского р-на. Фото автора, 1964 г.

Концы потоков (желобов), кронштейны, а также столбы, поддерживающие крыши крылец и амбаров (со стороны входа), обычно украшались рельефной резьбой, иногда в сочетании с нарезным орнаментом и с обозначением даты постройки дома и инициалов владельца.

Причелины крыш часто украшались и украшаются пропиловочной резьбой вдоль нижнего края, однако на наиболее старых постройках резьбой покрывались лишь нижние концы причелин. Весьма разнообразной и в настоящее время более распространенной является резьба на наличниках окон.

Конь, птица, стилизованные лосиные рога (обычно попарно) изображались и до сих пор нередко изображаются на наличниках окон в сочетании с тем или иным пропиловочным и накладным орнаментом (рис. 5, 6, 7).

В. Н. Белицер, описывая декоративные украшения построек у коми, приходит к выводу, что у коми-пермяков был более развит пропиловочный и нарезной геометрический орнамент, а у коми-зырян — зооморфные мотивы: вырезанные стилизованные птицы и животные, чаще всего конские головы и птицы²². Надо полагать, что скульптурное пластическое декорирование было наиболее древним и оно не могло не отразиться в пропиловочной резьбе на первых этапах ее появления (вместе с появлением пилы). Вот откуда сохранение зооморфных мотивов на наличниках. Они были и сейчас есть и у коми-пермяков, но, очевидно, в меньшем количестве, чем геометрическая орнаментация.

Типично местными мотивами резьбы на наличниках являются «лосиные рога» (рис. 8), «сорочья лапка», солярные знаки (круг, розетка, ромб с крестом) и др. Городковую резьбу, состоящую из треугольных и многоступенчатых зубцов, полукругов и полуovalов, орнамент в виде сердечка, розетки с изображением цветка и солярного круга, крестообразные фигуры можно также считать местными. Все они имеют аналогии в местных исторических памятниках.

Орнамент растительный, витой, спиралеобразный, а также элементы упрощенного народного ампира, барокко и классицизма заимствованы, видимо, от приезжих или местных русских мастеров, гораздо теснее связанных с городом, чем мастера коми-пермяки.

Характерно для коми-пермяцкого села слабое распространение глухой резьбы; исключение составляют редкие экземпляры долбленых геометрических узоров на наличниках и столбах ворот и крылец — по типу трехгранной выемчатой резьбы на деревянной утвари.

В настоящее время все большее развитие получают пропиловочная и накладная резьба на наличниках, карнизах, фронтонах домов. Наряду с сохранением традиционных форм орнаментации появляются новые: солнечный диск с отходящими от него лучами, пятиконечные звезды, птицы — голуби, в трактовке, очень близкой к современной плакатной и т. д. Весьма широко пользуются раскраской не только наличников, но и карнизов, причелин. Дом красится в один цвет, а орнамент — в другой или в несколько цветов. Орнаментация становится проще, изящней. Это объясняется не столько стремлением удешевить постройку, сколько исчезновением старых канонов, которые, в свою очередь, были обусловлены и определенной смысловой символикой, и старыми приемами резьбы. В наше время хотя еще сохраняются (и даже иногда в традиционной трактовке) и коньки, и птицы, они представляют собой уже не более, чем орнамент, украшение, произведенное в чисто эстетических целях. Именно поэтому мы можем встретить двух традиционных птиц и пятиконечную звезду в одной композиции. Происходит творческое переосмысление традиционных элементов в современном искусстве.

²² В. Н. Белицер, Очерки по этнографии народов коми, стр. 212.

К. В. Вяткина

КУЛЬТ КОНЯ У МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Лошадь, а в отдельных случаях баран, занимали существенное место в культе животных не только у монголов, но и у других народов, главным образом кочевников.

Разведение лошадей и овец издавна имело первостепенное значение в кочевом хозяйстве скотоводов Центральной Азии. Этих животных можно было содержать на подножных кормах в течение круглого года. Передвижение на лошади способствовало большой подвижности кочевого хозяйства, быстрому перемещению кочевника с одного места на другое во всех необходимых случаях — при перекочевках, спасении от нападения врага и грабительских набегов, стихийных бедствий и т. д.

Лошадь давала кочевнику и пищу: мясо, молоко для кумыса; кожа ее использовалась для изготовления обуви и ремней, хозяйственных сосудов и т. п. Лошадь обязательно входила в уплату калыма за невесту.

Как находки лошади при археологических раскопках, так и значительное место, отводимое ей в быту и культуре различных народов Центральной Азии, свидетельствуют о распространении лошади на этой территории с весьма древних времен. Многочисленные археологические находки статуэток лошади и сопогребений ее с человеком¹, а также этнографические материалы о культе коня у разных народов Центральной Азии дают основание предполагать отражение в этом культе глубоких пережитков, связанных с ранними этапами развития человеческого общества. Археологические памятники позволяют сделать заключение о том, что кочевое скотоводство, как способ производства материальных благ, наиболее отчетливо выступает в Азии к концу II — началу I тысячелетия до н. э. Кочевому скотоводству предшествовало приручение и первоначальное разведение домашнего скота, в том числе и лошади.

По данным монгольских исторических документов видно, что лошадь у монгольских народов была объектом почитания с давних времен. Так, из колофонов Чойджи Одзера (своего рода исторических комментариев начала XIV в.) узнаем, что Чингисхан повелевал чтить главу рыжих кобылиц, именуемую Чингир-хада, отчего якобы и всем мире и нарекли его Чингис-ханом².

Буряты, принадлежавшие к ясу (кости) Буин Ашебагатского рода, вели свое происхождение от жеребца рыжей масти³. Родовые традиции, связанные с особым отношением к лошади, можно проследить и по другим материалам.

У унгинских бурят, например, по описанию М. Н. Хангалова, существенное значение имела коллективная стрижка гривы и хвостов у лошадей в весеннее время. Для этой цели приглашались все соседи, иногда стрижка производилась всем улусом, для чего собравшиеся по очереди обходили за один день все хозяйства. При стрижке совершали обряд приношения белых волос и мяса лошади огню, а также брызгали тарасуном (водкой из молочных продуктов) по сторонам света. После этого устраивалось общее празднество⁴. Здесь со всей очевидностью выступают древние родовые традиции, связанные с лошадью.

Важно отметить, что по представлениям монголов скот делился на две категории: «халун хошу мал» — букв. «горячим дыханием (носом)» и «хитен (хуйтен) хошу

¹ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951; С. И. Руденко, Горноалтайские находки в скифское время, М.—Л., 1952, и др.

² С. А. Козин, Общая характеристика свода монгольского эпоса о Гесере, «Изв. АН СССР», отд. литературы и языка, т. V, вып. 3, М., 1946, стр. 177.

³ Ю. Д. Талько-Гринцевич, Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии, вып. 1, Л., 1926, стр. 7.

⁴ М. Н. Хангалов, Молочное хозяйство у бурят, «Изв. Восточно-Сибирского отд. РГО», т. XXXI, 1900, № 1—2, стр. 148.

мал» — «с холодным дыханием». В переносном смысле слово халун означает «близкий друг». Скот с «горячим дыханием», к которому относятся лошади и бараны, ценится выше. Их мясо считается полезным, «согревающим»⁵. Верблюды, козы и крупный рогатый скот обладают «холодным дыханием», мясо их признано «охлаждающим», мало полезным для человеческого организма; больным никогда не дают мяса этих животных. Термин «халун амитан» — букв. «горячее животное» — встречается и у бурят для наименования лошадей и баранов. Этот же термин «халу» или «халун» в значении «теплый», «свой» у бурят обозначает близких родственников, с которыми по законам экзогамии брак не допускался⁶.

Бурятский ученый И. М. Манжигеев, описывая янгутский род, указывает, что еще незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции среди местных бурят были обоготворяемые сородичи, называвшиеся по-бурятски «халуунай», т. е. «свой», «единоутробный». Каждый род — «ураг» — имел своего халуунай, в честь которого устраивались общественные «хуудал тайлга» и индивидуальные жертвоприношения⁷.

Термин «халу», «халун» (горячий, теплый единоутробный), прилагаемый как к близким сородичам, так и к лошади и барану, отражает древние традиции, связанные с представлением о кровном родстве сородичей с этими животными. Во время этнографических исследований в Монгольской Народной Республике мы часто встречали черепа лошадей на обо — культовых насыпях из камней на вершинах бывших родовых гор. По словам стариков халха-монголов, череп лошади, положенный на высоком месте, указывает на захоронение близкого, почетного человека.

В китайском сочинении «Записки о монгольских кочевьях» говорится: «При жертвоприношениях у киданей, совершавшихся при начале каждой войны, а также весной и осенью, употреблялась белая лошадь и черная корова, дабы сим показать, что они (кидане) не забыли о своем происхождении»⁸. Если учесть, что, по исследованиям В. С. Старикова и В. М. Надеяева, монгольский этнический пласт в числе прочих компонентов у киданей играл значительную роль⁹, то упоминание о жертвоприношении белой лошади, связанной с происхождением киданей, можно, вероятно, отнести к сведениям о предках монголов и о тотемистическом характере этих представлений¹⁰.

Огромное внимание, уделяемое лошади, особенно наглядно выступает в различных народных обрядах и поверьях. При исполнении старых свадебных обрядов у дербетов имел важное значение, по рассказам информаторов, момент оплаты «эхин су» — букв. молока матери, когда мать невесты обязательно одаривалась лошастью со стороны жениха. Это вознаграждение лошадью за материнское молоко является, возможно, отголоском древних представлений о лошади как предке рода.

Заслуживает внимания бурятский обряд «милангут», сохранявшийся до начала XX в., в котором важная роль отводилась пожилым женщинам и лошади. Милангут совершался через год после рождения ребенка (обычно первенца). У западных бурят он происходил так. собирались сородичи и разбрызгивали тарасун, принося его в жертву высшим и добрым духам. Отец ребенка заготавливал угощение и пригонял табун лошадей. Главными распорядителями и участниками праздника были женщины. Они выбирали из табуна кобылицу, ловили и резали ее сами без участия мужчин. Сваренное мясо и «саламат» (мuku, прожаренную в сметане) родичи делили между собой и часть ее уносили домой. Старухам и гостям давали подарки от имени ребенка. К концу праздника женщины ставили у дверей караул из старух, которые должны были не выпускать из юрты никого, особенно мужчин. Женщины делали смесь из саж и масла и ею мазали лицо и тело отца, а затем и всех мужчин, в первую очередь женатых, но бездетных. После этого обряда ребенок становился равноправным членом ро-

⁵ См. К. В. Вяткина, Монголы Монгольской Народной Республики, «Восточно-азиатский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LX, М. — Л., 1960, стр. 165—166.

⁶ Б. Э. Петри, Брачные нормы у северных бурят, Иркутск, 1924, стр. 5.

⁷ И. М. Манжигеев, Янгутский бурятский род, Улан-Удэ, 1960, стр. 188.

⁸ «Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях». Пер. с китайского, П. С. Попова (далее: Мэн-гу-ю-му-цзи), СПб., 1895, стр. 267.

⁹ См. В. С. Стариков и В. М. Надеяев, Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма, М., 1964, стр. 23.

¹⁰ Почитание черной коровы как предка возможно связано с тотемистическим предком тюркских народов. Например, огузы, в этнической истории которых отмечаются компоненты монгольские и тюркские, почитали быка. Буряты-эхириты, одним из этнических компонентов которых являются ойраты, также до самого начала XX в. почитали быка — Буха-нойна.

Г. И. Рамstedт, анализируя слово «ойрат», отождествлял его с древнетюркским названием «огуз» (см. Г. И. Рамstedт, Этимология имени ойрат. Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина, СПб., 1909, стр. 557).

да¹¹. Существенную роль при совершении милангута играли подарки со стороны отца ребенка, прежде всего подарки пожилым женщинам. На наш взгляд, в этом обряде проявляются пережитки выкупа ребенка родом отца у рода матери. Обращает внимание и потребление мяса лошади (кобылицы), которая, как мы уже говорили, осмыслилась, возможно, тотемным животным. Показательно, что у тункинских и некоторых других бурят калым обозначался словом «адуун» («басагани адуун») — букв. «табун кобылиц с жеребцом во главе». Роль лошади подчеркивается у монголов и при «анда» — побратимстве. Так например, в «Сокровенном сказании» говорится, что когда Темучин опоясал при побратимстве Чжамуху золотым поясом и подарил кобылу, то Чжамуча одарил Темучина также лошастью¹².

Представление о связи человека с тотемом находит отражение в идее их взаимной магической зависимости¹³. Конь в эпосе монгольских народов, в том числе у бурят, падался способностью мыслить, советовать, предупреждать и спасать человека от опасности. В свою очередь, человек путем различных церемоний и жертвоприношений тотема старался якобы воздействовать через него на божество в целях умножения священных богатств и достижения благополучия. Если у северных бурят в семье заболел кто-нибудь, или если нужно было умиротворить одно из божеств, то устраивали обряд «кырык», во время которого шаман приносил в жертву определенное число лошадей или баранов (быков и коров в жертву никогда не приносили).

Для варки жертвенного мяса и сжигания костей обязательно разводился семейный (родовой) огонь, который переносился на место кырыка при помощи головешки или сухого помета¹⁴.

Приношение в жертву лошади, а в отдельных случаях и барана во время шаманского обряда «тайлга» у бурят и древних монголов осуществлялось близкими родственниками и отражало представление о животном как о сородиче и живом воплощении своего тотема.

Каждый член рода, поев мяса жертвенного коня или барана, якобы укреплял свою магическую связь с тотемом, приобретал его свойства. Нужно отметить, что в повседневном быту монголы лишь в крайних случаях употребляли в пищу мясо лошади. Однако при исполнении некоторых обрядов, например во время обряда тайлги, как у бурят, так и у алтайцев мясо принесенного в жертву коня обязательно делилось между всеми сородичами.

Небезынтересно отметить встретившийся нам в легендах, записанных в восточной части МНР, культ «небесных коней». Этот культ, как указывает С. П. Толстов, нашел отражение в сведениях о верованиях народов Средней Азии Кангюйско-Кушанского периода, о чем свидетельствуют китайские источники. Упоминания об этом культе встречаем уже в Шицзи и Цяньхань-шу в отчете о путешествии Чжан Цяня. От «небесных коней» информаторы Чжан Цяня вели происхождение знаменитых ферганских «потокровных лошадей», бывших причиной первых китайских походов на Фергану в конце II в. до н. э.¹⁵

В бурятском эпосе конь героя всегда спускается с неба или рождается по повелению богов¹⁶. В легенде, записанной нами в 1949 г. в Мөнгөн морито сомоне Центрального аймака МНР, говорится о двух небесных девах, у которых родились сыновья, очень похожие друг на друга. С неба к ним спустились две лошади в полном снаряжении: золотая лошадь старшему брату и серебряная — младшему.

Сам сомон, именуемый «Мөнгөн морито», букв. «сомон, имеющий серебряную лошадь», находится у подножия горы того же названия, весьма почитавшейся ранее населением.

Мотив обитания небесных коней на священных горах не нов для Центральной Азии, например в «Таншу» (VII—VIII вв. н. э.) в рассказе о Тухоло (Тохаристане) имеются сведения о небесном коне, жившем якобы на южном склоне горы Поли. Жители пастби у этой горы кобылиц, от которых и родились драгоценные, «потокровные» лошади¹⁷.

Следует обратить внимание на слово мөнгө или мөнгөн — серебро, серебряный. В «Записках о монгольских кочевьях» говорится, что ньюн-чи, бывшие соперниками до-

¹¹ М. Хангалов, Валаганский сборник, «Труды Восточно-Сибирского отд. РГО», т. V, 1903, стр. 248; см. также: «Изд. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», серия II, 1913, № 2, стр. 95.

¹² С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941, стр. 106.

¹³ С. А. Токарев, Религия в истории народов мира, М., 1964, стр. 28—29.

¹⁴ Б. Э. Петри, Элементы родовой связи у северных бурят, Иркутск, 1924, стр. 12.

¹⁵ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 303.

¹⁶ Г. Д. Санжеев, Эпос северных бурят. Аламжи Мэргэн. Бурятский эпос, М.—Л., 1936, стр. XIII.

¹⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 321.

ма Ляо, дали своей династии название Цзинь — золото, а дада, связываемые источниками с представителями монгольских народов приняли для своего дома имя Мэн-гу, что значит серебро¹⁸. Учитывая большую роль лошади в культе монгольских народов и связь его с тотемистическими представлениями, становится понятным и почитание священной горы Мэнгөн морито ула, на которой якобы обитает сесэбрияная лошадь.

Особое отношение к лошади нашло отражение и в материальной культуре. Так, у бурят наряду с обычной конювязью были «сэргэ» — столбы конювязей, священные, по представлению бурят. Считалось, что от них зависело счастье дома. Сэрге имели большей частью форму трех округлых головок, возвышающихся одна над другой; конец верхней был заострен. На месте их соединения делались зарубки, за которые привязывались лошади. Сэрге ставили или при свадьбах, или в память шамана, или посвящали духу-покровителю. В последнем случае они назывались «бариса». Проезжая мимо сэрге, буряты останавливались, произносили молитву, брызгали вином, оставляли здесь табак и другие предметы. Конювязи эти сохранились очень долго, часто их можно было встретить одиноко стоящими в степи на том месте, где раньше была юрта или усадьба.

В дальнейшем конювязь ставилась лишь в случае свадьбы родными невесты, и по числу конювязей можно было судить о числе выданных дочерей. Приехавший сват привязывал своего коня ко второй зарубке, простые смертные — к нижней зарубке, а к верхней привязывали, якобы, своих невидимых коней духи и божества, присутствовавшие на торжестве¹⁹.

Ножкам деревянной посуды, коробок, почетным вешалкам в юрте, на которые вешалось оружие, буряты придавали форму голов, ног, копыт лошади²⁰, осмысливавшихся не как просто лошадиные, а обязательно кобыльи, в чем, возможно, отражалось представление о кобылице как родоначальнице.

У всех монгольских народов были окружены почетом и ремесла, связанные с лошастью: выделка потников, изготовление и орнаментация сбруи и др. Любопытно, что у монголов и бурят покроя обшлага — «нудрага» на рукавах старой мужской и женской одежды имел форму конского копыта. В современном монгольско-русском словаре «туррай» означает не только копыто, но одновременно обшлаг или отворот²¹.

У западных бурят, как мы выяснили во время работы в Бурятии, невеста, переезжая в дом жениха, должна была вместе с «хэгэньком» (стрелохранилищем) привозить еще «дэрэ» — подушку, изготовленную обязательно из лапок барана или жеребенка.

Почитание лошади нашло отражение и в предметах шаманского культа. Так например, «морин хорбо» — конная трость (жест), заменявшая у бурятских шаманов бубен, всегда имела на верхнем конце изображение лошадиной головы. По народным представлениям, эта трость была конем — другом и советчиком, на котором шаман во время камлания якобы поднимался на небо, высокие горы и т. д.

Следует сказать и о широко распространенном у монгольских народов «морин хуре» — струнным музыкальным инструменте, увенчанном резным изображением одной или нескольких конских голов. Он обычно был неотъемлемой принадлежностью народных певцов, и сказителей былин.

Число примеров, связанных с особым отношением монгольских народов к лошади, можно было бы увеличить, однако и в тех, что приведены, достаточно убедительно вырисовывается культ лошади. Комплекс верований, связанных с ритуалом жертвоприношений лошади, встречается у многих народов Азии.

С. П. Толстов, отмечая многочисленность находок статуэток животных (первое место среди которых занимает лошадь) на городищах античного Хорезма, указывает, что это достовернее всего может быть разъяснено в свете тогемнистических верований в быту древних хорезмийцев²².

В настоящей работе мы не рассматриваем аналогичные материалы по тюркским народам. Между тем и у этих народов прослеживается ярко выраженное особое отношение к лошади, а в отдельных случаях и к барану.

Например, большой интерес представляет сходство некоторых шаманских обрядов у южных алтайцев и бурят, многие элементы которых восходят к глубокой древности. Рассмотрим обряд тайлга, сохранявшийся вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции у западных бурят и у южных алтайцев. Под термином «тайлга» или «тайлган» подразумевалось как священное место, где совершался обряд и сам процесс

¹⁸ Мэн-гу-ю-му-цзи.

¹⁹ Ю. Э. Петри, Внутриродовые отношения у северных бурят, «Изв. Биолого-географического научно-исследовательского ин-та при Иркутском государственном университете», т. II, вып. 3, 1926, стр. 68.

²⁰ И. М. Манжигеев, Указ. раб., стр. 84.

²¹ А. Р. Ринчинэ, Краткий монголо-русский словарь, М., 1947, стр. 216.

²² С. П. Толстов, Указ. раб., М., 1948, стр. 206—207.

принесения жертвы коня, иногда барана, так и сооружение в виде шеста из березы. Шест укреплялся наклонно или вертикально, на нем развешивали шкуру жертвенного животного так, чтобы голова была направлена вверх к небу. У иркутских бурят березка с надетой на нее шкурой животного называлась еще «зухэли».

Тайлан у бурят представлял собой общественное жертвоприношение, в котором участвовал один или несколько родов. Как сам термин «тайла», так и весь ритуал жертвоприношения был сходен с подобным обрядом у южных алтайцев. В современном алтайском языке слово «тай» имеет несколько значений: 1) дядя по матери, родственники по матери; 2) жеребенок на втором году жизни; 3) приносить жертву²³. Близкие термины в значении «приносить жертву», «совершать жертвоприношение», «читать» — встречаются и у монголов. Так например, Б. Я. Владимирцов приводит с указанным значением термины: «тайу» в письменном языке, «тае» — у халха-монголов, «тай» — у байтов²⁴.

В том же значении слова тайга встречается и в современных бурятских и монгольских словарях²⁵.

Все вышесказанное, несомненно, отражает очень древний родовой характер тайги. У нас нет точных данных о времени появления этого ритуала у бурят и южных алтайцев. Жертвоприношение «тайных», встречающееся у хакасов-качинцев и бельтиров, как по названию, так и по существу обряда было сходно с алтайской и бурятской тайгой. Об обрядах, напоминающих тайлгу, есть сведения и в древних источниках. Прямых указаний на бытование подобных обрядов у монголов мы не имеем, однако в древности они, по-видимому, были и у них.

Как указано выше, у иркутских бурят березка с надетой на нее шкурой животного называлась зухэли. К этому термину фонетически близко слово «чжугели», которое упоминается в «Сокровенном сказании» как название монгольского родового жертвоприношения. В словаре, прилагаемом к переводу этого памятника, С. А. Козин поясняет, что «jikeli» — это жертвоприношение небу, совершаемое путем подвешивания мяса на шесте (родовое жертвоприношение), «jüküli» — баран, насаженный шаманом на шест, заклятие²⁶. Таким образом, в приведенных примерах описывается древнее родовое жертвоприношение типа тайлги.

У монголов и тюрков жертвоприношения лошадей и вывешивание их шкур на шестах производились не только на родовых празднествах, но и на похоронах. Так например, В. Рубрук в XII в. писал о команах: «Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира»²⁷. Аналогичный обряд, как указывает Л. П. Потапов, сохранялся у южных алтайцев до XIX в. и назывался «койлого», а лошадь, которую убивали при похоронах, именовалась «койло ат»²⁸. Термины, сходные с алтайскими, встречаются и в монгольском языке. У монголов, как указывает Галсан Гомбоев, лошадь, сопровождавшая покойника, называлась «хойлган мори». Эту лошадь убивали, мясо ее съедали, а «кожу, набивши, поставляли на могилу»²⁹. В том же значении этот термин знали буряты Кудинского ведомства³⁰. В современном бурятском языке слово «хойлго» встречается как устаревшее: так шаманы называли лошадь, на которой отвозили умершего³¹. Под именем хойлга, как сообщает Санан Сэчен (XVII в.) в летописной хронике «Эрдения» тобчи»³² известно также название обычая погребения лошади с покойником. Приведенные обряды, сходные у монгольских народов, а также у южных алтайцев и других тюркских народов, очень древнего происхождения. Возможно, источником их у предков тюркских и монгольских народов была общая домонгольская и дотюркская стадия общественного развития.

²³ Н. А. Баскаков и Т. М. Тошак ова, Ойротско-русский словарь, М., 1947, стр. 137, 139.

²⁴ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия, Л., 1929, стр. 271.

²⁵ К. М. Черемисов, Бурят-монгольско-русский словарь, М., 1951, стр. 424; «Монгольско-русский словарь». Под общей редакцией А. Лувсандэндэва, М., 1957, стр. 386.

²⁶ С. А. Козин, Сокровенное сказание, стр. 613.

²⁷ «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 102.

²⁸ Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 147.

²⁹ Г. Гомбоев, О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини, «Труды Восточного отделения Российского Азиатского общества», IV, 1859, стр. 252.

³⁰ Братский, Среди бурят Кудинского ведомства Иркутского уезда, журн. «Сибирские вопросы», 1910, № 45—46, стр. 79.

³¹ К. М. Черемисов, Бурят-монгольско-русский словарь, стр. 574.

³² См.: I. Schmidt, Geschichte der Ost-Mongolen, St.-Pet., 1829 S. 235.

Можно полагать, что приведенные материалы, отражающие традиции древних времен, служат подтверждением того, что на заре человеческого общества оно осознавало себя как часть коллектива, включающего не только людей, но и животных — источник существования первобытного человека. Хорошо известно, что Ф. Энгельс относил начало одомашнивания скота уже к эпохе господства матриархальных форм семейно-родовых отношений³³ и родовой формы собственности. Примером осмысления лошади как предка или как прародительницы служат обряды эхийн су, милангут, наименование обряда тайлга и лошади термином, которым называют и родственников со стороны матери, почитание у монголов главы рыжих кобылиц и у киданей — белой лошади, обозначение у бурят и монголов одним термином «халу» и лошади, и близких родственников.

Часто встречаемые у монголов черепа лошади на обо — культовых каменных насыпях на вершинах почитаемых гор, — могут, вероятно, служить указанием на ритуальную заботу о тотемном предке.

Генетически с лошадью-тотемом связаны, очевидно, ритуальные жертвоприношения, погребальные обряды, а также и изображения ее на предметах материальной культуры.

³³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 160, 162.

К. П. Матвеев

ИЗ ИСТОРИИ НЕСТОРИАНСТВА В ИНДИИ

Разработка истории христианства в Индии является очень важной и интересной темой не только потому, что это по числу ее исповедующих третья религия в Индии (около 10,5 млн. человек)¹, но и потому, что изучение христианства в Индии тесно связано с историей всей страны, особенно Малабарского побережья. Нужно отметить, к сожалению, что исследованием этого вопроса в СССР до сих пор никто не занимался.

Считают, что христианство в Индии появилось в I в. н. э., и первым его проповедником там был апостол Фома. Данная версия основывается как на индийских легендах, так и на преданиях современных ассирийцев-несториан².

Предание ассирийцев-несториан гласит, что Фома, по-ассирийски Мар-Тума, по пути в Индию проповедовал христианство среди сирийцев, халдеев, парфян и др.³. Он, как предполагают, прибыл в Индию пешком, а затем кораблем добрался до города Кранганора на юго-западе страны. Странствуя по южной Индии, он стал проповедовать христианство. Успехи проповедника вызвали беспокойство и недовольство местных религиозных фанатиков, которые напали на него на горе Мелиапур (приблизительно в 12 км к западу от Мадраса) и убили его⁴.

В 1952 г. христиане Индии торжественно отмечали 1900 лет со времени прибытия Фомы в Индию и воздвигли ему памятник в Ажикодде, где, согласно преданиям, он ступил на индийскую землю⁵. Существует другая точка зрения, сторонники которой считают, что апостол Фома никогда не был в Индии и что некий Фома (Мар-Тума), впоследствии «приобщенный к лику святых», прибыл из Месопотамии в Индию в IV в. с группой ассирийцев. После этого местных христиан стали называть — «христианами святого Фомы». В нашу задачу не входит изучение проблемы происхождения христианства в Индии и поэтому мы не будем глубоко вдаваться в этот вопрос. Для нас существенно лишь то, что Индия имела древние торговые связи со странами Передней Азии и начало распространения христианства в этой стране можно отнести к I—II вв. н. э.

Об этом свидетельствует и сообщение ученого и теолога Пантена из Александрии, который посетил во II в. Индию по приглашению местных христиан и прожил среди них некоторое время⁶.

Известный английский ученый и специалист по истории несторианства А. Мингана отмечал, что сирийский автор «Доктрины апостолов» писал приблизительно в 250 г., что «Индия и ее области, а также близлежащие страны и даже далекие заморские страны, приняли христианство из рук апостола иудея Фомы, руководителя церкви, которую он построил и где совершал богослужение»⁷.

Затем индийские христиане упоминаются на первом Никейском соборе в 325 г., когда на собор прибыл их представитель Юханнан, как епископ Индии⁸.

¹ P. Thomas, Churches in India, Faridabad, 1964, p. 18.

Несторианство возникло в 431 г., после того как его основатель константинопольский патриарх Несторий (428—431 гг.) был осужден на Третьем Вселенском соборе в 431 г. в гор. Эфесе за его учение о соединении в Христе двух начал — божеского и человеческого. Учение Нестория нашло широкий отклик у части христиан Сирии и ассирийцев Месопотамии. С тех пор сторонников учения Нестория стали называть несторианами.

² J. W. Etheridge, The Syrian churches, London, 1846, p. 16.

³ «Христианские церкви в Индии», журнал «Москвитянин», 1845, № 2, часть 2, стр. 44—45.

⁴ P. Thomas, Указ. раб., стр. 10.

⁵ П. Чернышевский, Христиане сирийские или св. Фомы в Индии, «Труды Киевской духовной академии», т. III, Киев, 1861, стр. 356—357.

⁶ A. Mingana, The early spread of Christianity in India, — «Bulletin of the John Rylands Library», Manchester, vol. 10, № 2, July, 1926, p. 448.

⁷ П. Чернышевский, Указ. раб., стр. 357.

Упоминание о христианах Индии мы встречаем у Михаила Сирійца — известного сирийского историка. Он писал, что в правление императора Константина «философ из Тира», чье имя Мериопис, уехал в страну индийцев и кушитов с двумя людьми — Эдесиусом и Фрументисом, чтобы изучить природу страны⁹. Однако по пути в Индию в открытом море на них напали и всех, кто был на корабле, перебили. Нападавшие индийцы оставили в живых двух человек — Эдесиуса и Фрументиса и отвели их к своему правителю. Они были оставлены при правителе, который на смертном одре даровал им свободу. Сын правителя продолжал оказывать им почести и разрешил построить христианскую церковь в его стране для христиан, которые проживали там¹⁰.

В VI в. Козьма Индикоплов посетил несториан Индии и был в городе Калчане — резиденции их епископа¹¹.

Согласно истории христиан Кералы, к ним в IV в. прибыли 400 сиро-халдейцев из Персидского царства. Переселение сиро-халдейцев было связано с усилившимися преследованиями местных христиан со стороны персидского царя Шапура II (339—379 гг.)¹². Эти преследования были связаны с тем, что в Византии христианство было объявлено официальной религией. А так как борьба между двумя гигантскими государствами древности крайне обострилась, то и персидские цари стали считать своих подданных-христиан врагами Персии.

Прибывшие были хорошо приняты правителем Кералы, который выделил им места для поселения на окраине города Кранганора. Позже руководитель сиро-халдеев был назначен управляющим всей торговлей в Керале¹³. Кроме этого, им было даровано 72 привилегии, что уравнило их в правах с брахманами¹⁴.

После принятия несторианства в 431 г. частью христиан Сирии, Месопотамии и Ирана их патриарх, резиденция которого была в Селевкии — Ктесифоне, послал в Индию в Малабар ассирийцев-несториан с семьями во главе со священниками. С этого времени все христиане как индийского, так и сиро-халдейского происхождения, стали признавать несторианского патриарха своим главой и образовали единую индийскую несторианскую церковь¹⁵.

Позже индийским христианам был предоставлен еще ряд льгот, в частности, право иметь своего правителя¹⁶. Это право и другие льготы были закреплены особым указом, высеченным на медной пластинке и дарованном им королем по имени Вира Паргава Чакраварти в VIII в.¹⁷.

Приблизительно в IX — начале X в. в Индию прибыла еще одна группа несториан и поселилась также в округе Кранганор. Высшего расцвета несторианская община достигла в период с IX по XIV в. Однако к XV в. династия, правившая несторианами, вымерла и после этого несториане оказались под непосредственным управлением коинских раджей¹⁸.

Все это время связь несторианской общины Индии с Месопотамией не прерывалась, и несторианские патриархи, в свою очередь, периодически посылали туда епископов, священников и т. д. Часто из Индии приезжали паломники в Месопотамию, чтобы поклониться святым местам, увидеть патриарха, получить посвящение. Так, в 1499 г. к несторианскому патриарху было послано три человека от индийских несториан с просьбой ускорить присылку епископов. Из посланных только двоим удалось добраться до Месопотамии. Несторианский патриарх посвятил их в священники и послал с ними в Индию двух епископов — Мар-Тума и Мар-Юханны¹⁹.

«Прибывших в Индию встретили с большой радостью с евангелием и крестом, кадилами, факелами и ответи их в церковь с большой торжественностью, все время распевая псалмы и гимны. Затем они освятили алтарь и посвятили многих в священники»²⁰.

В 1503 г. несторианский патриарх Илия послал в Индию еще двух епископов Дынху и Яку и митрополита Явалагу²¹. Сразу же по прибытии епископы написали патриарху

⁹ A. Mingana, Указ. раб., стр. 457.

¹⁰ Там же, стр. 458.

¹¹ П. Чернышевский, Указ. раб., стр. 357.

¹² A. Mingana, Указ. раб., стр. 436.

¹³ R. Thomas, Указ. раб., стр. 11.

¹⁴ T. K. G. Panikkar, Malabar and its folk, Madras, 1929, p. 183.

¹⁵ П. Чернышевский, Указ. раб., стр. 358.

¹⁶ R. Thomas, Указ. раб., стр. 11.

¹⁷ G. Panikkar, Указ. раб., стр. 183.

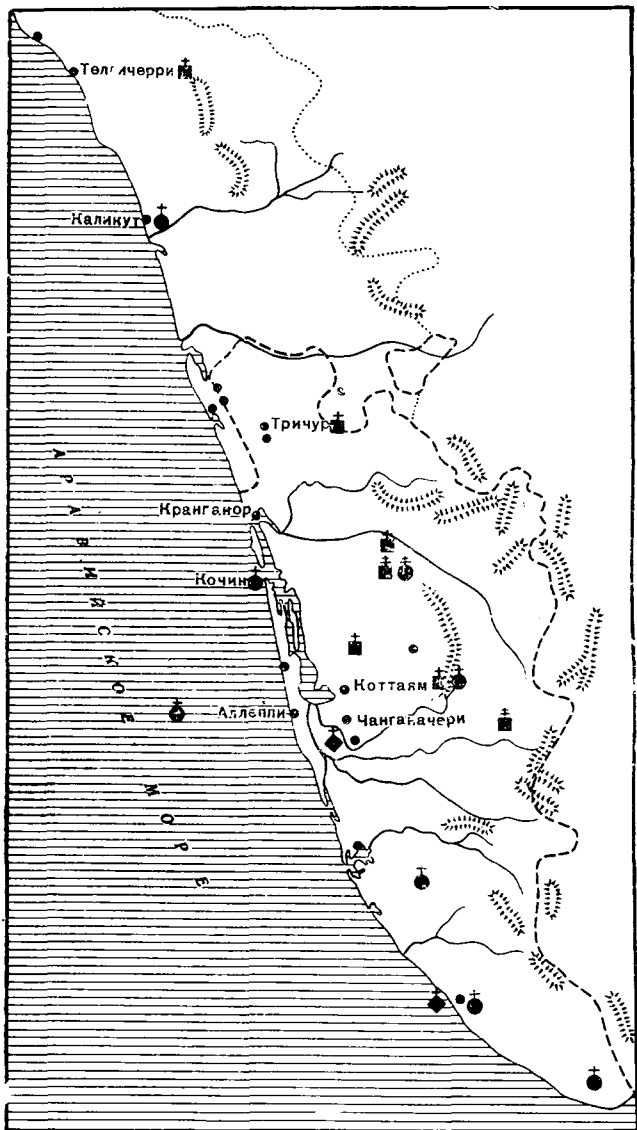
¹⁸ G. Panikkar, Указ. раб., стр. 183.

¹⁹ J. W. Etheridge, The Syrian churches, p. 155.

²⁰ Там же, стр. 155.

²¹ Дынха и Явалага — имена ассирийцев-несториан из Месопотамии, где находилась резиденция ассирийско-несторианского патриарха. Дынха — значит рассвет, Явалага — богом данный, Яку — Яков.

письмо, где отмечали, что «в Малабаре имеется 30 тыс. семей несториан и что они (несториане.— К. М.) строят много церквей. Они живут богато и, слава богу, кротки и миролюбивы. Кроме того, монастырь св. Фомы заселяется теми, кто хочет получить церковный сан. Эти христиане живут далеко от вышеупомянутых приблизительно на расстоянии 25 дней пути, недалеко от моря, в городе, называемом Мелиапур.

Крупнейшие христианские центры на Малабарском побережье

Провинций в Индии много, и, чтобы посетить все церкви, потребуется шесть месяцев. Каждая провинция носит особое название, а наша, где живут христиане, называется Малабар. В этой провинции имеется 20 городов, три из них известны своими мощными укреплениями. Это Кранганор, Палор и Килам. В этих и других городах, расположенных по соседству, живет много христиан и имеется много церквей. Все эти города находятся недалеко от великого и неприступного города Каликута, где проживают язычники и идолопоклонники»²².

²² J. W. Etheridge, Указ. раб., стр. 157—158.

В докладе, написанном семь лет спустя, говорилось, что несторианская община насчитывает 200 тыс. человек²³.

Так было до появления португальцев в Индии. Первое время португальцы не беспокоили местных христиан, о чем сообщали несторианские священники своему патриарху в Месопотамии²⁴. Но потом начались преследования, так как португальцы стремились присоединить индийских несториан к католической церкви. Они учредили инквизицию для борьбы с теми, кто противился унии²⁵. Первым инквизитором стал Алексис Диас Фалконо²⁶.

Особые гонения начались после назначения папским архиепископом Алексиса Мезезиса в 1598 г. В следующем 1599 г. он на соборе в городе Диампере силой заставил руководителей несториан в Индии перейти в католичество и отказаться от несторианской ереси. Португальские церковники ставили своей целью уничтожить традиционные несторианские обряды, саму доктрину несториан, все их религиозные рукописи и богослужебные книги²⁷.

Португальцам удалось попытками и преследованиями подчинить себе большинство местных несториан, однако часть их, скрывшись в горах, продолжала сохранять свои обряды и свой язык богослужения — сирийский²⁸.

Насильственно обращенные в католичество несториане Индии не смирились со своим положением. Их недовольство вылилось в бунт, который привел в конце концов к возврату большей части насильственно присоединенных униатов в несторианство. Только небольшая группа униатов по-прежнему оставалась в лоне католической церкви.

Бывшие униаты неоднократно обращались к патриархам несторианской церкви, патриархам Вавилона, Антиохии, Египта с просьбой прислать им епископов. Но лишь антиохийский патриарх, глава яковитов, откликнулся на их просьбу и послал в Индию епископа Мар-Игнатуса. Однако, как гласят предания несториан Индии, Мар-Игнатус был утоплен агентами римского папы; по другой версии он погиб во время пыток в застенках инквизиции²⁹.

Резко изменилось положение несториан Малабара после захвата голландцами г. Кочина в 1663 г. Голландцы предоставили полную свободу вероисповедания несторианам, изгнали всех римско-католических священников из подвластных голландцам территорий.

Изгнанные из Кочина католические миссионеры обосновались в Гоа и других колониях, принадлежавших Португалии. Они стремились вернуть отколовшихся от католической церкви и препятствовали через своих агентов их общению с антиохийским патриархом яковитов.

Тем не менее индийские христиане Малабара, порвавшие с католицизмом, избрали своим главой антиохийского патриарха, каковым он остается и в наше время. Его сторонников в Индии также стали называть яковитами. Таким образом, часть христиан Индии образовала общину яковитов, а часть — оставалась католиками.

Наряду с католическими церковниками позднее не остались равнодушными к христианам Индии и английские миссионеры. Они командировали туда в 1806 г. своего эмиссара Клавдия Бьюкенена. Ему было поручено содействовать местным христианам-яковитам, строить школы, переводить для них Библию на сирийский язык и т. д. Вначале английские миссионеры ставили перед собой задачу вытеснения продолжавших работать среди яковитов католических миссионеров, засылаемых через португальские колонии Индии. Но позже, примерно с 1838 г., простое противодействие католическим миссионерам перестало удовлетворять их и они стали стремиться перетянуть яковитов в лоно англиканской церкви³⁰.

В XIX в. из среды яковитов выделилась большая группа, которая назвала себя «сирийцами св. Фомы». Они не признают ни антиохийского яковитского патриарха, ни несторианского. Их главой является епископ из Траванкора. Пост его наследственный, и занимаая епископскую кафедру, епископ «сирийцев св. Фомы» получает имюя Мар-Тума по той причине, что выход из яковитской церкви возглавил некий Мар-Тума. «Сирийцы св. Фомы» утверждают, что они потомки тех, кто, якобы, принял христианство из рук самого апостола Фомы в I в. н. э.³¹.

В 1909 г. среди яковитов Индии возник раскол, связанный с тем, что во время поездки антиохийского патриарха Мар-Игнатуса между ним и митрополитом Гивар-

²³ J. W. Etheridge, Указ. раб. стр. 158.

²⁴ E. T i s s e r a n t, Eastern christianity in India, Bombay, 1957, p. 28.

²⁵ Журн. «Московитянин», 1845, № 2, часть 2, М., стр. 45.

²⁶ J. W. Etheridge, Указ. раб., стр. 157.

²⁷ Там же, стр. 157—158.

²⁸ А. Воейков, У сирийских христиан и в Траванкоре, М., 1890, стр. 2.

²⁹ G. P a p i k k a r, Указ. раб., стр. 185.

³⁰ А. Воейков, Указ. раб., стр. 3.

³¹ G. P a p i k k a r, Указ. раб., стр. 189.

гизом Мар-Дионисиусом VI, непосредственным главой яковитов Индии, вспыхнула ссора, в результате которой патриарх отлучил митрополита от церкви и назначил вместо него другого — Мар-Кириллуса. Однако за бывшим митрополитом пошла большая часть местных яковитов³².

Сторонники патриарха составили 250 тыс. человек. Сторонников митрополита насчитывалось около 450 тыс. чел. За патриархом пошли в основном верующие южной части Малаборского побережья, а также часть христиан Дели, Бомбея, Хайдарабада и др.³³.

Еще в XIX в. из яковитской общины выделилась часть верующих, которая вернулась в лоно несторианской церкви. Сейчас несториане — отдельная религиозная группа, их насчитывается всего около 15—20 тыс. человек. Они считают себя потомками тех, кто прибыл с епископом Мар-Тума из Месопотамии в IV в. в Индию. Более вероятно представляется, что это потомки несториан, не присоединившихся к унии с католиками в конце XVI в. В 1952 г. в Индию к несторианам был прислан несторианским патриархом новый епископ, но для того чтобы подчеркнуть важность этого поста, ему присвоили титул митрополита Малабара и всей Индии.

Основная масс теперешних несториан проживает в Тричуре³⁴, обособленной, монологичной группой. Они придерживаются старых церковных традиций и языком их церкви до сих пор остается сирийский язык. Хотя несториане считаются небогатой общиной, они все же оказывали и оказывают материальную помощь несторианам за рубежом.

Потомки несториан-униатов, приверженцев католицизма, со времен собора в Диампере (1599 г.), стали называться сирийскими католиками. Они находятся в подчинении римского папы и ими руководит епископ с резиденцией в Вераполи. В 1956 г. их насчитывалось 1 млн. 171 тыс. 235 чел. У них 1026 церквей, 892, священника, 925 школ и в этих школах обучается свыше 251 тыс. учащихся³⁵.

Как видно из нашего краткого сообщения, корни христианства в Индии уходят в седую древность, его долгая история тесно связана с историей страны.

³² E. Tisserant, Указ. раб., стр. 153.

³³ R. Panikkar, Указ. раб., стр. 189.

³⁴ E. Tisserant, Указ. раб., стр. 120.

³⁵ Там же, стр. 139.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

3

М. Баряктарович

ТРАВЕСТИЗМ У ЧЕРНОГОРЦЕВ И АЛБАНЦЕВ

На Балканском полуострове, особенно среди албанцев и черногорцев, у которых еще до недавнего времени существовала родоплеменная организация,¹ сохранились архаичные и весьма любопытные явления. К их числу относится обычай, согласно которому некоторые девушки обрекаются на безбрачие. Албанцы таких девушек называют вирджинами («девственницами») или тобелиями (от турецкого слова «тобе» — обет), черногорцы — оstayницами или также тобелиями. Такие девушки, как правило, ведут себя как мужчины: носят мужскую одежду, исполняют так называемые мужские работы, а раньше даже уходили на войну вместе с мужчинами. Мы коротко расскажем о тобелиях на Балканском полуострове. Прежде всего, несколько конкретных примеров.

1. В 1910 г. у супругов Али и Нурки Мемич из Гусиня (Черногория) родилась четвертая дочь; они же горячо желали сына. Поэтому Али решил объявить четвертую дочь Нурию мужчиной и дал ей мужское имя Дрко. Девочка воспитывалась так, как будто она действительно была мальчиком. Когда девочка выросла, она выполняла только мужские работы (косила, копала, перевозила грузы). После смерти отца в 1922 г. она стала главой дома. В 1940 г. она взяла к себе восьмилетнего племянника Алю, чтобы он рос около «дяди» и наследовал потом «его» имущество¹.

2. В селе Дони Црни Брег (в окрестностях известного средневекового монастыря Дечане, автономный край Косово и Метохия Социалистической Республики Сербии) в семье Люш в 1902 г. родилась четвертая дочь Хира, а после нее — трое сыновей. Хира выросла и, по мусульманскому обычаю, начала закрывать лицо, родители уже сосватали ее. Но когда ей исполнилось 15 лет, у нее умер отец и дом остался без главы семьи и мужской рабочей силы, так как братья были малолетними. Тогда Хира решила стать тобелией. Мать запрещала ей делать это и уговаривала выйти замуж, но Хира осталась непреклонной. О решении известили жениха; тот вскоре женился на другой. С тех пор Хира стала выполнять преимущественно мужские работы и носить мужскую одежду, причесываться по-мужски, но при этом сохранила женское имя. Сейчас она хорошо и искусно работает, выполняя и мужские, и женские работы. Она не раскаивается в принятом обете, напротив, она даже гордится тем, что дала возможность безбедно расти младшим братьям. Ее брат Ук

¹ М. Баряктаровић, Прилог проучавању тобелија (заветованих девојака), «Зборник филозофског факултета у Београду», I, 1948, стр. 343—353.

(Вук), вместе с которым живет Хира, очень ценит, уважает ее и благодарен ей за самопожертвование.

3. В селе Поляницы (Косово и Метохия) шестнадцать лет назад жила пятидесятилетняя Сали Назир. Вместе с тремя сестрами и маленьким братом она, уже засватанная, рано осталась без отца. Чтобы заменить брату и сестрам отца, она решила стать тобелией. С тех пор она стала

Рис. 1. Дрко Мемич с матерью и племянником

Рис. 2. Хира Люш с братом Вуком (1966 г.)

вести себя по-мужски и взяла мужское имя. Женщины-мусульманки, которые ее не знали, прятали от нее лицо, как и от других неизвестных мужчин. Сестры ее вышли замуж, а брат женился. Сали до смерти жила вместе с братом и даже была главой дома².

4. В 1926 г. в семье Хамзы и Джелими Юпи из села Нишора недалеко от Призрена родилась четвертая дочь. Родители были очень оторчены, так как хотели иметь сына. Поэтому отец распустил слух, что родился мальчик и ребенку дали мужское имя — Далюш. Отец рано умер, но все же Далюш росла в мужском обществе, приобретая мужские привычки. В 1944 г. Далюш, как и другие молодые люди, была призвана в армию и вместе со своей воинской частью дошла до Триеста. Уже после второй мировой войны в Скопле, во время болезни, открылось, что Далюш не мужчина и она была демобилизована. Вернувшись домой, она продолжала носить мужскую одежду и вести себя как мужчина. Между тем в селе, разумеется, начали говорить, что на самом деле Далюш — женщина. Наконец, в 1951 г. Далюш вышла замуж за Аслана Аземия. Мать была очень огорчена замужеством своего «единственного сына». Сейчас Фатима (прежняя Далюш) носит женскую одежду, даже серьги, и имеет двоих детей³.

² Т. Вукановић, Вирцине, «Гласник Музеј а Косова и Метохије», VI, Приштина, 1961, стр. 91.

³ М. Барјактаровић, Проблем тобелија, «Гласник Етнографског музеја у Београду», кн. 28—29, 1966, стр. 275—276.

Из приведенных примеров видно, что «вирджиной», или тобелией, может стать девушка по желанию своих родителей, чтобы иллюзорно заменить им сына, или уже взрослая девушка по своей собственной воле. Но в прошлом среди тобелей оказывались и девушки, которые хотели жить более свободно, вдовы, разведенные, разочарованные или покинутые своими женихами девушки и, наконец, те, которые не могли выйти замуж. Причины и мотивы этого явления были очень разнообразны. Некоторые из тобелей упорно скрывали, что они женщины, другие не скрывали, сохраняя женскую одежду и имя.

Рис. 3. Автор статьи с Фатимой Аслани и ее семьей

с девушками из богатых семей, которым было жалко расставаться с родительским имуществом. Это имущество, благодаря таким монахиням, в дальнейшем стремилась заполучить церковь. Мнение И. Хана о том, что таким способом девушки избегали замужества с парнями-мусульманами, за которых их засватали родители⁵, поверхностно, а может быть и тенденциозно.

* * *

Происхождение «тобелей» занимало многих ученых. Говоря о существовании этого явления среди сербов, Т. Джорджевич отмечал, что когда у супругов нет сыновей, они стремятся обрести их любым способом, и тогда случается, что девочку переодевают мальчиком⁶. В статье о таких девушках у албанцев Т. Джорджевич указал, что причина этого явления в том, что они дают «обет»⁷.

Двадцать лет назад я сам, приводя подробные сведения об одной тобелии, причину длительного существования этого явления видел в заботе о том, чтобы сохранить владения и дом как известное целое (хотя бы только для одного поколения), сохранить и поддержать культ предков и связанные с ним культы дома и земли⁸.

Марьяна Гушич, сначала считавшая этот обычай «реликтом» патриархального общества⁹, уточняя свои выводы, попыталась яснее пока-

⁴ Б. Нушић, С Косова на сине море, Београд, 1902, стр. 81—82.

⁵ Ј. Г. Хан, Путовање кроз поречину Дрина и Вардара (превод с немачког М. Илића), Београд, 1876, стр. 51—52.

⁶ Т. Ђорђевић, Наш народни живот, II, Београд, 1930, стр. 5.

⁷ Там же, VI, Београд, 1932, стр. 62.

⁸ М. Барјактаровић, Прилог проучавању тобелија, стр. 351.

⁹ М. Гушић, Етнографски приказ Пиве и Дробњака, «Етнологска библиотека», 10, Загреб, 1930, стр. 10—11.

зять причину длительного существования этого явления. Определяя время его возникновения, М. Гушич подчеркивает, что этот институт нужно искать в доэллинистическом палеосредиземноморском культе «вирго» («девушечниц») ¹⁰.

Последним из югославских этнологов, занимавшихся происхождением «вирджина», был Т. Вуканович. Связывая генезис этого явления с легендарными амазонками и эпохой матриархата, он утверждал, что на Балканах оно было унаследовано от иллирийцев ¹¹. Албанский ученый Е. Чабей тоже называл тобелий амазонками ¹², М. Филипович также связывал происхождение этого явления с амазонками и матриархатом ¹³.

Все эти толкования заслуживали бы подробного критического обзора. Но это невозможно сделать в таком маленьком сообщении. Скажем лишь несколько слов по поводу мнения, что тобелии — пережиток древних времен. Во-первых, нам кажется, что М. Гушич совершенно неправ, связывая появление вирджиний с культом вирго. Очень трудно сейчас установить — сколько было священнослужительниц в Средиземноморье в доэллинистическое время, еще труднее говорить о распространении среди них культа вирго. Во-вторых, связь тобелий с легендарными амазонками и их «особым образом жизни» кажется нам невозможной по методологическим соображениям.

Балканские тобелии — не столько какой-то реликт прежних «женщино-воинов», сколько живое и реальное явление, соответствующее потребностям семейных и родовых коллективов поздних времен.

Можно с уверенностью сказать, что письменные сведения о тобелиях появляются только в XIX в. Кроме того, само содержание этого понятия достаточно растяжимо. Тобелией могла стать и вдова; тобелия могла позже выйти замуж, если исчезли причины, по которым она дала обет. Наконец, роль тобелий, как некоего общественного института в балканских племенных обществах была четко определена. Местный коллектив признавал тобелию мужчиной, если она настаивала на этом. Однако, когда она умирала, ее хоронили так, как принято хоронить женщину ¹⁴.

Чтобы объяснить это явление, нужно учесть то, что в племенном обществе Албании и Черногории каждый человек был неотъемлемой частью своего коллектива (рода, села, племени). И как индивид он чувствовал тем большую силу, чем многочисленнее и сильнее был его коллектив. В случае необходимости он должен был безусловно и безоговорочно жертвовать собой ради коллектива, точно так же как мог рассчитывать на его помощь и защиту. Кроме того, в племенном обществе жертвовать собой считалось не только обязательным, но и прекрасным и гуманным. Девушки, давшие обет безбрачия, жертвовали собой ради малолетних братьев или реже — ради старых родителей.

У албанцев и черногорцев был твердый обычай, по которому старшие (родители или братья) договаривались о браках, не спрашивая согласия молодых. У албанцев почти до нашего времени родителям за девушку давали даже известную материальную компенсацию — выкуп. Эти два

¹⁰ М. Гушич, Остатки — тобелия — виржина као друштвена појава, «Трећи конгрес фолклориста Југославије», Цетинье, 1958, стр. 59—60.

¹¹ Т. Вукановић, Указ. раб., стр. 80, 83, 98.

¹² Е. Чабей, Живот и обичаји Арбанаса, «Књига о Балкану», I, Београд, 1936, стр. 309.

¹³ «Гласник Етнографског института САН», I, Београд, 1952, стр. 616.

¹⁴ М. Барјактаровић, Прилог проучавању тобелија, стр. 346

обстоятельства могли побудить девушку принять решение не вступать в брак. Решение стать тобелией часто оправдывалось социальными или гуманными мотивами, а истинные причины скрывались.

Следовательно, благоприятные условия для длительного существования тобелий как явления создавали следующие факторы: гораздо более значительная роль мужчин в племенном обществе; более тяжелое, по сравнению с мужчинами, положение женщин; моральные устои общества, каждый член которого должен жертвовать собой ради своего коллектива; ежедневная и действительная потребность в более свободной рабочей силе. Это привело к тому, что женщины выступали в роли мужчин. Короче говоря, реальные условия и конкретные потребности общества сформировали и сохранили это общественное явление, которое среди черногорцев и албанцев дожило до наших дней. И оно существует не как некая окаменелость, а как выражение неразвитых экономических отношений в этом патриархальном обществе.

ВТОРАЯ ЕЖЕГОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

С 27 по 30 мая 1968 г. в Ленинградском отделении Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР проходила вторая ежегодная научная сессия¹. Эта сессия была посвящена 150-летию со дня рождения Карла Маркса. На трех пленарных заседаниях были заслушаны доклады, раскрывающие значение трудов гениального основоположника научного коммунизма для этнографии и смежных с нею наук. Конференцию открыл вступительным словом о вкладе Маркса в этнографию, о значении марксизма для этнографических исследований председатель Ученого Совета К. В. Чистов.

Выступивший первым Н. А. Бутинов в докладе «Карл Маркс и этнография» показал, как Маркс, открыв всеобщий закон развития человечества, материалистическое понимание истории, поставил тем самым этнографию на новые позиции. С тех пор в мировой этнографической науке существуют два главных направления — марксистское и буржуазное, между которыми идет острая идеологическая борьба. В самом начале славной истории, пройденной марксистской этнографией, стоит К. Маркс, который внес важнейший вклад в этнографию как науку и значительно продвинул ее по новому, открытому им пути. Далее докладчик показал, как происходил переход этнографов на рельсы марксизма в нашей стране и ряде других стран, отметив, что советская этнография возродила — при этом на новом, более высоком уровне — прогрессивные традиции русских и зарубежных этнографов и сформировалась не как одна из многих школ в этнографии, но как новый, исторически закономерный этап в развитии мировой этнографической науки.

Доклад «Собственность на землю как основа феодализма у тувинцев-кочевников в свете учения К. Маркса о земельной собственности» прочитал Л. П. Потапов. Первая часть доклада была посвящена обобщению итогов многолетнего изучения автором хозяйства и орудий труда, проводившегося с помощью историко-этнографического метода. Затем, опираясь на разработанное К. Марксом определение земельной собственности как социально-экономической категории, докладчик изложил фактические доказательства существовавшей в прошлом феодальной земельной собственности у тувинцев. Особый интерес в докладе представляет новый конкретный материал, впервые вводимый в историческое исследование. Л. П. Потапов определяет его как своеобразный народный статистико-экономический материал.

В. Р. Кабо сделал доклад «Проблема реконструкции прошлого по данным этнографии». Реконструкция пройденных этапов социально-исторического развития была и остается одной из основных задач марксистской этнографии. Однако, по мнению докладчика, методологический уровень этой реконструкции еще недостаточно высок. Поэтому совершенствование методов использования данных этнографии для построения обобщающей модели процесса изменения человеческого общества является нашей первоочередной задачей. При этом следует руководствоваться следующими принципами: во-первых, привлекая этнографические материалы о пережитках пройденных этапов общественного развития, необходимо, прежде всего, тщательно разобраться, действительно ли данное явление — лишь пережиток, и если это так, то пережиток какой именно эпохи в развитии человеческого общества; во-вторых, пытаться реконструировать прошлое по данным этнографии, следует привлекать материалы, стадально близкие, т. е. относящиеся к народам, расположенным по отношению к реконструируемому нами социально-историческому типу на возможно более близком уровне общественного и культурного развития. Только совершенствуя свою методологическую базу, этногра-

¹ О первой сессии см.: Ч. М. Таксами, Научная сессия Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, «Сов. этнография», 1967, № 6.

фия останется одной из основ науки о первобытном обществе, какой она и была для основоположников марксизма.

И. И. Гохман в докладе «Проблемы антропогенеза в трудах классиков марксизма и современная антропология» отметил, что Маркс и Энгельс, опираясь на научные достижения современного им естествознания, применив диалектический метод, разработали основы современной теории антропогенеза, обратив внимание на осознанный коллективный производственный труд как основной движущий фактор антропогенеза и момент, проложивший грань между стадом высокоразвитых обезьян и древнейшим человеком. В. И. Ленин дальше развил теорию антропогенеза, дав периодизацию его стадий: стадо обезьян, берущих палки; первобытные люди; люди, объединенные в клановые общества. Знаменательно, что все последующие палеоантропологические и археологические открытия со времен Маркса и Энгельса полностью подтвердили основные положения их теории эволюции человека и становления человеческого общества. В заключение Гохман охарактеризовал основные направления и успехи современной антропологии.

Б. Н. Путилов посвятил свой доклад теме «К. Маркс и изучение славянского эпоса». Он раскрыл как важность общетеоретических высказываний К. Маркса о народном эпосе и его истолкования памятников древнегреческого, германского эпоса и др., так и специальный интерес его к эпосу славянских народов.

На пленарных заседаниях был заслушан также ряд других докладов: К. В. Вяткиной «К. Маркс о земле как средстве производства и пути образования частной собственности на землю и скот у кочевых народов Центральной Азии», Д. А. Ольдерогге «О патронимии», М. К. Кудрявцева «К. Маркс и проблемы социально-экономического строя средневековой Индии», А. М. Решетова «Этнографические аспекты проблемы социальной роли эмиграции в работах К. Маркса и Ф. Энгельса», Л. С. Клейна (истфак ЛГУ) «Связь археологии с этнографией по К. Марксу и современная наука», А. Д. Столяра (истфак ЛГУ) «Тезисы К. Маркса о первичном «производстве идей» (в связи с проблемой ранних форм идеологических воззрений)».

На сессии работали две секции: «Этнография зарубежных народов» (руководитель — Д. А. Ольдерогге) и «Этнография народов СССР» (руководитель — С. В. Иванов); на них было заслушано свыше 40 докладов.

Наибольшее число выступлений было посвящено анализу социально-экономических отношений у различных народов. Д. И. Тихонов в своем докладе говорил о значении трудов К. Маркса для изучения социальной организации древнего общества Центральной Азии. Прочитывая высказывания Маркса о первых классовых обществах на Востоке, докладчик отметил дискуссионный характер даваемых исследователями оценок классового общества Центральной Азии в первые столетия нашей эры. Не признавая это общество феодальным, Тихонов в то же время отмечает слабость аргументации тех ученых, которые характеризуют его как рабовладельческое, не видя тех отличительных черт древнего центральноазиатского общества, которые обусловлены этническими, историческими и географическими особенностями. Вместе с тем автор не склонен связывать характер этого общества с азиатским способом производства.

А. И. Собченко на этнографических данных конца XIX — начала XX в. подверг анализу историю развития обмена в родоплеменных и докапиталистических классовых обществах бассейна Конго. А. И. Мухлинов прочитал доклад «Возникновение частной собственности на землю во Вьетнаме».

Ю. В. Маретин выступил с докладом «Община соседско-большесемейного типа (на примере нагари у минангкабау, Западная Суматра)». Этот тип общины является собой пример такой социальной структуры, в которой сосуществуют крупные, генеалогические в своей основе коллективы (например, большие семьи), образуя территориальное единство (общину). Докладчик предлагает рассматривать ее как самостоятельную стадию развития общины, на пути от родовой к сельской общине². Тема выступления С. А. Маретиной — «Деса, банджар и субак на Бали». Деса, банджар и субак — основные территориальные группы балийцев, которые в совокупности составляют общину как социально-экономическую единицу. Деса, например, представляет собой деревенскую общину, она охватывает одну деревню; банджар — ее подразделение; субак — объединение владельцев заливных рисовых полей, орошаемых водой из одного и того же источника.

В. П. Курылев выступил с докладом «К вопросу об общинных отношениях в современной турецкой деревне», Р. Я. Рассудова — «К вопросу об истории общины в Средней Азии», Ф. А. Сатлаев — «Сельская община кумандинцев во второй половине XIX — первой четверти XX века». Опираясь на лингвистические и этнографические данные, Г. М. Василевич в своем докладе высказала несогласие с точкой зрения

² Различные точки зрения по данному вопросу см.: А. М. Решетов, *Община у лигу в первой половине XX в.*, сб. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967, стр. 55.

Б. О. Долгих о наличии нескольких племен среди эвенков к северу от Нижней Тунгуски³.

Доклад Н. А. Бутинова был посвящен анализу форм послебрачного поселения. Докладчик предложил различать в рамках патрилокальности и матрилокальности по две формы: патри- или матриродовой и патри- или матрисемейный брак. Уточняя терминологию, он считает, что следует также говорить о вирилокальности (переходе жены в малую семью мужа) или ускорилокальности (переходе мужа в малую семью жены), нужно различать вириматриродовой и вириматрисемейный брак. Соответственно при переходе мужа в общину жены следует говорить об ускориматриродовом и ускориматрисемейном браке. Выделяются также авукулокальный (мужчина до брака переходит жить в семью дяди по матери и берет себе жену извне), дислокальный, билокальный (супруги живут поочередно у своих родителей), амбилокальный (в зависимости от желания жена поселается в доме мужа или наоборот), неолокальный (молодые супруги уходят от родителей и живут отдельно самостоятельным хозяйством) формы брака. Говоря о стадийной последовательности, докладчик выразил мнение, что стадийны не столько сами формы, послебрачного поселения, сколько, прежде всего, те социальные структуры, с которыми они связаны.

Ряд докладов был посвящен социологической тематике. Таковы, например, сообщения С. А. Арутюнова «Особенности урбанизации Японии», И. П. Труфанова «Понятие быта в марксистской социологии», Ч. М. Таксами «Процесс вовлечения в промышленность малых народов Севера (по материалам Нижнего Амура и Сахалина)», Н. В. Юхневой «К вопросу об удовлетворенности работой рабочих-горняков Урала (по материалам анкетного обследования)».

Проблемам истории религии было посвящено два доклада. Ю. В. Ионовна выступила с сообщением «К. Маркс и некоторые вопросы религии (на материалах религии корейцев)». Основываясь на положении Маркса о том, «что с каждым великим историческим переворотом в общественных порядках происходит также и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит и в их религиозных представлениях»⁴, она прослеживает эволюцию религиозных воззрений в Корее. Если утверждение буддизма не вызвало переворота в верованиях корейцев, то это объясняется сохранением старых общинных и племенных божеств, т. е. предопределено социально-экономической структурой корейского общества.

К. Д. Лаушкин рассказал в своем докладе о деревянном идоле из Старой Ладogi. По мнению докладчика, сопоставление признаков божества, воплощенного в идоле, с признаками и функциями славянского бога грозы дает основание атрибутировать деревянную фигуру из Старой Ладogi как изображение Перуна.

Антрополого-археологическая тематика была представлена четырьмя докладами: В. В. Гинзбурга «О развитии южносибирского антропологического типа», Л. А. Ивановой «К вопросу об определении Афанасьевской культуры», Т. А. Поповой «Костяные орудия труда трипольского поселения Поливанов-Яр», Л. Г. Нечаевой «Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин». Проблемы этногенеза рассматривались также в докладах Л. В. Хомич «Этнические процессы (к вопросу о предмете и методике исследования)» и Р. Ф. Итска «Основные проблемы этнической истории народов Юго-Восточной Азии». О современных этнических процессах говорила Т. В. Станюкович в докладе «К вопросу о взаимовлиянии культур (по материалам декоративного искусства восточнославянского населения Казахстана)». Вопросам искусства были посвящены доклады С. В. Иванова «К вопросу об интерпретации сюжета «борьба зверей» в искусстве скифского и гунно-сарматского времени», Л. И. Смирновой «Сюжеты миниатюрной скульптуры коряков», Э. Е. Фрадкина «Опыт изучения палеолитических изображений из Костенок 1».

Несколько докладов были посвящены проблемам исторической этнографии. Т. А. Бернштам прочитала доклад «Поморский промысловый календарь XVII—XX вв.» В процессе освоения русскими приполярных зон Европейского Севера на побережьях Белого моря сформировалась особая группа великорусского населения — поморы, главным занятием которых стали морские промыслы. На основе прежде известного поморам земледельческого календаря и вновь познанной стабильности сроков проведения того или иного промысла у них сложился особый промысловый календарь как вариант общерусского народного календаря.

Н. И. Гаген-Торн подвергла этнографическому анализу «темные места» в «Слове о полку Игореве». По мнению докладчицы, концовка «Слова»: «Солнце светится на небеси, Игорь — князь в Русской земле» — не авторский текст, а цитата из Бояна, воспевшего родоначальника династии Игоря Рюриковича. Эта цитата из Бояна понадобилась автору «Слова» для противопоставления Игоря Северского — «внука», разбившего единение Руси, Игорю Рюриковичу, объединителю восточнославянских племен, которому пели славу на Дунае. Боян, по мнению Н. И. Гаген-Торн, — это болгарский ученый-

³ См. Б. О. Долгих, Образование современных народностей Севера СССР, «Сов. этнография», 1967, № 3.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 211.

книжник, прибывший на Русь в XI в. и воспевший князей по византийско-болгарскому канону. Автор «Слова» полемизировал с православным каноном и в литературной полемике упоминал имена славянских богов.

О значении эфиопской хроники XVI в. «История галла» как этнографического источника, особенно для изучения системы возрастных классов «гада», рассказала в своем сообщении К. П. Калининская. М. А. Толмачева проанализировала различия практической и теоретической традиции в средневековой арабской географии. О. С. Томиновская доложила некоторые соображения в связи с периодизацией европейской работорговли в Западной Африке.

Три доклада были посвящены вопросам этнолингвистики, использования данных языка для этнографического изучения народов. Это доклады Г. Н. Грачевой «О значении терминологии, связанной с погребениями, погребальными сооружениями народов Западной Сибири», Н. Г. Краснодембской «Этнографические памятники Львиной Горы как источник изучения истории сингальского языка» и В. С. Старикова «Опыт составления формально-функционального словаря киданьских текстов XI—XII вв. на основе их машинной обработки».

Ряд выступлений был связан с коллекциями или изучением истории Музея антропологии и этнографии АН СССР. Это доклады Т. Д. Равдоникас «Курдский мужской головной убор первой половины XIX в. (по материалам МАЭ)», Р. А. Ксенофоновой «К вопросу об истории японской столовой утвари», Т. К. Шафрановской «Описание Петербургской Кунсткамеры французскими путешественниками конца XVIII в.»

Доклад Р. В. Каменецкой был посвящен анализу библиографической работы журнала «Светская этнография» (1926—1967 гг.).

Проведение ежегодных научных сессий в Ленинградском отделении Института этнографии становится доброй традицией. Сессия прошла интересно, вызвав внимание и вне стен Института: заседания посещали сотрудники Университета, Эрмитажа, Государственного Музея этнографии народов СССР, Института археологии АН СССР, Института народов Азии АН СССР и других учреждений. Доклады ввели в научный оборот большой новый оригинальный материал. Сессия стимулировала научный рост молодежи Института, выступившей с интересными сообщениями. Вопросы, обмен мнениями в прениях еще больше подчеркивали творческий характер сессии, дискуссионный характер некоторых высказанных положений, свидетельствующих о новых поисках в науке. Громадную организационную работу по подготовке сессии проделала комиссия в составе Л. И. Лаврова (председатель), К. В. Чистова, С. Б. Фараджева, Ч. М. Таксами, Т. А. Поповой. К конференции была издана брошюра с тезисами докладов годичной научной сессии.

Однако в подготовке и проведении сессии были и недостатки. Секции заседали одновременно, а потому многие участники сессии не смогли прослушать интересующие их доклады. Может быть, целесообразно продумать вопрос о тематическом составлении программы, т. е. секции организовывать по проблемам. Следует добиваться максимального привлечения сотрудников к участию в следующих сессиях, так как выступление на сессии — действенная форма отчета о проделанной научной работе.

В Ленинградском отделении Института этнографии составлен перспективный план проведения такого рода конференций на ближайший период. В частности, сессию 1970 г. предполагается провести под девизом «В. И. Ленин и проблемы этнографии».

А. М. Решетов

СЕССИЯ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР»

С 15 по 17 мая 1968 г. в Душанбе проходила Всесоюзная научная сессия, посвященная актуальным проблемам истории национально-государственного строительства в СССР. Организаторами сессии были Отделение истории АН СССР, Комиссия по проблемам национальных отношений при секции общественных наук Президиума АН СССР, Научный совет по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР, Академия наук Таджикской ССР, Таджикский государственный университет им. В. И. Ленина.

В работе сессии приняли участие историки, юристы, правоведы, философы, социологи, экономисты и этнографы большинства союзных и автономных республик. Присут-

ствовали представители ЦК КПСС, ЦК КП Таджикистана и научной общественности республики.

Секретарь ЦК КП Таджикистана И. Р. Рахимова во вступительном слове на открытии сессии отметила, что Советское социалистическое государство обеспечило небывалый расцвет национальной культуры народов СССР. Проблемы национально-государственного строительства вызывают большой интерес не только в Советском Союзе. К ним приковано внимание во многих зарубежных странах.

На пленарных заседаниях было заслушано 4 доклада и 34 научных сообщения.

М. П. Ким (Институт истории АН СССР) выступил с обобщающим докладом «О разработке национальной проблемы в современную эпоху». Докладчик призвал к изучению национального вопроса в трех аспектах: глобальном, внутрисоциалистическом и внутрисоветском. Задачи исследовательской работы, по мнению, М. П. Кима, состоят в преодолении узости проблематики в раскрытии эпохальных закономерностей в национальных отношениях в период перехода человечества от капитализма к социализму, коммунизму. Творческое сотрудничество всех наций и народностей Советского Союза, строящих коммунистическое общество, образует единую межнациональную общность — советский народ. Успехи его в решающей мере зависят от сознательных усилий каждой нации, от степени раскрытия ее творческих возможностей, ее материальных и духовных сил. В уяснении новых задач развития национальных отношений и в их плодотворном решении большую роль призвана играть наука. В докладе были высказаны позитивные соображения, направленные на дальнейшую разработку проблемы. Всесторонний расцвет социалистических наций и их тесное сближение — это сложный и противоречивый процесс. Развитие национально своеобразного и интернационально общего — это две стороны единого закономерного процесса совершенствования социалистических национальных отношений в СССР. Но гармоничное сочетание этих двух сторон не исключает неантагонистических противоречий между ними, которые надо рассматривать как способ преодоления существенных различий между нациями в процессе их сближения. Предостерегая против тенденции несколько преувеличивать быстроту процессов сближения наций, М. П. Ким подчеркивает, что в изучении расцвета и сближения наций необходимо дифференцированно подходить к разным категориям этнически-исторических общностей: малочисленным этнографическим группам, народностям и более или менее крупным нациям; необходимо в этом процессе учитывать различные сферы жизни наций: экономику, политику, культуру, язык, быт и т. д. Принципиально важным является соотношение национального и интернационального в форме культуры в ходе сближения наций. Расцвет и сближение национальных культур означает прежде всего развитие социалистического идейного содержания национальных культур и укрепления единства их идеологической и мировоззренческой основы.

В докладе С. И. Якубовской (Институт истории АН СССР) «Основные этапы и проблемы историографии национально-государственного строительства в СССР» была дана общая характеристика периодов, основных итогов и задач научного исследования в данной области. Расширение проблематики и источников обогащало развитие советской историографии 1930-х — середины 1950-х годов, однако в трактовке проблемы национально-государственного строительства имели место принципиальные методологические недостатки, выразившиеся в иллюстративности использования источников, упрощенной, в ряде случаев прямолинейной трактовке исторического процесса, подмены живой мысли цитатничеством. Все же историческая наука этого периода достигла определенных позитивных результатов в исследовании важных проблем. Значительные творческие успехи в развитии историографии национально-государственного строительства были достигнуты после XX съезда КПСС. Плодотворному развитию истории содействовало преодоление субъективизма и волюнтаризма на основе решений XXIII съезда КПСС и Пленумов ЦК КПСС. Крупным успехом развития советской историографии явилось опубликование исследований об образовании СССР и национально-государственном строительстве в Советском Союзе, историй союзных и автономных республик, подготовка к изданию двухтомника «История национально-государственного строительства в СССР в 1917—1967 гг.». С. И. Якубовская отметила, что ученым, занимающимся данной проблемой, необходимо в настоящее время сосредоточить усилия на дальнейшем повышении уровня научных исследований, на воссоздании исторического процесса во всей его динамике, сложности и конкретности.

А. В. Лихолат (Институт истории АН УССР) выступил с докладом «Создание и основные этапы развития национальной государственности народов СССР в эпоху строительства социализма». Докладчик показал последовательное осуществление в нашей стране ленинской национальной политики, подчеркнув, что создание союзных и автономных советских республик, автономных областей проходило по непосредственному волеизъявлению самих трудящихся, руководимых большевистскими организациями и местными органами Советской власти. Провозглашению автономных образований, как правило, предшествовал разгром буржуазно-националистических «правительств». Приближение Советов к массам, укрепление их кадрами работников из местных национальностей сделали Советскую власть понятной и близкой для всех трудящихся, в том чис-

ле для самых отсталых в прошлом народностей. Советская национальная государственность — необходимая политическая форма всестороннего экономического и культурного развития национальностей, которая учитывает процесс исторического, экономического, культурного и этнического развития народов и способствует уничтожению фактического неравенства ранее отсталых народов. Опыт национально-государственного строительства в эпоху социализма показал, что формы советской государственности достаточно разнообразны и гибки и охватывают все разнообразие национальных особенностей народов СССР.

Доклад С. А. Раджабова (Таджикский университет им. В. И. Ленина) «Основные этапы развития национальной государственности народов Средней Азии в период строительства социализма и коммунизма» был посвящен характеристике своеобразия опыта создания и развития национальной государственности ранее отсталых народов. Докладчик подчеркнул, что при социалистической системе открывается широкий простор для формирования и развития всех социалистических наций, создания национальной государственности. Одновременно социализм предполагает еще более тесное сближение и установление всевозможных контактов свободных и равноправных наций между собой, создание единого интернационального хозяйства, общей основы всей экономической жизни, политики, культуры, науки и т. д. Основные пути развития национальной государственности в период создания развитого социалистического общества и строительства коммунизма обусловлены процессом превращения государства диктатуры пролетариата в политическую организацию всего народа и связанным с этим всемерным расширением демократии, с ускоренным сближением социалистических наций, итогом которого является формирование в нашей стране новой исторической общности людей — интернациональной общности советского народа. Особенности национально-государственного строительства связаны с национальными различиями. На современном этапе советские республики по-прежнему остаются формой выражения интересов наций и народностей, формой национальной государственности, поскольку существуют нации и народности. Но действие национальных особенностей, проявление общих закономерностей развития уже иное, чем при переходе от капитализма к социализму. В период развернутого строительства социализма усиливаются взаимное общение, сотрудничество и процесс всемерного сближения социалистических наций. Союзные республики все более становятся многонациональными. Расцвет и сближение советских республик — двудеинный, взаимосвязанный, взаимообусловленный процесс диалектического развития, содержание которого составляет укрепление и совершенствование федерации в целом и каждой советской республики в отдельности.

Г. Ф. Дахшлейгер (Ин-т истории АН КазССР) в своем докладе остановился на литературе по проблемам национально-государственного строительства советского Казахстана.

Разнообразными по тематике были научные сообщения, в которых, наряду с вопросами национально-государственного строительства в СССР, обсуждались процессы трансформации материальной и духовной культуры, этнические и культурно-бытовые процессы современности, отражающие практику социалистического и коммунистического строительства в СССР.

В. А. Аврорин (Институт языка, филологии и философии СО АН СССР, Новосибирск) посвятил свое выступление взаимоотношению лингвистики и культуры. Он подчеркнул, что сближение национальных культур народов Советского Союза не ведет к сближению их языков на данном этапе развития. Роль русского языка не устраняет и не умаляет значения национальных языков народов Советского Союза, которые развиваются и должны развиваться в будущем.

Л. Ф. Моногарова (Институт этнографии АН СССР) отметила, что несмотря на сближение приамирских народностей за годы Советской власти с таджиками в хозяйственной и культурной жизни, получение ими образования на таджикском языке, становящемся вторым родным языком этих народностей, их можно рассматривать в настоящее время как этнографические группы таджиков. Они считают себя памирскими таджиками, сохраняют некоторые национальные особенности быта и родные языки (по данным переписи 1959 г., свыше 42 тыс. чел. назвали своим родным языком шугнанский, рушанский, ваханский и другие памирские языки).

Ю. Ф. Воробьев (Институт экономики АН СССР) остановился на вопросе методологии исследования развития и сближения наций. По его мнению, несмотря на большое число научных трудов в этой области, до настоящего времени нет научного определения понятия национальной государственности. Например, различие в области экономики накладывает отпечаток на национальное самосознание, на социальную структуру. Выравниванием не исчерпывается процесс сближения в области экономики. Сближение в области экономики представляет собою целый комплекс проблем, требующих различного методологического исследования.

С. Г. Поляков (МГУ) посвятил свое сообщение актуальным вопросам формирования национальной общности. Докладчик обратил внимание на то, что проблемы национальной культуры могут быть успешно разработаны совместными усилиями историков, юристов, экономистов, этнографов и подчеркнул, что до настоящего времени недо-

статочного внимания уделяется изучению национальной консолидации. К исследованиям по данной проблеме необходимо привлечь ученых смежных отраслей знаний.

О. И. Чистяков (МГУ) подчеркнул, что в период повышения роли социологических исследований нельзя замыкаться в узких рамках специальности, надо искать и находить контакты с соседними науками, преодолевать препятствия, которые ограничивают это сближение.

Большое внимание участников сессии привлекло обсуждение вопросов изучения национальных меньшинств. Л. В. Малиновский (Институт экономики СО АН СССР. Новосибирск) в сообщении «Национальные меньшинства как форма этнической общности» дал определение национальных меньшинств как части нации или другой этнической общности, проживающей в отрыве от нее среди инонационального населения, но не потерявшей еще национального самосознания, языка и общности культуры с исходной этнической общностью (или страной выхода).

При определенных условиях эти этнические группы ассимилируются с большей или меньшей быстротой, сливаясь с принявшим их народом или, наоборот, превращаются в самостоятельные народности.

С. Н. Джугурьянц (Чечено-Ингушский пединститут) отметил, что в отдельных случаях бурный процесс интернационализации населения республики, расширение ее территории (например Чечено-Ингушской АССР) ведет к тому, что понятие «коренное население», употребляемое лишь в отношении наций и народностей, давших имя автономии, теряет свое значение. М. В. Румянцев (Чувашский пединститут) обратил внимание на необходимость расширения исследований по истории общественного и семейного быта, материальной и духовной культуры национальных меньшинств, не проживающих в своей автономии. Это позволит полнее удовлетворять духовные запросы населения, живущего в инонациональных условиях.

В ряде сообщений, наряду с общими вопросами изучения национальных отношений, рассматривалась роль национального государства в этническом развитии народов, национальных групп. М. Б. Садыков (Казанский университет) отметил, что нация как особое социально-этническое образование включает в себя органично связанные экономические, классовые, политические, идеологические, культурные, этнографические стороны общественной жизни. Однако влияние национальной государственности на этническое развитие народов остается пока вне поля зрения ученых. Этот вопрос, находящийся на стыке наук, может быть изучен посредством координации исследований.

Д. Малабаев (Институт истории АН Киргизской ССР) дал характеристику процесса ликвидации влияния пережитков родовых отношений среди киргизов в период социалистического строительства. Этот процесс был очень сложный, длительный, проходил несколькими этапами и осуществлялся различными методами. Если в первый период допускалось сохранение патриархально-феодальных традиций, то по мере укрепления социалистического строя с ними велась последовательная борьба.

В своем сообщении Яценко (Институт истории партии при ЦК КП Молдавии) говорил о необходимости изучения национальных традиций с учетом миграции сельского населения в город и влияния города на материальные и культурные потребности населения, на постепенное преодоление различий в этом между селом и городом.

На сессии большое внимание было уделено конкретно-социологическим исследованиям в области изучения национальных отношений. Л. М. Дробизева (Институт истории АН СССР) в своем выступлении подчеркнула, что такие исследования дают возможность рассмотреть влияние национальных моментов на социальную мобильность в обществе (на социальную структуру населения республик), а также проанализировать, в каком направлении социально-демографические факторы действуют на изменения в сфере таких признаков нации как язык, национальная психология, национальное самосознание. Комплексный подход в изучении национальных отношений, применение конкретно-социологических исследований позволяет успешнее решать проблемы, находящиеся на стыке истории, экономики, философии, психологии, этнографии и других наук.

Многие делегаты сессии участвовали в обсуждении методики проведения конкретно-социологических исследований по проблемам национальных отношений (руководитель В. А. Аврорин). Выступавшие обменялись мнениями по принципам выборки при проведении исследований, технике сбора материала и статистических приемах анализа материала.

В сообщениях Х. Хабиева (Казанский университет), Г. А. Шаджус (Институт истории АН Латвийской ССР), М. Р. Шукурова (Таджикский университет), Г. Х. Хайдарова (Ленинабадский пединститут), С. Я. Пахаева (Горно-Алтайский НИИ), Ю. Л. Аранчина (Тувинский НИИ) говорилось об успехах национально-государственного строительства в СССР, о проблемах культурно-бытовых и этнических процессов современности.

Участники сессии дали глубокий анализ разработки проблем истории национально-государственного строительства в СССР, выдвинули новые нерешенные проблемы. В ходе обсуждения докладов и сообщений подчеркивалась необходимость координации ученых различных отраслей знаний, работающих в области национальных отношений.

Рекомендации, принятые на сессии, предлагают: сосредоточить внимание на создании обобщающих трудов, раскрывающих закономерности развития наций и национальной государственности на современном этапе, характеризующих этот процесс во всей его сложности и динамике; повысить уровень исследований, направленных против буржуазной историографии национально-государственного строительства в СССР, показать международное значение советского опыта в разрешении национального вопроса. Сессия рекомендовала Научному совету по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР продумать план издания трудов к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, отражающих его роль в национально-государственном строительстве, расширить конкретно-социологические исследования по проблемам национальных вопросов и внести в ЦСУ предложения об издании сборников политической статистики.

Е. Шагалов

ПЕРВАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОКЕАНИСТОВ И АВСТРАЛОВЕДОВ

За последние годы значительно оживилась работа советских ученых-гуманитариев по изучению Австрало-Океанийского региона. Вышли в свет интересные труды этнографов, историков, экономистов и ученых ряда других специальностей. Но дальнейшее развитие гуманитарных исследований Австралии и Океании сдерживалось известной разобщенностью между специалистами по этому региону. Отсутствие четкой координации научных планов мешало организации комплексных исследований, в том числе многопрофильных экспедиций на судах Академии наук СССР.

Преодоление этой разобщенности, установление тесных контактов между учеными разных специальностей, критическая оценка достигнутого уровня исследований и выработка рекомендаций на будущее — таковы были цели Первой всесоюзной конференции по изучению проблем Австралии и Океании, состоявшейся в Москве 10—12 июня 1968 г. Конференция была организована Институтом народов Азии АН СССР и Институтом этнографии АН СССР совместно с Советским национальным комитетом Тихоокеанской научной ассоциации. В конференции участвовали сотрудники ряда научных учреждений Москвы, Ленинграда и Хабаровска. Председательствующий, академик А. А. Губер, в своем вступительном слове подчеркнул важное значение этой научной встречи для развития океанистики и австраловедения в нашей стране.

Институт этнографии был представлен на конференции шестью докладчиками: Н. А. Бутиновым, В. Р. Кабо, Л. Г. Розиной, И. К. Федоровой (Ленинград), П. И. Пучковым и Д. Д. Тумаркиным (Москва).

Н. А. Бутинов в докладе «Род на Новой Гвинее» отметил, что наиболее широко распространены на этом острове две формы рода, первая из которых связана с родовой общиной, а вторая — с общиной гетерогенной. Зарубежные этнографы называют эти формы соответственно *local clan* и *phyle-wide clan*. Докладчик высказал мнение, что первая форма рода стадially предшествует второй.

В. Р. Кабо в своем докладе обрисовал в общих чертах историю австралийских аборигенов от заселения ими Австралии (около 30 тыс. лет тому назад) до европейской колонизации. При этом докладчик выделил три периода — ранний, средний и поздний, указав для каждого из них приблизительные хронологические рамки. По мнению В. Р. Кабо, исследование этнографических комплексов, которые можно рассматривать как древнейшие по своему происхождению, позволяет осветить культуру палеоавстралийцев значительно полнее, чем это возможно только на основе археологических данных. Комплексное изучение показывает, что в целом, несмотря на сохранение некоторых архаических элементов, аборигенная культура непрерывно развивалась. Этого развития не мог избежать даже пережитый австралийцами глубокий культурный кризис, который был связан главным образом с катастрофическими изменениями природных условий в голоцене.

П. И. Пучков остановился в своем докладе на разных аспектах этнической ситуации на Фиджи, которая характеризуется прежде всего разнородностью этнической структуры и сложностью национальных взаимоотношений. Докладчик подчеркнул, что дальнейшее развитие этнической ситуации будет в значительной мере зависеть от политического пути, по которому пойдет этот архипелаг после получения независимости. В заключение П. И. Пучков высказал свои соображения относительно перспектив языков, распространенных в настоящее время на Фиджи.

Л. Г. Розина рассказала о коллекции старинных предметов с острова Таити, хранящейся в ленинградском Музее антропологии и этнографии. Эта уникальная кол-

лекция состоит из вещей, частично подаренных русским властям Дж. Куком, частично привезенных из кругосветного плаванья Ф. Ф. Беллинсгаузеном и, возможно, О. Е. Коцебу.

Доклад И. К. Федоровой «Космогонические мотивы в фольклоре острова Пасхи» был посвящен анализу отдельных экзотерических версий рапануйских мифов и легенд. Как подчеркнула докладчица, верховные боги полинезийцев были известны и на острове Пасхи. Указав на несомненную связь рапануйской фольклорной традиции с мифологией Маркизских островов, Мангаревы и некоторых других островов Полинезии, И. К. Федорова полемизировала с Т. Хейердалом, который на XI Тихоокеанском научном конгрессе пытался обосновать тезис о неполинезийском характере религии рапануйцев.

В докладе Д. Д. Тумаркина «Тур Хейердал и проблема заселения Полинезии» взгляды норвежского ученого были сопоставлены с результатами комплексных исследований, разрушившихся на островах Океании в последнее десятилетие. По мнению докладчика, эти исследования не подтверждают основных положений теории Хейердала и позволяют предполагать, что полинезийская этническая общность возникла в I тыс. до н. э. на рубежах Меланезии с Полинезией из нескольких этнически неоднородных групп морских скитальцев, происходящих из Юго-Восточной Азии. Это не исключает древних исторических связей между Полинезией и Америкой. Возможно, например, что один — два плота с американскими индейцами попали на остров Пасхи, уже заселенный полинезийцами.

Этнографическая и близкая к ней проблематика была представлена и в докладах сотрудников ряда других научных учреждений. Так, В. М. Бахтa (Ин-т философии АН СССР) выступил с сообщением «Маори в современном новозеландском обществе». По мнению докладчика, в настоящее время происходит консолидация маорийской народности, но в дальнейшем она постепенно сольется с англоновозеландцами в единую нацию, которая унаследует часть культурных традиций маори.

Е. В. Кочанов (Ин-т восточных языков МГУ) предпринял попытку осветить особенности маорийских географических названий Новой Зеландии с точки зрения их лингвистической структуры. Докладчик пришел к выводу, что анализ маорийской топонимики не позволяет выделить иноязычный (домаорийский) топонимический слой. Это согласуется с результатами новейших археологических исследований, ставящих под сомнение наличие на Новой Зеландии домаорийского этнического субстрата.

В докладе М. С. Бутиновой (Музей истории религии и атеизма, Ленинград) были рассмотрены особенности религиозных движений в Океании после второй мировой войны. М. С. Бутинова рассказала о распространении этих движений в океанийском островном мире, подчеркнула их ярко выраженную антиколониальную направленность. Затем была прослежена эволюция отдельных движений: ослабление в них религиозно-мистических элементов, выдвигание на первый план экономических и политических требований, включение этих движений в общее русло национально-освободительной борьбы, приобретающей в Океании все более массовый и организованный характер.

Доклад Я. Н. Гузеватого (Ин-т мировой экономики и международных отношений АН СССР) был посвящен современной демографической ситуации и перспективам ее развития в Австрало-Океанийском регионе. Докладчик проанализировал различия в воспроизводстве населения в Австралии и Новой Зеландии, с одной стороны, и на отсталых в социально-экономическом отношении архипелагах Меланезии, Полинезии и Микронезии, с другой. Отметив, что в целом по региону демографические проблемы стоят не столь остро, как в некоторых других районах мира, он все же предупредил, что значительно ускорившийся прирост населения может создать в будущем затруднения на некоторых островных территориях.

Из докладов, зачитанных сотрудниками Института народов Азии, три представляют непосредственный интерес для этнографов: Н. С. Лебедева охарактеризовала социально-экономические последствия деятельности австралийской сахарной монополии на Фиджи, И. М. Меликсетова рассмотрела особенности социально-экономического развития Новой Каледонии в послевоенный период, а Н. П. Равва рассказала о сопротивлении народов Океании французской колонизации в XIX веке.

Б. А. Вальская (Восточная комиссия Географического общества СССР, Ленинград) сообщила некоторые новые данные о попытках Н. Н. Миклухо-Маклая создать русскую вольную переселенческую колонию на островах Тихого океана. Доклад был основан на материалах, хранящихся в ленинградских архивах.

Ряд докладов был посвящен истории и современному положению Австралийского Союза, его экономике и внешней торговле.

Н. П. Летова (Ин-т истории АН СССР) остановилась в своем выступлении на событиях второй мировой войны, способствовавших обострению англо-австралийских противоречий и создавших условия для усиления экономических и политических позиций американского империализма в Австралии.

К. В. Малаховский (Ин-т народов Азии) проанализировал основные особенности азиатской политики Австралии в послевоенный период. Как показал докладчик, в этой политике проявляются две тенденции: 1) выступать в роли «ассистента» США

по части военного подавления национально-освободительных движений в Азии, 2) проводить более гибкий политический курс, предусматривающий развитие сотрудничества с «некоммунистическими» правительствами Азии для совместного подрыва освободительной борьбы народов этого континента и превращения Австралии в неотъемлемую часть «великого азиатского сообщества».

Л. А. Встовский и Л. А. Одегова (Хабаровский комплексный научно-исследовательский ин-т Сибирского отделения АН СССР) в своих докладах рассмотрели возможности расширения экономических связей между СССР и Австралией в свете перспектив хозяйственного развития советского Дальнего Востока. Докладчики подчеркнули необходимость углубленного изучения этого круга проблем. А. П. Баранов (Ин-т народов Азии) рассказал о минеральных топливно-энергетических и металлических ресурсах Австралии и развитии горнорудной промышленности этой страны.

Доклад В. М. Андреевой (Ин-т географии АН СССР) был посвящен особенностям послевоенного экономического развития Новой Зеландии. Наряду с дальнейшим развитием и интенсификацией сельского хозяйства, особенно животноводства, здесь наблюдается ускоряющееся развитие промышленности, причем не только легкой и пищевой, но и энергоемких отраслей (целлюлозно-бумажное производство, цветная и качественная металлургия), что определяется все более значительным использованием обильных гидроэнергетических ресурсов.

И. И. Васильевская (Ин-т народов Азии) привела интересные данные об усилении экономической экспансии Японии в бассейне Тихого океана в 1965—1968 гг. Эта экспансия, по мнению докладчицы, характеризуется постепенным переходом от методов «двухсторонней помощи» к «помощи», осуществляемой на многосторонней основе, и в конечном итоге к методам «коллективной помощи». Это означает все более активное участие Японии во всякого рода региональных соглашениях и организациях.

Е. Б. Чарнявская (Ин-т народов Азии) проследила в своем докладе историю рассмотрения проблемы Западного Ириана в ООН.

А. А. Мурадян (Ин-т народов Азии) выступил с докладом «Некоторые вопросы политики США в бассейне Тихого океана в американской историографии». Полемизируя с американскими историками, он отстаивал тезис о том, что решающую роль в определении политики США в бассейне Тихого океана играли и играют политические и военно-стратегические соображения.

В трех докладах рассматривался вклад ученых нашей страны в изучение стран бассейна Тихого океана.

Директор Арктического и антарктического ин-та Гидрометслужбы при Совете Министров СССР А. Ф. Трешников (Ленинград) рассказал об истории советских антарктических исследований и международном сотрудничестве в Антарктиде, которая за последние 10—15 лет фактически перестала быть материком загадок и тайн. Советские ученые выполнили там огромное количество важных работ по весьма обширной программе. В настоящее время на ледовом континенте действуют пять советских научных станций. Государства, участвующие в исследовании Антарктики, подписали в 1959 г. договор об использовании ее исключительно в мирных целях. Договор предусматривает также свободу научных изысканий и международное сотрудничество ученых в этом обширном районе. Антарктический договор, по мнению докладчика, может стать прототипом международных соглашений в других областях научных исследований — в изучении Космоса, Луны и т. п.

В. О. Гурецкий (Географическое общество СССР, Ленинград) представил доклад «Русское топонимическое наследие в Океании как отражение открытий и исследований отечественных мореплавателей XIX века». По собранным им данным, в Океании насчитывается 130 русских географических названий, из них 55 в Меланезии (51 — на Новой Гвинее), 38 в Полинезии и 37 в Микронезии. 85 таких названий можно найти на современных советских, а 60 — на иностранных картах. Докладчик отметил, что на наших картах встречаются отдельные ошибки, а иногда и курьезы, когда русские географические названия, заимствованные не из первоисточника, а с зарубежных карт, даются в иностранном переводе.

З. К. Константинова (Географическое общество СССР, Ленинград) сделала сообщение о географических исследованиях экспедиции Ф. П. Литке на Каролинских островах.

С большим интересом были встречены выступления «бывалых людей» — ученых разных специальностей, посетивших в составе советских морских экспедиций острова Океании. Е. М. Сузюмов (зам. начальника Отдела морских экспедиционных работ Президиума АН СССР) сделал содержательный доклад «Полинезия на рубеже 60-х годов». Тема сообщения Л. К. Моисеева (Ин-т океанологии АН СССР) — «Меланезия — заповедник неокOLONиализма». С. Д. Степанянц (Ин-т зоологии АН СССР, Ленинград) представила доклад «Соломоновы острова и Фиджи (по личным наблюдениям)». Н. А. Богданов (Геологический ин-т АН СССР) показал кинофильм, снятый им во время пребывания в Австралии.

Заседания конференции проходили при большой активности присутствующих. По ряду докладов развернулись оживленные прения, причем некоторые их участники по существу сделали целые сообщения. Так, И. А. Лебедев (Ин-т мировой экономики и международных отношений) высказал развернутые соображения о политике Австралии в Азии, Л. А. Шур (Ин-т этнографии) выступил с обзором русских архивных источников по истории и этнографии тихоокеанских районов Америки и островов Океании. И. К. Федорова, помимо упомянутого доклада, рассказала о десяти загадочных «числительных», записанных в 1770 г. Агуэрой на острове Пасхи. Как показывает анализ, этот испанский моряк ошибочно принял за числительные другие слова, не имеющие никакого отношения к десятичной системе счета рапануйцев.

Подводя на заключительном заседании итоги конференции, академик А. А. Губер отметил плодотворность проделанной ею работы и высказал убеждение, что она явится заметной вехой в истории советской океанистики и австраловедения. А. А. Губер выразил надежду, что этнографы и ученые смежных специальностей смогут участвовать в экспедициях, посещающих острова Океании на научно-исследовательских судах АН СССР.

Участники конференции приняли резолюцию, в которой намечены конкретные меры по дальнейшему развитию гуманитарных исследований Австрало-Океанийского региона. Решено проводить такие научные встречи ежегодно. Сборник докладов, представленных на конференцию, будет издан Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука».

Д. Д. Тумаркин

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ У МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

Для исследователей общественных отношений в доклассовый и раннеклассовый период несомненный интерес представляют племена и народности, населяющие крайний северо-восток Индии — горные районы Ассама, штат Нагаленд и частично Манипур (бывшее княжество). Это гаро, кхаси, микиры (горы центрального Ассама), куки-чины (горы южного Ассама и Манипура), нага (Нагаленд и соседние горные районы Манипура), ряд народностей, занимающих ассамские предгорья Гималаев¹. Горы Ассама и Нагаленда, вместе с соседними горными областями Бирмы и Индокитая, являются местом переплетения многочисленных языков, рас, культур. Подобная этническая пестрота — довольно обычное для пограничного горного района явление. На протяжении многих веков волны последовательных миграций прокатывались по этим территориям; при этом на плодородных равнинах и в долинах рек каждая последующая волна или частично поглощала предшествующую, или отодвигала на периферию, или сама растворялась в ней. Таким образом, здесь в силу географических условий из разнородных по происхождению элементов синтезировались крупные этнические общности с отдельными вкраплениями меньшинств. Древние пласты сохранялись в них чаще всего лишь как одна из абсорбированных и растворившихся составных частей в новой сформировавшейся народности.

Иное дело — в горных районах. Сюда оказывались оттесненными осколки многих популяций (мон-кхмеров, различных потоков тибето-бирманцев), которые сохранялись здесь в силу естественной географической изоляции. Эта картина очень наглядно представлена на этнографической карте: среди обширных однотонных поверхностей — «локутные одеяла» горных районов.

Особенности исторического развития малых народов Северо-Восточной Индии связывают их со многими этногенетическими и культурными процессами и явлениями за пределами Индии, в Восточной и Юго-Восточной Азии. Такие вопросы, как монкхмерская проблема (кхаси — единственный в Индии осколок древнего монкхмерского племени), направления и пути древних миграций тибето-бирманцев, ранние контакты народов в ходе этих миграций являются общими для Ассама и Юго-Восточной Азии. Возможно, в исторических судьбах народов следует искать причины складывания разных форм родовой организации у отдельных ассамских племен, там же, быть может, лежит ответ на одну из загадок азиатского континента: в чем причина удивительного сходства материальной культуры и антропологического типа ассамских нага и даяков с индонезийского о-ва Калимантан при разной языковой принадлежности и при поразительных для народов, стоящих на одном уровне развития, различиях в формах социальных институтов у нага до сих пор сохраняется, хотя и на стадии разложения, родо-племенная структура, у даяков же не сохранилось ни малейших ее признаков и уже в начале нашего века была зафиксирована полная билатеральность)? Это имеет прямое отношение к дальнейшему развитию социальных форм, но вопрос этот в высшей степени труден для решения и требует комплексного подхода, т. е. привлечения материалов по всем народам Юго-Восточной Азии с использованием данных истории, этнографии, археологии, антропологии, лингвистики.

¹ С. А. Болдырева (Маретина) и Н. Р. Гусева, Народы Ассамских гор, «Народы Южной Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963, стр. 483—507; С. А. Маретина, Малые народы Ассама (этнический состав), «Страны и народы Востока», вып. V (Индия — страна и народ), М., 1967.

К сожалению, письменные источники, которые содержали бы ранние сведения по общественному строю восточноиндийских национальных меньшинств, отсутствуют. Сами рассматриваемые народы своей письменности не имели, индийцы познакомились со своими восточными соотечественниками лишь в прошлом веке (мы имеем в виду более или менее достоверные сведения о горных народах). Старые индийские литературные памятники в лучшем случае содержат эпизодические упоминания об этих отдаленных, для самих арьев экзотических народах. Первыми письменными источниками по данному району являются исторические хроники на языке пали — так называемые буранджи. Они принадлежат ахомам — представителям бирманских шанов, которые с XIII в. появились в Ассаме; этим же временем датируются и их хроники, а также сохранившиеся медные блюда со списками ахомских раджей². Хроники эти для нас практически недоступны: мы не располагаем их публикациями, а те фрагментарные данные, которые приводятся в некоторых работах европейских исследователей, касаются исключительно фактов политической истории и не имеют отношения к рассматриваемой теме.

Первые более или менее систематические сведения о малых народах Ассама (Нагаленд как особый штат тогда не существовал) и их общественной организации появились лишь в середине прошлого века, после аннексии британскими колонизаторами Ассама (1826 г.). Таким образом, возможности исследования по письменным источникам очень ограничены, что крайне затрудняет анализ развития общественных институтов у малых народов. Здесь «помогает» консервативность уклада их общин, в результате которой многие старые формы социальной организации сохранялись на протяжении многих веков. Фактически изоляция горных народов стала нарушаться лишь в конце прошлого века, когда проникновение товарно-денежных отношений, а также усиление контактов с населением равнин стало форсировать и искажать естественный путь развития социальной структуры малых народов Ассамских гор. Поэтому те данные, которые зафиксированы авторами в конце XIX и на рубеже XX в., позволяют бросить ретроспективный взгляд на развитие традиционных общин и являются исходным пунктом для констатации дальнейших изменений социальных форм.

Вся литература по социальной организации малых народов Северо-Восточной Индии может быть подразделена на две основные тематические (отчасти и хронологические) категории: работы описательные, содержащие конкретный фактический материал по этнографии рассматриваемых народов, и работы исследовательские, дающие теоретическое объяснение отдельных институтов и явлений общественной структуры. Естественно, первый этап составляли описания, с которых начинается любое этнографическое изучение.

Первые более или менее систематизированные описания, содержащие, среди прочих материалов, отдельные сведения по социальной структуре малых народов Ассама, принадлежали главным образом перу английских авторов, как правило, связанных с административным аппаратом Британской империи. Это — свидетельства очевидцев, которые, находясь на британской государственной службе, давали первую практическую информацию о положении в том районе, управление которым они должны были организовать. Таковы работы Э. Дальтона³, В. Ходгсона⁴ и некоторые другие. Эти первые исследователи Ассамских гор оказались в крайне сложных условиях: дикие, поросшие лесами горы, незнакомые не только европейцам, но и большинству индийцев; множество племен, настроенных чаще всего враждебно по отношению к индоевропейцам, племен, говорящих на разных языках, отличных как от индоевропейских, так и от дравидийских; полное отсутствие каких-либо предварительных сведений относительно их численности, взаимоотношений, обычаев и т. д. К тому же большинство авторов не имело достаточной специальной научной подготовки. Естественно поэтому, что первые работы представляли собой не более чем попытки хоть как-то разобраться в том сложном конгломерате народов, с которыми столкнулись европейские завоеватели.

Эти и многие другие трудности сказались на характере первых работ: чаще всего они посвящены не одному народу, а всем тем народам, которые встретились автору. Работы носят сугубо описательный характер и очень фрагментарны. Приводятся все сведения, которые удалось собрать автору, без какого-либо отбора, отсутствуют специальные разделы по отдельным темам. Наибольшее количество сведений относится к материальной культуре и религиозным воззрениям и обрядам. Наименее удовлетворительно в них освещена социальная организация, ибо даже для простого описания ее требуется более длительное знакомство с народом. Так, постоянно подчеркивается «дикость» ассамских племен («wild tribes»), отсутствие у них каких-либо законов и власти (каковым представляется первым авторам коллективизм управления у горных

² L. Shakespeare, *History of Upper Assam, Upper Burmah and N.-E. Frontier*, London, 1914.

³ E. Dalton, *Descriptive ethnology of Bengal*, Calcutta, 1872.

⁴ B. H. Hodgson, *Essay the first; on the Kocch, Bodo and Dhimal tribes*, Calcutta, 1847.

племен). Приводятся отдельные черты и явления, которые поразили внимание авторов своей необычностью, например материнское право, многоженство, охота за го-ловами.

Вместе с тем уже в этот ранний период освоения Ассамских гор делаются первые попытки не только зафиксировать увиденное, но и наметить этнические связи между отдельными племенами; примером тому служат труды А. Бастиана — видного немецкого этнографа, одного из немногих неанглийских исследователей Ассама этого периода. В своей работе, посвященной народам бассейна Брахмапутры и ее притоков⁵, Бастиан при сопоставлениях привлекает и отдельные элементы общественной организации у различных народов. В целом же все эти ранние работы, при всей поверхностности заключенных в них сведений, необходимы были для дальнейших исследований в этой области: лишь после такого рода описаний стал возможен следующий этап — переход к изучению отдельных народов.

Описания монографического типа, посвященные конкретным народам, стали появляться в основном уже в начале XX в. Авторами этих первых монографий являются либо, как и раньше, чиновники британской колониальной администрации (А. Плейфэр, П. Гёрдон, Л. Шекспир), либо сотрудники различных христианских миссий (С. Эндл). Причина этого в тех трудностях, которые по-прежнему подстерегали исследователей в Ассамских горах. Речь идет как о труднодоступности этих мест в условиях лесного бездорожья, так и о политической напряженности. Отношения английских властей и местного населения носили отнюдь не мирный характер; поэтому непосредственное общение с горными племенами было возможно лишь для ограниченного числа европейцев.

Объектами первых монографий являлись народы, географически более доступные — гаро (работа А. Плейфэра)⁶, ххаси (книга П. Гёрдона)⁷ — самые западные племена центральной горной гряды Ассама, за ними — куки-чины (работа Дж. Шекспира)⁸ и др. Эти работы представляют собой несравненно более упорядоченные описания, чем первые сводные записи, хотя описательная сторона продолжает преобладать. Но уже был завершен труд Дж. Грирсона «Лингвистический обзор Индии» (1904)⁹, в котором на высоком научном уровне была дана систематизация всех языков Индии, включая и тибето-бирманские и монкхмерские языки Северо-Восточной Индии (следует сказать, что в отношении интересующего нас района труд Грирсона до наших дней остается основополагающим во всех вопросах лингвистической и этнической классификации народов). Таким образом, появилась возможность выделить для исследования вполне четкие этнические единицы. В самих монографиях материал систематизировался по определенным тематическим разделам, причем порядок самих разделов приобретает фиксированный характер. Так, появляются специальные главы, посвященные «законам и обычаям», где дается описание особенностей родовой и семейной организации.

Подход к проблемам общественного строя у всех авторов типичен для буржуазной этнографии и выражается в односторонности исследования, в отрыве социальных институтов от экономических отношений и в пренебрежении этими последними. Вся система производственных отношений описывается вне поля зрения авторов. Таким кардинальным вопросом социальной организации землевладельцев как формы земельной собственности уделяется незначительное внимание. Преобладает материал по сохраняющимся первобытнообщинным отношениям, особенно, по материнскому роду (у гаро и ххаси), а также сведения по вопросам семьи, брака, наследования. Однако и в этих вопросах много неточного: например, матрилинейная группа «мачонг» у гаро, по словам Плейфэра, имеет тотемистическое происхождение, а несколькими строками раньше тот же автор утверждает, что мачонг «раньше был семьей»¹⁰. В целом по рассматриваемым работам характер общины представляется неясным: приводимые материалы говорят в основном о родовых институтах, а отдельные вскользь упомянутые факты указывают на соседскую форму общинной организации. Однако каковы бы ни были недостатки первых монографических описаний ассамских племен, эти работы и сейчас остаются единственными общими описаниями данных народов и продолжают служить основным источником информации для исследователей, обращающихся к рассматриваемому району. Материал этот далеко не полный, к тому же в значительной мере устарел, и поэтому нуждается в критическом подходе.

Лишь в 20-е годы начинается систематическое монографическое изучение самых восточных обитателей Индии — нага. Одновременно продолжается исследование других народов, в частности группы куки-чин. Это работы Т. Даса, Н. Пэрри, А. Мак-

⁵ A. Bastian, *Völkerstämme am Brahmaputra und verwandtschaftliche Nachbarn*, Berlin, 1883.

⁶ A. Playfair, *The Garos*, London, 1909.

⁷ P. R. Gurdon, *The Khasis*, London, 1914.

⁸ J. Shakespeare, *The Lushai Kuki clans*, London, 1912.

⁹ G. A. Grierson, *Linguistic survey of India*, Calcutta, 1904.

¹⁰ A. Playfair, Указ. раб., стр. 65.

кола¹¹ и др. Опыт первых монографий не прошел даром. Был накоплен значительный материал по многим народам, была выработана определенная методология этнографического описания, была определена в общих чертах историческая роль основных народов в этническом развитии северо-восточной горной области. Все это обусловило значительно более высокий научный уровень этой серии работ, которые представляют собой как бы следующую ступень в описании горных народов Ассама. Наиболее показательны в этом отношении работы по нага. В течение нескольких лет выходит серия превосходных монографий, которая охватывает группу основных народностей нага. Это книги Дж. Хаттона по ангами и сема нага, Дж. Миллза о лхота, ао и ренгма, У. Смита об ао, К. фон Фюрер-Хаймендорфа о восточных нага¹² и др. Перечисленные авторы — уже не просто колониальные чиновники, а видные специалисты-этнографы, перу которых принадлежат многие научные труды по данному региону; при этом Дж. Хаттон в течение многих лет возглавлял Отдел этнографии при ассамском правительстве.

Монографии о нага построены по четкому, единому в основных чертах плану: введение — домашняя жизнь (понимаемая широко — сюда включается и материальная культура и хозяйство) — законы и обычаи (т. е. политическая и социальная организация) — религия. Серию отличает полное единодушие взглядов авторов отдельных монографий. Это впечатление усиливается тем, что крупнейший специалист по нага, автор многочисленных работ по этнографии Индии Дж. Хаттон написал для большинства этих работ вводные разделы, которые дают общую историческую основу для изучения современной этнографии нага. Эти введения как бы объединяют отдельные книги в некий коллективный многотомный труд. Авторы работали в постоянном контакте, изложение материала сопровождалось аналогиями и ссылками на факты из этнографии других нага. Все это позволяет составить общую картину культуры нага, включая даже тех, о которых нет специальных работ: авторы, особенно Дж. Хаттон, приводят многие сведения, которые выходят за рамки описываемого ими народа, привлекают большой сравнительный материал. Разделы, посвященные социальной организации, дают детальный, в отдельных случаях исчерпывающий материал по системе экзогамных группировок и взаимоотношений отдельных родовых групп, на большом фактическом материале разбираются вопросы семьи и брака. При отмеченном единстве плана особенно ярко и наглядно вырисовывается сходство многих институтов нага и общей схемы их организации (следы дуальной организации с последующим дроблением на три изначальных рода, социальная неравноценность этих древних родов и др.), и на этом фоне ярко выступают отдельные специфические детали (например так называемые соответственные роды — «corresponding clans» — у некоторых групп нага, или своеобразная система возрастных классов, характерная для общества ао нага, или, наконец, культ вождей у коньяков). Для всей системы экзогамных подразделений приводится местная терминология.

При всех несомненных достоинствах описываемых монографий методологические недостатки, отмеченные для более ранних работ, и здесь дают себя знать. По-прежнему социальная надстройка описывается вне связи с экономическими процессами в обществе, поэтому ускользает динамика развития общества, неясно соотношение родовых и соседских элементов в общине, да и сама община как таковая специально не описывается. Однако высокое научное качество работ проявляется в том, что приводимый конкретный материал — например по землевладению, обмену, связанный с экономическими функциями отдельной семьи, хотя и данный статично, позволяет читателю самому представить характер общины и проследить в ней процессы разложения не только родовых, но и соседско-общинных институтов.

Перечисленными монографиями ни в коей мере не исчерпываются этнографические описания нага. Существует еще много более кратких работ и статей, имеющих подобную же структуру и ставящих перед собой те же задачи — дать описание того или иного народа. Нет возможности в рамках журнальной статьи перечислить все эти работы, поэтому мы ограничимся лишь несколькими характерными примерами. Таковы, например, работа Х. Кауффмана о сангмамах, обобщающая статья о социальной и политической структуре нага К. фон Фюрер-Хаймендорфа¹³ и некоторые другие. В целом все отмеченные работы дают обильный конкретный материал по наиболее крупным горным народам Ассамских гор. Однако в настоящее время материал этот сильно

¹¹ T. D a s, The Purums.— An old Kuki tribe of Manipur, Calcutta, 1945; N. E. P a r r y, The Lakhers, London, 1932; A. G. M c C a l l, Lushai chrysalis, London, 1949.

¹² J. H u t t o n, The Angami Nagas, London, 1921; ег о ж е, The Sema Nagas, London, 1921; J. M i l l s, The Lhota Nagas, London, 1922; ег о ж е, The Ao Nagas, London, 1926; ег о ж е, The Rengma Nagas, London, 1937; W. S m i t h, The Ao Naga tribe of Assam, London, 1925; Ch. v o n F ü r e r - H a i m e n d o r f, The naked Nagas, London, 1939.

¹³ H. E. K a u f f m a n n, Kurze Ethnographie der nördlichen Sanglam Naga. (Iophomi). Assam, «Anthropos», Bd. XXXIV, 1939; Ch. v o n F ü r e r - H a i m e n d o r f, Staat und Gesellschaft bei den Naga, «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1932, Hft. 1/3, S. 8—40.

устарел. Поэтому обращение позднейших авторов к данным этих монографий приводит к досадным недоразумениям. Примером могут служить данные о землевладении у лушеев, содержащиеся в брошюре Б. Вермы, посвященной земельным отношениям у ассамских народов¹⁴; эти данные, свидетельствующие об отсутствии у лушеев понятия собственности, почерпнуты Вермой у Шекспира (1912) и находятся в полном противоречии с фактами, содержащимися, например, у Пэрри (1932): классическая монография Шекспира отстала от современности более чем на пятьдесят лет.

Наиболее поздно началось этнографическое описание группы пригималайских народов Ассам. Монографические работы по этим народам, не такие исчерпывающие, как описанная выше серия, стали появляться в основном в последние десять — пятнадцать лет, уже после обретения Индией независимости. В последние годы, в связи с насущной необходимостью для правительства Индийской республики решить национальный вопрос, особенно проблему малых народов, интерес к североассамским племенам резко возрос. Сейчас целая группа этнографов работает над данной проблемой. Инициатором в изучении этой удаленной территории был выдающийся этнограф, исследователь племенных меньшинств Северо-Восточной и Центральной Индии Веррье Элвин¹⁵. В качестве авторов выступают главным образом молодые индийские этнографы, работники Антропологической службы Индии, которая в последние годы очень активизировала свою деятельность. Это Б. Шукла, Т. К. Баруа, С. Рой¹⁶ и др.

Очень важную роль в развитии знаний о пригималайских народах играет «Ваньяджати» — журнал, издающийся в Нью-Дели на двух языках — английском и хинди (статьи на этих языках, как правило, не дублируются). Это журнал этнографический по тематике и ставящий перед собой конкретные практические задачи, направленные на повышение благосостояния национальных меньшинств и развитие их материальных и духовных богатств. Здесь можно найти статьи по многим ассамским племенам, но наиболее интересны публикации по североассамским народам, которые в отношении социальной структуры зачастую содержат очень ценный материал, например статьи С. Роя, посвященные мишми и ади¹⁷. Оценивая материал по общественному строю, который дают приведенные работы, не следует забывать, что это лишь первое слово о данных племенах. Преобладают сведения, касающиеся семьи и брачных правил, — описание порядка сватовства и заключения брака, домов юношей и девушек; в самом общем виде дается представление о родовых группах. Интересный материал из первых рук приводит С. Рой по родовым группировкам аборов и мишми, но здесь возникают сложности из-за недостаточной разработанности специальной этнографической терминологии на хинди, в результате чего смысл определенного понятия или явления может оказаться не вполне ясным (например, в отношении термина — гогрантаривахи паривар — экзогамная (?) семья).

Особое место в ряду отдельных изданий по североассамским племенам занимает книга К. фон Фюрер-Хаймендорфа об апа-тани¹⁸. Можно сказать, что Фюрер-Хаймендорф открыл эту небольшую народность, о которой раньше не было ничего известно, кроме названия и места обитания (и то неточного). Среди окружающих их полусоседских воинственных дафла апа-тани представляют собой удивительный оазис. Традиционные земледельцы, имеющие великолепные террасные поля, апа-тани живут сплоченными общинами, развитие которых, однако, зашло настолько далеко, что, например, купля-продажа у них достигла большей интенсивности, чем у какого-либо другого из ассамских народов. Это интереснейший пример автохтонного развития маленького народа, фактически оторванного (до недавнего времени) от общения с внешним миром, и тем не менее ушедшего далеко вперед по сравнению с их соседями — дафла, более многочисленными и имевшими более широкие контакты с окружающими народами. Сравнительно высокое экономическое развитие апа-тани сочетается с родовыми традициями, взаимопомощью, родовой сплоченностью, тоже более ярко выраженными, чем у большинства народов Ассам.

Представление о степени этнографической изученности горных народов Северо-Восточной Индии было бы неполным, если не упомянуть описания путешественников, путевые записки которых нередко содержат ценные сведения, касающиеся социального строя. Отметим из них книгу Г. Бертран о матрилинейных народах Ассам и

¹⁴ B. B. Verma, Agriculture and land ownership system among the primitive people of Assam, Delhi, 1956.

¹⁵ М. К. Кудрявцев, Доктор Веррье Элвин, «Страны и народы Востока», вып. V (Индия — страна и народ), М., 1967, стр. 106—110.

¹⁶ B. K. Shukla, The Dafia of the Subansiri region. Shillong, 1959; T. K. Baruah, The Idu Mishmis, Shillong, 1960; S. Roy, Aspects of Padam-Minyong culture, Shillong, 1960.

¹⁷ Shachin Rāy, Lohitvāsi mishmī, «Vanyajāti», 1958, vol. VI, p. 107—113; его же, Uttarpūrv simake adi, «Vanyajāti», 1958, vol. VI, № 2, pp. 68—76.

¹⁸ Ch. von Furer-Haimendorf, The Apa-Tanis and their neighbours, London, 1962.

работу У. Боуэр¹⁹, в которых содержится ценный этнографический материал по ряду народов горных районов, в том числе и малоизученным северным племенам. Этот материал интересен тем, что он наглядно иллюстрирует зафиксированные в научной литературе факты и тем самым свидетельствует об их сохранении (пример с действием матрилинейных институтов у гаро в книге Г. Бертран и др.).

Наконец, необходимо отметить и такой важнейший источник информации по рассматриваемому сюжету, как публикацию монографической серии «Индийской переписи 1961 г.»²⁰. Это серия описаний, посвященных отдельным населенным пунктам северо-восточной горной области. Монографии содержат детальное описание всех сторон (материальной, социальной, духовной) жизни деревни, а также многочисленные иллюстрации, чертежи, схемы и, главное, подробные статистические данные. Трудно переоценить роль этих изданий, которые в своей совокупности наконец-то дадут надежную основу для самых широких специальных исследований общины у народов Северо-Восточной Индии.

После того как основные народы горного Ассамы были описаны, начался новый этап работы — углубление и уточнение материала, анализ отдельных институтов этих народов. Этот новый подход к изучению требовал обязательной основы в виде определенной массы накопленных сведений. Такого рода основа была заложена к 1930-м годам. К этому времени и относится начало публикаций исследовательского плана, продолжающихся и в наши дни. В центре внимания исследователей оказываются не народы в целом, а отдельные вопросы и явления, связанные с их организацией и культурой. Как правило, это не широкие теоретические исследования, а более или менее детальное рассмотрение какого-либо частного вопроса под определенным углом зрения. Чаще всего такому специальному разбору подвергаются отдельные особенности социальной организации. Действительно, в теоретическом плане социальная структура ассамских малых народов представляет немалый интерес, и этот материал должен быть введен в широкий научный оборот. В этом вопросе сама множественность народов, которая так затрудняет общее изучение северо-восточного горного района, дает неоспоримые преимущества. Здесь представляется возможность наблюдать, хотя и на протяжении ограниченного отрезка времени, различные моменты одной стадии развития общины, динамику смены социальных отношений. Единая для всех малых народов этого района в настоящее время стадия соседской общины у разных групп существует на различных уровнях: у одних соседская община еще связана с родовыми институтами, у других развитая соседскообщинная организация существует при значительном разложении родовой структуры, наконец, есть народы, у которых и сельская община находится на стадии разложения и общество принимает отчетливо выраженный классовый характер. Для полноты картины следует добавить усиливающееся влияние окружающих народов, которое в разной степени дает себя знать в разных районах северо-восточной горной области²¹. Все это создает богатое поле деятельности для исследователей общественного строя.

К сожалению, ассамский материал, содержащий множество интересных в общетеоретическом плане примеров, в мировой этнографии почти не фигурирует. Это относится как к собственно индийским, так и к зарубежным (европейским и американским, число которых в последние годы увеличивается) исследованиям. И советские этнографы практически почти не привлекают данные по общественной структуре ассамских племен в своих теоретических исследованиях. Можно назвать лишь имена Д. А. Ольдерогге, которому принадлежит исследование вопроса о трехродовом союзе с широким привлечением ассамских материалов²², и Н. А. Бутинова, который ссылается на указанные народы в своей работе, посвященной изучению истории общины²³. Между тем внимания теоретиков достойны дуальная организация у горных народов, брачные классы, формы кузенного брака, дома холостяков и связанная с ними система возрастных классов и т. д. Особую группу составляет комплекс вопросов, связанных с проблемами материнского рода. Все эти явления зафиксированы в рассматриваемом районе непосредственными наблюдателями, некоторые из них разобраны специалистами по индий-

¹⁹ G. Bertrand, *Secret lands where women reign*, London, 1958; См. пер.: «Сов. этнография», 1961, № 6; U. Bower, *Naga path*, London, 1951; еѐ же, *The hidden land Mission to a far corner of India*, London, 1953.

²⁰ «Census of India, 1961. Monograph series. Office of the Registrar General», India, New-Delhi.

²¹ Об этом подробнее см.: С. А. Маретина, *Община у горных народов Ассамы, «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии»*, Л., 1967, стр. 7—49.

²² Этому вопросу посвящена диссертация Д. А. Ольдерогге; по этой теме см. его же, *Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии*, «Сов. этнография», 1946, № 4.

²³ Н. А. Бутинов, *Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира, «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии»*, Л., 1967, стр. 168—191.

ской этнографии; следующим шагом должно быть вовлечение их в общетеоретический обиход.

Среди исследовательских работ особо следует выделить работу Р. Бёрлинга, посвященную социальной организации деревни гаро²⁴. Написанная на основе тщательного обследования одной деревни, в которой автор прожил два года, монография Бёрлинга дает интереснейший материал по ряду важных вопросов общинной структуры, таких как вопросы земельной собственности, деревенского самоуправления, внутреннего рынка и т. д. Вся сложная система межродовых и семейных связей гаро разобрана наглядно и всесторонне. При этом некоторые вопросы в книге поданы совершенно по-новому, творчески, например, о формальных, не совпадающих с фактическим владением, правах на землю, связанных с вопросами престижа, или об участии матрилинейной родовой группы в решении деревенских конфликтов. Пристальное внимание Бёрлинга к вопросам общинного производства делает его труд особенно ценным. Книгу Бёрлинга можно считать образцом новой формы монографического исследования, нацеленного на более углубленное изучение поставленных вопросов.

За исключением книги Бёрлинга, работы по различным аспектам социальной организации малых народов Ассама представляют собой отдельные статьи, периодически появляющиеся на страницах таких этнографических журналов, как «Anthropos», «Eastern Anthropologist», «American Anthropologist», «Man», «Man in India», «Zeitschrift für Ethnologie», а также единичные брошюры или главы в общих работах. Нет возможности перечислить даже основные из этих статей (их насчитывается не один десяток), хочется отметить лишь основные направления этих исследований, дать им общую оценку.

Прежде всего, в большей части работ преимущественное внимание по-прежнему уделяется отдельным явлениям и институтам родовой организации, или же относящимся к сфере семейно-брачных отношений. Можно назвать лишь единичные работы, затрагивающие социально-экономические вопросы общинной организации. Такова уже упоминавшаяся выше небольшая книжка Б. Вермы, глава по гаро (12 стр.) в работе Р. Бёрлинга, посвященной горным земледельцам-рисоводам материковой Юго-Восточной Азии²⁵, или подробная статья Х. Кауфмана о хозяйстве горных народов Ассама и Бирмы, где имеются отдельные замечания и о характере земельной собственности у них²⁶. Вопросы общинной экономики в этих работах занимают самое скромное место и дают мало нового по сравнению с материалом общих описаний народов. В 1956 г. была опубликована интересная статья советского историка Б. А. Калягина, посвященная хозяйственному укладу и формам собственности у нага²⁷. В целом же социально-экономическая основа общественной организации горных народов не исследуется, а ведь именно эта основа является исходным моментом для определения уровня развития общины²⁸.

Другая особенность рассматриваемой категории работ заключается в том, что огромное большинство поднятых в них вопросов имеет отношение к народам с матрилинейной организацией или непосредственно к проблеме материнского рода. Преобладание такого рода работ бросается в глаза даже при самом поверхностном знакомстве с библиографией по горным народам. Среди многих десятков малых народов Ассамских гор только два — гаро и кхаси сохраняют матрилинейную структуру, тем не менее пристальное внимание исследователей привлечено именно к ним. Это не значит, конечно, что патрилинейные народы полностью игнорируются исследователями. Можно назвать ряд публикаций по нага, своеобразный итог которым подводит статья неоднократно упоминавшегося нами Дж. Хаттона²⁹. В этой статье крупнейший знаток этнографии нага, обобщая свой многолетний опыт, выносит за скобки общие для всех нага особенности их социальной и политической организации. Отдельные статьи появляются и по другим племенам, имеющим отцовское право. Вместе с тем основное внимание исследователей привлекают именно матрилинейные народы. Показательно, что даже у нага с их ярко выраженной патрилинейностью именно матрилинейные черты, очень немногочисленные у этого народа, становятся предметом специального исследования³⁰.

²⁴ R. Burling, Rengsanggr. Family and kinship in a Garo village, Philadelphia, 1963.

²⁵ R. Burling, Hill farms and paddy fields, Englewood Cliffs, New Jersey, 1963.

²⁶ H. E. Kauffmann, Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord-Burma, «Zeitschrift für Ethnologie», 1934, Bd. 66, Hft. 1.

²⁷ Б. А. Калягин, Хозяйственный уклад и формы собственности племен нага, «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, стр. 87—92.

²⁸ С. А. Маретина, Община и вопросы землевладения у народов Ассамских гор, «Народы Азии и Африки», 1966, № 3, стр. 51—60.

²⁹ J. Hutton, The mixed culture of the Naga tribes, «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», 1965, vol. 95.

³⁰ K. M. Kapadia, The matrilineal social organisation of the Nagas of Assam, Bombay, 1950.

Интерес исследователей к народам, сохраняющим материнский род, не случаен. Тот факт, что два соседних народа — гаро и кхаси, не родственные между собой и даже принадлежащие к разным языковым семьям, сохраняют матрилинейную организацию (при наличии весьма существенных различий во многих сферах культуры), представляет широкие возможности для сравнительного анализа институтов материнского рода; наличие же в непосредственном соседстве с ними большой группы патрилинейных народов (тибето-бирманцев, как и гаро) позволяет поставить вопрос о причинах, вызвавших это различие в филиации родственных народов. За частными вопросами истоков матрилинейной структуры гаро и кхаси, сходства и различий матрилинейных институтов у обоих народов встает общая проблема материнского рода и соотношения его с отцовским. В таком общетеоретическом плане интересуется ассамский материал Р. Гейне-Гельдерна, который привлекает его в своих интересных, но спорных этногенетических исследованиях, типичных для культурно-исторической школы, где он связывает материнское право с мон-кхмерами³¹. Широко представлен материал по гаро и кхаси у О. Эренфелса, специально занимавшегося проблемами матрилинейных народов Индии³². На основании сравнительного анализа матрилинейной структуры гаро и кхаси Эренфелс приходит к выводу о неоригинальном, заимствованном характере матрилинейных институтов гаро и склонен объяснять их существование влиянием соседних кхаси. При всей оригинальности подобного подхода его вряд ли можно считать бесспорным³³. И сейчас вопрос о причинах сохранения материнского права у двух небольших народностей центрального Ассам, по уровню развития не только не уступают окружающим народам, но один из них (кхаси) и значительно превосходит их, остается открытым.

Кроме исследований теоретического плана по проблемам материнского рода, опубликован (и продолжает издаваться) ряд статей, посвященных отдельным институтам и особенностям опять-таки матрилинейной организации гаро и кхаси. Чаще всего эти работы не сопровождаются теоретическими обобщениями. Они дополняют чрезвычайно ценным материалом наши сведения об общественной организации рассматриваемых народов, причем материалом систематизированным и поданным под определенным углом зрения. Так, статья Дж. Косты об обычном праве гаро дает подробную сводку всех правил и предписаний, которые управляют жизнью гаро, и описывает порядок исполнения традиционных обычаев; вместе со статьей Дж. Боза о наследовании у гаро она позволяет составить достаточно полное представление об обычном праве этого народа³⁴. Статьи Б. Мукерджи содержат очень четкое описание семьи гаро и некоторых сторон их родовой организации; того же автора интересуют и родовые группы другого матрилинейного народа Ассам — кхаси³⁵. Сравнению брачных правил тех же двух народов посвящена статья Т. Ходсона³⁶. Специальная работа по системе родства у кхаси, с приведением местной терминологии, принадлежит К. Чаттопадхье³⁷. Из более поздних публикаций необходимо отметить небольшую статью Пранаба Кумара Даса Гупты об очень своеобразных экономических связях одной из локальных групп кхаси — вар-кхаси с соседями, чем-то напоминающих разделение труда у некоторых южноиндийских племен³⁸.

Следует упомянуть статьи Дж. Боза, Р. Бёрлинга и некоторых других³⁹. Особое внимание этих исследователей привлекает так называемая «система нокром» у гаро. Суть системы заключается в том, что муж наследники должен всегда принадлежать к

³¹ R. Heine-Geldern, Mutterrecht und Kopfjagd im westlichen Hinterindien, «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», 1921, Bd 50.

³² O. R. Ehrenfels, Mother-right in India, Hyderabad, 1941; его же, The dual system and mother-right in India, «Anthropos», 1940—41, Hft. 4—6; его же, Three matrilineal groups of Assam, «The American Anthropologist», 1955, vol. 57, № 2.

³³ Подробнее об этом см.: С. А. Болдырева (Маретина), Черты материнско-родовой организации у гаро и кхаси (Ассам), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 65, М., 1961, стр. 183—202.

³⁴ J. Costa, The Garo code of law, «Anthropos», 1954, Bd. 49, Fasc. 5—6; J. Bose, The Garo law of inheritance, «The Journal of Anthropological Papers», Calcutta, 1941, new series, № 61.

³⁵ B. Mukherjee, Garo family, «The Eastern Anthropologist», 1957, vol. II, № 1; его же, Garo marriage and kinship organisation, «Anthropologist», 1958, vol. 3, № 1—2; его же, Social groupings among the Khasis of Assam, «Man in India», 1958, vol. 38.

³⁶ T. Hodson, The Garo and Khasi marriage systems contrasted, «Man in India», 1921, vol. 1.

³⁷ K. Chattopadhyay, Khasi kinship and social organisation, «The Journal of Anthropological Papers», new series, № 6, Calcutta, 1941.

³⁸ Pranab Kumar Das Gupta, A note on inter-ethnic relationship and certain changes in the life of the War-Khasis of Shella, «Vanyajati», 1961, vol. 9, № 3.

³⁹ J. Bose, The Nokrom system of the Garos of Assam, «Man», 1936, № 3; R. Burling, Garo cross-cousin marriage, «Man», 1958, № 7.

тому же роду, что и ее отец, и таким образом из поколения в поколение продолжается связь двух родов, совместно осуществляющих контроль за имуществом семьи. Иногда обсуждение отдельных вопросов социальной организации принимает характер дискуссий; например, по вопросу о локальности брака у гаро. Мнения двух специалистов — Ч. Накане и Р. Бёрлинга⁴⁰ разошлись: первая рассматривала наличие определенного процента патрилокальных браков у гаро как нарушение традиционного порядка, второй считал это явление не только естественным, но даже неизбежным для матрилинейной организации гаро.

Мы наметили лишь основные направления исследования социальной организации малых народов Ассама и не претендуем на приведение всей библиографии проблемы. В последние годы в самой Индии резко возрос интерес к национальным меньшинствам страны, к их формам организации и перспективам развития; из среды самих племен выходят первые этнографы — таковы исследователь кхаси Д. Рой или ао нага Тадженьюба Ао⁴¹. Время выдвигает новые требования к этнографии Индии. Горные народы Ассама переживают сейчас сложный период, когда новые веяния все сильнее проникают в их традиционные общины и взрывают веками установившийся, развивающийся по своим внутренним законам уклад. В результате в их общественной структуре происходят очень важные изменения. Оказались сдвинуты во времени многие процессы, исторически принадлежащие к разным этапам развития, у ряда народов одновременно происходит трансформация родовых институтов и разложение общины как таковой. Бурно прогрессирующий в последние годы процесс имущественного расслоения затрагивает сложившиеся в большинстве общин социальные группы и сословия, и они по-разному реагируют на нарушение традиционных установлений. Все эти новые тенденции, в их динамике и переплетении, требуют рассмотрения. Специалистам по общественному строю предстоит не только фиксировать уходящие явления первобытнообщинного строя, но и уловить то новое, что определяет современное развитие малых народов Северо-Восточной Индии.

С. А. Маретина

⁴⁰ Ch. Nakane, Cross-cousin marriage among the Garos, «Man», 1958, № 7; R. Burling, Garo cross-cousin marriage.

⁴¹ D. Roy, Who is a Khasi? Shillong, 1963; Ao Tadjenyuba, Ao Naga customary law, Mokokchung, 1957.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. *История первобытного общества*. М., 1968.

Публикация учебника по истории первобытного общества, написанного тремя известными советскими учеными, представителями трех родственных областей знания — этнографии, археологии и антропологии, является большим событием в истории советской науки. Рецензируемая нами работа — не просто учебное пособие. Это по существу первое марксистское обобщение современных знаний в области наук, мыслившихся еще Аучинным как некая единая «триада» наук о первобытном человечестве. В этом специфика источников первобытной истории, которая может изучаться лишь на основе комплекса знаний в области этих трех наук.

Во вводной части книги авторы дают четкое определение предмета истории первобытного общества — первобытнообщинной формации, первой формации в истории человечества, охватывающей огромный период от появления на земле человека и до возникновения классового общества и государства. Здесь же справедливо подчеркивается огромное мировоззренческое значение науки о первобытности и важное прикладное значение ее на современном этапе развития многих племен и народов мира.

Авторы знакомят читателя с состоянием вопроса о периодизации первобытной истории. Справедливо отмечая, что эта сложная проблема еще окончательно не решена, они делят первобытную историю на три основные эпохи: эпоху первобытного стада, эпоху родового строя и эпоху разложения первобытнообщинной формации. Этой периодизации придерживается большинство советских ученых.

В первой главе «Историография и источники первобытной истории» прослеживается развитие науки о первобытности от ее зарождения у античных греков и римлян, через средневековье, эпоху великих географических открытий и до наших дней. В ней дан критический анализ различных школ и направлений (эволюционизм, диффузионизм, функционализм и др.), возникавших в истории науки. Вскрывая методологические пороки этих школ, авторы в то же время отмечают положительный вклад каждой из них в

накопление конкретных знаний о первобытном обществе. Особое место уделяется истории разработки марксистской концепции первобытной истории.

В последующих главах дана характеристика отдельных эпох в истории первобытнообщинной формации. Эпохе становления человеческого общества — первобытному стаду — посвящена вторая глава. Значительное место в ней уделено проблемам антропогенеза, определению его движущих сил, роли труда в очеловечении обезьяны, эволюции орудий труда и трудовой деятельности древних гоминид. В этой главе обобщены все новейшие данные палеоантропологии и палеоархеологии. В ней на основе совокупности хотя и косвенных данных антропологии, археологии и этнографии сделана попытка исторической реконструкции дородового состояния человечества — первобытного человеческого стада, начало которого датируется появлением искусственных орудий труда и конец — появлением современного вида человека и вместе с ним «готового» человеческого общества. Авторы выделяют раннее стадо древнейших людей и более развитое стадо неандертальцев. Они приводят интересные данные, позволяющие считать, что стадо состояло из 20—30 взрослых членов и было сравнительно оседлым.

Остановившаяся на вопросе о борьбе между индивидуалистическими и стадно-коллективистскими формами поведения в первобытном стаде и вытеснении первых вторыми, авторы справедливо допускают, что столкновения в стаде не могли носить массового характера, иначе стадо не могло бы развиваться до более высоких форм. Да и сама сравнительная устойчивость первобытных коллективов говорила против этого.

Первостепенное значение для перехода стадной организации в родовую авторы видят в обуздании зоологического индивидуализма в области половых отношений. Авторы отмечают ошибочность идеи Л. Г. Моргана о кровнородственной семье как древнейшей форме брачно-половых связей.

Третья глава («Расцвет первобытного общества: родовая община») посвящена характеристике родового строя как этапа расцвета первобытного общества.

Возникновение родовой организации авторы, следуя большинству советских ученых, относят к эпохе позднего палеолита, связывая его с появлением человека современного вида. Поднимая еще не решенный вопрос о месте формирования последнего, авторы склонны поддерживать гипотезу полицентризма, согласно которой разные расы современного человека произошли от разных рас неандертальцев. Однако большое число ученых придерживается гипотезы моноцентризма, согласно которой человек современного вида возник в результате смещения различных представителей неандертальцев в одном центре эйкумены — в Передней Азии и Средиземноморье. В пользу этой гипотезы говорит как будто и факт большей типологической однородности позднепалеолитического человека, чем современного. В этой главе в сжатой форме излагаются проблемы расогенеза, приведшего к сложению трех больших рас человечества. Важнейшим условием завершения биологической эволюции человека, как и его следствием, был, как отмечают авторы, «мощный, археологически устанавливаемый скачок в развитии производительных сил». Огромные сдвиги в развитии производительных сил повлекли за собой крупнейшие изменения в организации общества. На смену аморфной неустойчивой структуре стада должна была прийти более устойчивая форма общественного устройства — род. Авторы приводят широкую аргументацию в пользу закономерной обусловленности возникновения материнского рода.

«Материнская родовая община, — пишут авторы, — являлась уже сформировавшимся, «готовым» человеческим обществом» (стр. 71). В ней «отношения родства осознавались как экономические отношения, экономические отношения — как отношения естественного родства» (стр. 71). Остановившаяся на экзогамии как важнейшем признаке рода, авторы справедливо отмечают нерешенность вопроса о механизме ее возникновения. Знакома читателю с существующими точками зрения по этому вопросу, авторы выделяют как наиболее широко признанную гипотезу С. П. Толстова, объясняющую возникновение экзогамии необходимостью упорядочения хозяйственной жизни внутри первобытных коллективов.

Эпоху материнско-родового строя авторы делят на два больших этапа: 1) период ранней материнско-родовой общины охотников и рыболовов и 2) период развитой материнско-родовой общины земледельцев-скотоводов, справедливо видя рубеж между ними в переходе от присваивающего хозяйства к производящему. В пределах первого из этих периодов авторы различают два последовательных этапа: архаическое и более развитое охотничье хозяйство, сочетающееся во многих районах мира с рыболовством. Авторы справедливо отмечают, что положение Моргана, видевшего рубеж между этими этапами в изобретении лука, в основном подтверждается современными знаниями, хотя не везде этот признак оказался применимым. У многих племен Южной Америки, например, указывают авторы, не было лука, и их охотничье хозяйство развивалось на основе применения других, не менее действенных орудий. В связи с этим вполне обоснованным положением авторов встает вопрос о возможности такой же оценки уровня развития австралийцев.

Общественные отношения и духовная культура в ранней материнско-родовой общине реконструируются по пережиточным явлениям у племен охотников-рыболовов. Безусловно правы авторы, видя основу социальной жизни в эту эпоху в коллективизме

производства и распределения и оценивая эту общину как коллектив равных полноценных членов (стр. 98).

Характеризуя неолит и энеолит как эпоху развитой родовой общины земледельцев и скотоводов, авторы анализируют технические достижения этой эпохи. Изобретение земледелия и скотоводства отмечаются как важнейшие достижения человечества этой эпохи, усилившие в то же время неравномерность исторического развития различных племен.

В главе суммированы археологические и этнографические сведения, характеризующие разнообразные варианты раннеземледельческих обществ различных районов мира. Вместе с тем в ней показан и другой путь развития неолитической экономики, по которому пошли «высшие рыболовы и охотники» севера Евразии и Америки, носители кельтеминарской культуры в Средней Азии.

Большой познавательный интерес представляет характеристика общественных отношений народов неолитических культур. Несмотря на различный путь развития неолитической экономики, у различных народов этой эпохи складывались в общем сходные социальные структуры. Всюду, как убедительно показывают авторы, на основе роста производительности труда идет дальнейшее развитие родового строя. Ранняя материнско-родовая община уступает место более развитым ее формам. При сохранении коллективизма в отношениях собственности и совпадения их с естественными кровнородственными связями, скреплявшими производственный коллектив, шел процесс выделения из рода домовых общин или материнских семей, которые приобретали значение производственных коллективов. Возникавшая парная семья, говорится в главе, производственной ячейкой не была, «семьей в экономическом и общественном смысле, — справедливо отмечают авторы, — являлась вся материнская домовая община» (стр. 139).

На богатом этнографическом материале дано яркое и многогранное описание поздних форм материнско-родовой организации. Авторы удачно обобщили всю совокупность накопленных знаний о различных племенах и народах земного шара.

Глава четвертая («Разложение первобытного общества») посвящена анализу завершающего этапа в развитии родового строя. В качестве важнейшей предпосылки разложения первобытного общества справедливо указывается переход к широкому использованию металлов. Металлические орудия труда сыграли решающую роль в развитии всех отраслей хозяйственной деятельности людей. Появилась возможность производства прибавочного продукта как экономического условия возникновения отношений эксплуатации, классов. Здесь сжато обрисовывается процесс коренных изменений в общественных отношениях людей, знаменовавших переход от первобытно-коммунистического общества к классовому, а вместе с этим переход от родовых связей к территориальным.

Сомнение вызывает лишь положение авторов о «превращении родовой общины в соседскую» (стр. 159). Думается, что делокализация родов ведет к распаду родовых общин и замене (а не «превращению») их соседскими общинами. Приводимые в этой главе археологические и этнографические данные убедительно рисуют картину мира в эпоху бронзы и железа. Специальный раздел главы посвящен показу многообразия форм разложения первобытного общества. В качестве важнейших из них хорошо охарактеризованы патриархат и поздний матриархат. Как общую черту эпохи разложения первобытного общества авторы справедливо выделяют борьбу материнско-родовых и патриархальных начал, завершением которой всюду была смена материнского правопорядка отцовским. Авторы подчеркивают при этом, что патриархат был формой разложения родового строя, а не новым видом родового организации.

Духовная культура этой эпохи характеризуется сведениями о развитии положительных знаний, искусства, религии. В появлении письменности авторы справедливо видят апогей в развитии духовной культуры первобытного общества.

Серьезное внимание в этой главе уделено истории возникновения и развития частной собственности. На богатом научном материале обосновывается марксистское положение об исторически преходящем характере частной собственности и классов, и показывается несостоятельность буржуазных теорий об извечном, «естественном» происхождении институтов классового общества. Показана также несостоятельность так называемой «теории насилья», объясняющей происхождение классов и государства как следствия завоеваний.

Важное практическое значение имеет раздел о судьбах первобытной общины в классовых формациях. Он привлечет, несомненно, внимание историков, социологов и всех тех, кто интересуется современным социально-экономическим строительством у народов так называемого третьего мира. Затронутые в нем проблемы актуальны для племен и народов стран Азии, Африки, Латинской Америки.

Нельзя недооценить актуальность поднятых в этой главе проблем. Изложенные в ней сведения и выводы имеют злободневный характер в свете современной идеологической борьбы между научным коммунизмом и буржуазными социологическими теориями.

В общем «История первобытного общества» — это хорошо изложенный синтез, марксистское обобщение современных знаний в области первобытной истории. На

страницах этого труда развиваются и обогащаются новейшими данными современной науки основные положения марксистского понимания первого этапа в истории человеческого общества. Он заинтересует несомненно широкие круги советских общественников как пособие по важнейшим проблемам истории первобытного общества.

Нельзя не сказать также о хорошем языке, которым написана книга, и об изящном оформлении ее иллюстрациями.

Ю. П. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Л. М. С а б у р о в а. *Культура и быт русского населения Приангарья*. Конец XIX—XX в. 1967, 280 стр.

Русское население Приангарья в недалеком прошлом представляло собой своеобразную этнографическую группу; это старожильское население — потомки русских переселенцев, пришедших в Сибирь еще в XVII в. и сохранивших много своеобразных черт в хозяйстве, культуре, бытовом укладе. Историческая судьба русских Приангарья сложилась так, что, вскоре после освоения ими края, пути дальнейшего продвижения русских в глубь Сибири и торгово-экономические связи были перенесены южнее; рассматриваемое население оказалось в известной степени изолированным: приток новых русских поселенцев на Ангару прекратился и старожильское население как бы законсервировалось, сложилось в компактную и однородную группу. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, за годы социалистического строительства, а главным образом в связи с сооружением Братской ГЭС эта изолированность оказалась нарушенной: на Ангару приехало много новых поселенцев, в то время как значительное число местных жителей, особенно молодежи, покинуло родные места.

Рецензируемая книга (ответственный редактор В. А. Александров) явилась результатом длительного полевого изучения крестьянства Приангарья, проводившегося в течение шести лет — с 1957 по 1962 г. (состоялось пять экспедиций и одна поездка в осенне-зимнее время 1961 г.); кроме того, привлечены литературные материалы, относящиеся к этой территории, а также данные местных архивов.

Работа подразделяется на введение, заключение и четыре большие главы: «Занятия населения», «Изменения материальной культуры ангарских крестьян в годы Советской власти», «Семья и семейный быт», «Общественный быт». В каждой главе автором выделены дореволюционный (конец XIX — начало XX в.) и советский периоды, в некоторых главах выделен еще и третий, переходный период — 1920-е годы (до начала массовой коллективизации). Исключение представляет глава «Семья и семейный быт», где дореволюционная семья рассматривается в одном подразделе с преобразованием семьи в 1920-х годах, что автор объясняет отсутствием сравнительных статистических данных по дореволюционной семье. Нам представляется такая разбивка материала по всей книге в целом вполне обоснованной и целесообразной; считаем нужным лишь отметить, что вряд ли оправдано столь длинное название второй главы, ведь во существовании и во всех других главах также рассматриваются изменения, происшедшие за годы Советской власти; поэтому глава могла бы быть названа просто «Материальная культура», такое название не выделяло бы ее из формулировок названий всех остальных глав.

Объем всех четырех глав неодинаков, больше всего места отведено главе о хозяйстве (90 стр.), почти одинаковы по объему главы по материальной культуре (62 стр.) и семье (60 стр.), несколько меньше глава, посвященная общественному быту (46 стр.). Такое распределение материала нам представляется правильным с точки зрения охвата всех сторон культуры и быта и не вызывает возражений.

С точки зрения подачи современности опубликованные за последние полтора-два десятка лет этнографические монографии по отдельным народам или группам населения показывают, что их построение в основном сводится к двум методам: а) дается новое, а в нем попутно делаются экскурсы в старое, отмечаются различные пережитки и б) сначала дается старое, а потом новое, при этом прослеживается и ход совершавшихся изменений, сдвигов и т. п. Как нам представляется, второй метод является наиболее правильным, он историчен. Именно по этому пути и пошла Л. М. Сабурова в построении своей книги. При этом значительную часть ее содержания она отвела новому: даже простой подсчет страниц показывает, что современности в книге уделяется несколько больше места, чем прошлому (134 страницы из 260), что, однако, не привело к обеднению материала по прошлому, которое представлено достаточно полно и в целом дает яркую и колоритную картину жизни приангарского крестьянства до революции. Здесь много интересных бытовых подробностей; хорошо сделал автор, что в книге, помимо терминологии, приводит множество местных словесных оборотов и выражений, что отягчает описание.

Первая глава — Занятия населения — начинается с краткой характеристики природных условий края и истории освоения Приангарья в XVII в., описания взаимоотношений русских пришельцев с аборигенами края.

Далее приводится подробное описание земледелия — основного занятия русских переселенцев, дается анализ землепользования, описание сельскохозяйственных орудий и организации сельскохозяйственного труда. Любопытны некоторые сельскохозяйственные обряды, связанные с посевом, жатвой и молотью; среди них встречается и обычай дожинания последних снопов, как известно, распространенный во многих странах и у многих народов и связанный с представлением о «душе» поля.

Скотоводство у приангарских крестьян сопутствовало земледелию. Автор приводит материалы о примерном количестве скота, его содержании, выпасе, связанных со скотоводством поверьях. Видное место среди занятий населения занимал промысел пушного зверя; в книге подробно описана своеобразная организация этого промысла. Важное значение имеют данные о распределении охотничьих угодий и становлении частной собственности на них. Рыболовство, также занимавшее значительное место в хозяйстве, в отличие от охоты, носило коллективный характер, в нем преобладал главным образом женский труд; в книге дается описание приемов лова рыбы в различные сезоны. Некоторый доход приносили и подсобные промыслы, среди них существенное место занимала перевозка грузов водным и гужевым путем, а также лодманство, работа на чугуноделательном заводе и золотых приисках, что связано было с отходничеством. Натуральность хозяйства проявлялась и в развитии домашнего производства, среди которого отмечается обработка кож, ткачество, валяние суконов и др.

Автор подчеркивает, что хозяйственный быт до известной степени отражал генетические связи приангарского населения с северовеликорусами; некоторое влияние на хозяйство оказали также эвенки и буряты. Однако, как прибавляет автор, речь должна идти не о механическом соединении отдельных разнородных черт, а об их стойком переплаве, приведшем к созданию особого, своеобразного типа хозяйственной культуры.

В конце XIX в. в сельском хозяйстве Приангарья стали развиваться капиталистические отношения и классовое расслоение в деревне. Крестьяне попадают в зависимость от кулаков и купцов, происходит специализация отдельных районов, возникает обменная торговля, появляются ярмарки.

Во второй части первой главы автор ярко и образно рассказывает о переменах в деревне после революции. В первые годы в хозяйстве еще во многом сохранялось старое, однако уже заметны и перемены. Была отменена фактически уже установившаяся частная собственность на охотничьи угодья. Были созданы государственные прокатные пункты, отпускавшие сельскохозяйственные машины населению, было налажено снабжение семенным зерном, организованы кооперативные общества потребителей, кредитные общества взаимопомощи, машинно-конные станции, контрактиация и т. д.; все эти мероприятия в значительной мере высвободили бедноту из-под влияния кулачества.

Далее рассказывается о постепенном росте колхозов, об успехах и трудностях колхозного строительства, о военных годах, в которые колхозники, в основном женщины, обеспечивали своим трудом выполнение всех сельскохозяйственных работ и поставок государству на нужды фронта. В 1950-х годах большое оживление в жизнь колхозников внесло начало строительства Братской ГЭС: появились новая техника и механизированные средства сообщения, колхозы стали ориентироваться на рынок. В работе подробно рассказывается о современных достижениях колхозного хозяйства. С большим интересом читаются страницы, на которых говорится о распределении работ в колхозах по сезонам и месяцам и приводится сравнение этого сельскохозяйственного «календаря» со старым; это сравнение наглядно показывает разницу в характере трудовой нагрузки крестьян прежде и теперь; в частности, исчез ряд работ, особенно женских, отличавшихся чрезвычайной трудоемкостью.

Во второй главе мы находим описание жилища, одежды, пищи и утвари, а также тех изменений, которые произошли в этой области за годы Советской власти. Этот раздел снабжен большим числом хорошо выполненных рисунков и чертежей (художники Т. Л. Юзепчук и В. Г. Демьянов), являющихся наглядным дополнением к описанию. К сожалению, автор не отметил в работе, к какому типу восточнославянского жилища тяготеют дома Приангарья (об этом бегло лишь сказано в заключении к книге на стр. 274), в то время как такие параллели намечены для других аспектов материальной культуры (одежды, пищи).

Обстоятельно и подробно рассказывается об изменениях в материальной культуре за годы Советской власти. Показаны рост поселений, новая планировка деревень, изменения в устройстве и убранстве жилища.

Нужно отметить, что в разделе об одежде, по-видимому, по недосмотру издательства почему-то на одной из страниц (143) часть терминов набрана курсивом, хотя нигде в других местах на протяжении всего текста курсив не встречается и поэтому на одной лишь странице он выглядит несколько странно.

Очень обстоятельно разработана третья глава, посвященная семье и семейному быту. Первый ее раздел называется «Черты старого семейного строя и начало его пре-

образования в 1920-е годы». Автор отмечает в Приангарье стабильный, хотя и достаточно ограниченный состав фамилий: одни и те же фамилии встречаются в различных деревнях, в одной деревне обычно бывало 2—3 фамилии; часто однофамильцы считали себя родственниками, вероятно, когда-то так и было и такие фамилии можно рассматривать как патронимические.

В 1920-х годах преобладали семьи в 2—3, реже в 4 поколения, но были и семьи со сложным структурным составом, особенно среди зажиточных, с наличием боковых родственников. Хотя автор и не дает таблицы по численности семей (такие суммарные данные отсутствовали), а лишь по числу поколений, однако приведенные отдельные примеры показывают, что наиболее крупные семьи состояли из 14—16 человек.

Для семей с большим численным составом Л. М. Сабурова употребляет термины «большая семья» и «неразделенная семья», что, конечно, правильно по существу. Однако в последнее время у нас вошло в научный оборот разграничение этих понятий, причем под большой семьей понимается архаичная патриархальная семейная община со значительно большим числом женатых поколений, а под неразделенной семьей — семья стадии разложения патриархальной семейной общины, в которую входит лишь два женатых поколения; при женитьбе кого-либо из третьего поколения такая семья распадается (см. работы О. А. Сухаревой, М. А. Бикжановой, С. М. Абрамзона). Судя по приведенным Л. М. Сабуровой примерам, здесь мы имеем дело в основном с неразделенными семьями, но отдельные случаи (например, семья С. Я. Деревянных, стр. 168) говорят о том, что пережиточно существовали еще большие семьи. Автор приводит примеры, когда во главе семьи стоял не отец, а один из женатых братьев; при этом автор высказывает очень интересную мысль, что в таком случае структура семьи очень существенно менялась — здесь уже в основном дело не в прямом родстве, а в боковом. Часто это случалось уже после смерти отца, но семья не распадалась обычно и после смерти обоих родителей, что свидетельствует об устойчивости семейного строя. Однако в первые годы Советской власти продолжался процесс распада неразделенных семей, начавшийся еще до революции под влиянием возникновения капиталистических отношений.

Переходя к внутреннему укладу семьи, автор отмечает, что обычно во главе ее стоял мужчина, редко — женщина-вдова; подавляющее большинство семей возглавлялось мужчинами. Сравнительно молодого возраста, часто не старшими, а наиболее работоспособными. Как нам представляется, это свидетельствует об известной степени об изживании патриархального уклада, в то время как самый факт сохранения неразделенных семей, как правильно замечает автор, объяснялся сложностью многоотраслевого хозяйства. Л. М. Сабурова подробно останавливается на роли старшего в семье, распоряжавшегося имуществом и семейным бюджетом, распределявшим работу между другими членами семьи и т. п., в то время как распорядком работы между женщинами ведала жена главы семьи. Приводится много интересных подробностей, касающихся взаимоотношений и субординации между членами семьи (в частности такой любопытный факт, что младшие братья не могли называть по имени старшего брата, будущего преемника главы семьи — отца, а называли его «братка»). Тут автор указывает, что за внешней благопристойностью часто скрывались не совсем дружелюбные чувства, слишком большая деспотия старших наталкивалась на скрытый протест младших членов, особенно невесток, которые всегда стояли за выдел из семьи.

Л. М. Сабурова подробно останавливается на распределении обязанностей среди членов семьи и приводит много ценных подробностей половозрастного разделения труда. В частности, она справедливо придает большое значение факту ухода мужчин на отхожие промыслы, особенно в маломощных семьях, где почти всегда имелись избыточные работники, в то время как зажиточные семьи, напротив, часто привлекали дополнительную рабочую силу со стороны. Добавим, что везде и всюду в больших и неразделенных семьях уход на отхожие промыслы был одной из причин дробления семей и, возможно, в какой-то степени это влияло и на то, что несостоятельные семьи скорее разделялись, чем зажиточные. Приводится и другой любопытный факт: если девушка или женщина прирабатывала где-либо на стороне, в зажиточной семье или на поденшине, то такой заработок, как правило, был ее достоянием (для приданого, на нужды своей семьи). По-видимому, это явление, отмеченное на Ангаре, имело очень широкое распространение, в частности точно так же обстояло дело у многих народов Средней Азии.

Большой материал приводит Л. М. Сабурова по вопросу о разделах семей, которые, как уже говорилось, все чаще и чаще стали происходить в послереволюционные годы.

Много места отведено вопросу о браке, свадебной обрядности, воспитанию детей. Выбор жениха или невесты производили родители, но с согласия детей, насильственные браки встречались редко. Автор пишет, что в одних местах (на Илимe) преобладал калым, а в других (на Ангаре) — приданое. Было бы очень любопытно проследить причину этого явления. В качестве протеста против требования калыма иногда практиковался брак убогом. Свадебная обрядность была близка к северовеликорусской, хотя в ней проявлялись элементы из свадебных обрядов южновеликорусов, украинцев и белорусов.

Переходя к современной семье, Л. М. Сабурова отмечает факт перемещения населения внутри Приангарья, а также некоторый прилив пришлого населения, что привело к расширению территориальных, национальных и социальных рамок брачного круга. Много места отведено дальнейшему численному (в смысле уменьшения) и структурному изменению состава семей, что автор попытался отразить в ряде таблиц. Таблицы эти свидетельствуют о том, что средний состав семьи сократился с 6,5 чел. (1926 г.) до 3,5 чел. (1956 г.) и что наибольшая численность семей понизилась до 9 человек. Автор в таблицах приводит графы, касающиеся количества поколений; однако это нам представляется излишним, так как количество поколений в данной ситуации не показательное, оно вряд ли играет какую-либо роль при характеристике семьи (см. оговорку самого автора на стр. 198). В самом деле, если семья в четыре поколения состоит из 4 человек (см. табл. 7), или даже из 5—6 человек, то, на наш взгляд, она не может отражать характерную структуру семьи, а скорее показывает исключения, случайные варианты. То же можно сказать и о табл. 8—9; автор пишет, что в глубинных районах (где, по-видимому, должны были лучше сохраниться неразделенные семьи, табл. 8) больше всего проживает семей из трех поколений, но большинство их насчитывает от 3 до 6 человек. Поэтому и здесь число поколений вряд ли может говорить о какой-либо закономерности. В целом же закономерность заключается именно в том, что неразделенная семья окончательно сменилась малой.

Заключительный раздел главы посвящен родственным связям и семейным праздникам. Родственные связи сохраняются и с теми членами семьи, которые живут и работают в другом месте.

С большим мастерством написана и последняя глава «Общественный быт». Для старого времени Л. М. Сабурова показала общинное самоуправление, связанное с хозяйственными нуждами деревни, а также с выполнением (в порядке очередности разверстки) различных государственных повинностей, сбором налогов и т. п. Здесь много интересных подробностей и специфических черт, например, в организации мужевой повинности, ямщицкого дела. Здесь же охарактеризован и общественный характер различных занятий, помочи. Описана организация сельских праздников, в первую очередь престольных, масленицы, организация досуга молодежи (посиделки, маскарады). Автор отметил и такие важные моменты, как большое влияние на формирование сознания крестьянства наличия в крае политических ссыльных и, с другой стороны, незначительное влияние на население официального православия.

Для начала 1920-х годов даны интересные материалы по гражданской войне, партизанскому движению в крае, роли партии, комсомола и сельских сходов и организации первых Советов, развертыванию культурно-просветительной работы, школьной сети, вовлечению в общественную жизнь женщин.

В заключение широко показана общественная жизнь современной колхозной деревни Приангарья и, в частности, детально освещен вопрос о формировании и развитии духовного и культурного облика колхозника.

Л. М. Сабурова написала очень ценную и нужную книгу. Она умело показала, как сравнительно небольшая группа старожильческого русского населения, некогда заброшенная судьбой в один из отдаленных «медвежьих» углов нашей необъятной Родины, сумела не только выжить, но и приспособиться к местным тяжелым природным условиям и создать свою самостоятельную культуру. Однако лишь Октябрьская революция вывела жителей Приангарья из векового застоя и приобщила их к общей культуре, создала невиданные ранее условия для материального благосостояния и духовного развития. Книга, несомненно, будет интересна и тем специалистам, которые занимаются стариной, в ней они найдут много этнографических подробностей, различных старинных обычаев, и тем, кто занимается современной культурой и бытом — этнографам, социологам; книга поможет лучше понять ряд общих закономерностей в изменении материальной культуры, семейного и общественного быта. Не обойдет ее своим вниманием и широкий советский читатель.

Н. А. Кисляков

Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском поселке Висим). Составитель, автор статьи и примечаний В. П. Кругляшова. Свердловск, 1967, 303 стр., (Ученые записки Уральского гос. университета им. А. М. Горького, № 60, Серия филологическая, вып. 5).

Уральский государственный университет систематически проводит под руководством доцента В. П. Кругляшовой студенческие фольклорные экспедиции в разные районы Свердловской области. Из материалов, собранных в 1960—1964 гг. в Висиме, я составлен настоящий сборник. От ранее изданного сборника «Предания реки Чусовой» (Свердловск, 1961) он отличается не только значительно большим объемом, но и разнообразием представленных в нем устно-поэтических жанров. Книга состоит из

семи разделов: I — Предания, легенды, рассказы-воспоминания; II — Песни; III — Частушки; IV — Народная драма; V — Пословицы и поговорки; VI — Загадки; VII — Сказки. Таким образом, сборник дает достаточно полное представление о современной устно-поэтической традиции Висима типичного горнозаводского поселка Среднего Урала, и о фольклорном репертуаре разных возрастных групп его населения.

Нет необходимости говорить о значении подобных сборников для изучения истории и современного состояния фольклора, много дают они также для познания особенностей быта и культуры местного населения. Устно-поэтическая традиция Висима отличается значительным своеобразием, обусловленным историей его заселения (вспомним «Три конца» Д. Н. Мамина-Сибиряка), спецификой занятий и быта его жителей. Большой интерес представляет рецензируемый сборник и для изучения творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. Поэтому выбор для публикации именно висимского материала следует признать удачным.

Наиболее широко представлены в сборнике предания и устные рассказы, которые, как отмечается во вступительной статье, особенно характерны для уральского горнозаводского фольклора. Материал раздела очень разнообразен: здесь исторические предания о появлении в крае русских (с устойчиво сохраняемым древним мотивом о чуде, похоронившей себя заживо), о популярнейшем на Урале Ермаке, о Демидовых и др.; разного рода топонимические предания и рассказы-воспоминания о недавнем прошлом. Закономерно включены в сборник воспоминания о Мамине-Сибиряке и лицах, послуживших прототипами его героев. Но в некоторых случаях хотелось бы, чтобы отбор материала был более тщательным: не всякое воспоминание о прошлом является фольклорным произведением (во всяком случае, это следовало оговорить).

Достаточно широко и разносторонне представлены песни (всего 152 номера). Здесь разные виды обрядовых и необрядовых песен, традиционных и литературного происхождения; наряду с вариантами общераспространенных русских и некоторых украинских песен в сборнике даны и песни местные. Сюда же включена и запись традиционного свадебного обряда с входящими в него песнями, которая могла бы составить особый раздел. Несомненный интерес для исследователей представит народная драма: «Шайка разбойников „Черный ворон“». Остальные разделы невелики по объему и материал в них не столь разнообразен.

Во вступительной статье В. П. Кругляшовой дан краткий очерк истории Висима и быта его населения в прошлом и отмечаются некоторые специфические черты местной фольклорной традиции. Основное внимание в статье уделено несказочной прозе и песням, которые охарактеризованы достаточно обстоятельно, о других же жанрах, к сожалению, почти ничего не сказано.

Статью дополняют комментарии. К разным разделам они построены по-разному, и это хорошо. Наиболее обстоятельны комментарии к разделу несказочной прозы. В них анализируются отдельные мотивы преданий и указываются все произведения (часто с соответствующими цитатами из них) Д. Н. Мамина-Сибиряка, в которых использованы сюжеты приводимых преданий или выведены лица, о которых говорится в воспоминаниях. В данном сборнике, имеющем определенную установку, такие комментарии уместны. В комментариях к народной драме приведены очень ценные сведения об истории и бытовании народной драмы в Висиме, являющиеся существенным дополнением к опубликованному тексту. Комментарии же к песням неравноценны — некоторые разбираются достаточно основательно, с анализом вариантов, о других же в сущности ничего не сказано. При указании вариантов ссылки даются на ограниченное количество сборников. Это понятно; при отсутствии у нас указателя песен дать ссылки на все опубликованные варианты их невозможно, но надо было бы сказать, какие сборники взяты и почему. Комментарии же к другим разделам, как правило, ограничиваются только указанием вариантов, а к сказкам даны ссылки на указатель сказочных сюжетов Н. П. Андреева. Этим, конечно, можно ограничиться, но следовало выдержать принятый принцип до конца и не говорить, что сказка «Про Бабу-Ягу» (№ 7) «несет в себе отголоски страшной действительности периода Великой Отечественной войны» (стр. 276) и что в ней органически переплеталось старое и новое; никакого органического переплетения в сказке нет, а образы ее надуманы. Но это уже мелочи.

К сборнику приложен список лиц, от которых записаны фольклорные материалы с указанием всех номеров сообщенных ими произведений. Но практически пользоваться этим указателем очень трудно; иногда, чтобы установить, от кого записано то или другое произведение, надо просмотреть его чуть ли не от начала до конца. Надо подумать, как облегчить пользование такого рода указателем (может быть, в конце текста давать номер, под которым числится его исполнитель, или еще как-либо).

В заключение хочется высказать пожелание, чтобы в следующих сборниках (которые, надо надеяться, будут) больше внимания было уделено современному состоянию и тенденциям развития разных фольклорных жанров. Так, в рецензируемом сборнике очень немного частушек, причем многие из них связаны с ушедшим уже в прошлое бытом (о старательской работе, рекрутские). Чем объясняется это? Тем ли, что частушки вообще не были характерны для уральского горнозаводского фольклора или сейчас, как утверждают многие фольклористы, они все больше утрачивают свою

популярность? Или же небольшое количество частушек и произведений некоторых других жанров объясняется интересом экспедиции прежде всего к сказочной прозе? Поют ли сейчас старые частушки или их вспомнили в ответ на расспросы собирателей? В статье о частушках нет ничего, а в комментарии сказано только: «записаны в 1960—1964 гг. от людей разных возрастов и профессий» (стр. 280). Но как люди разных возрастов относятся к частушкам и какие частушки они поют, как изменяется частушечный репертуар у разных поколений — неизвестно. Хотелось бы, чтобы была охарактеризована и сказочная традиция в Висиме.

Но те или другие пожелания можно высказать по поводу любого сборника. В целом же рецензируемая книга заслуживает самой положительной оценки. Кафедра русской литературы Уральского университета проводит большую, весьма полезную работу и надо пожелать, чтобы она расширялась, а собираемые материалы систематически публиковались.

В. К. Соколова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Р. Уокоп. *Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен*. Под ред. и с предисловием д-ра исторических наук Ю. В. Кнорозова. М., 1966, 152 стр.

Нелегко сразу определить жанр небольшой книги видного американского этнографа, профессора Тулзайнского университета в Новом Орлеане, вышедшей в США еще в 1962 г.¹ Работе Роберта Уокопа присущи черты богато фундированного, строго научного проблемного исследования. Вместе с тем характер ее по преимуществу не позитивный, утверждающий определенные взгляды и положения, а сугубо негативный, ибо в первую очередь цель автора — нанести идейное поражение носителям отвергаемых им теорий о заселении Америки и уже затем, через это отрицание, довести до читателя суть своих взглядов на предмет. Наконец, бросается в глаза яркая публицистичность книги, ее памфлетно-полемический стиль. Эта «необычность» работы Р. Уокопа вызвана особой экстравагантностью тех воззрений и концепций, критический анализ которых составляет ее содержание.

Дело в том, что параллельно с подлинными науками о Земле и людях вот уже целые столетия существует множество наукообразных «теорий» и «концепций», которые, все вместе и каждая в отдельности, претендуют на некое особое объяснение многих сторон как геологического прошлого нашей планеты, так и истории человечества и его культуры. Все эти «теории» объединяются некоторыми общими, так сказать «родовыми» признаками. На первом месте среди них — искусственное связывание таких вопросов, как двадцатичетырехвековой давности «проблема Атлантиды», поиски следов некоей необычайно высокой, но таинственным образом исчезнувшей «працивилизации» и вопрос о расселении человечества по земной поверхности.

Эти «любительские» — по деликатному выражению Ю. В. Кнорозова (стр. 6) — концепции весьма редко попадают в поле зрения представителей подлинной науки. Среди ученых — будь то этнографы или астрономы, геологи или лингвисты — бытует подчас даже своего рода стыдливая боязнь «осквернять» страницы научных журналов рассмотрением псевдонаучных теорий и тем самым связывать свои имена с сомнительными упражнениями дилетантов. Лишь по отдельным конкретным поводам люди науки выступают время от времени с критическим разбором некоторых наиболее парадоксальных гипотез. Выступали — и не без успеха — в таком духе и советские авторы². Однако до сих пор, насколько нам известно, не предпринималось сколько-нибудь серьезных попыток проанализировать по возможности всю совокупность «любитель-

¹ R. Wauchope, *Lost tribes and sunken continents. Myth and method in the study of American Indians*, Chicago, 1962.

² См., например: Ю. В. Кнорозов, Рец. на кн. Н. Ф. Жирова «Атлантида», М., 1957, «Сов. этнография», 1961, № 4; М. А. Коган, В. Л. Афанасьев, Легенды о пришельцах из космоса, «Природа», 1961, № 4; М. И. Белов, Против ложного толкования карт Пири Рейса, там же, 1962, № 2; М. А. Воронин, О поисках следов цивилизации в иных мирах, там же, № 11; В. А. Бронштэн, Легенды, выдаваемые за гипотезы, там же, 1963, № 10; М. И. Шахнович, Современная мистика в свете науки, М.—Л., 1965, стр. 198—204; А. В. Ильин, Тонула ли Атлантида? «Земля и Вселенная», 1965, № 3; О. К. Леонтьев, Современные научные данные не подтверждаются существованием Атлантиды, там же, 1966, № 2; В. Бронштэн, Осторожнее с космическими катастрофами! «Техника — молодежи», 1966, № 6; Ю. Решетов, Факты против легенд, там же, № 7.

ских» теорий с их взаимным сопоставлением и в их историческом развитии, хотя потребность в такого рода работах назрела давно, а в последние годы ощущалась особенно явно.

Главная, на наш взгляд, заслуга Р. Уокопа в том и состоит, что он стремится к наиболее полному охвату псевдонаучных концепций о происхождении американских индейцев.

Критику заблуждений о мнимых связях древнего Египта и цивилизации майя читатель встречает вначале на фоне трагической биографии одного из «классиков» дилетантизма — Огюста Ле Плонжона (стр. 19 сл.). Это дает Уокопу возможность показать, сколь нелепо делать далеко идущие выводы из кажущихся «аналогий» между языками, не имеющими ничего общего (стр. 28—29, 31). К критике «метода» научно необоснованных аналогий автор будет по разным поводам возвращаться на протяжении книги еще не раз (стр. 59, 63, 65, 100—102, 116—121). А пока, следуя за рассказом о судьбе Плонжона, он останавливается на взглядах других диффузионистов — Дж. Эллиота Смита и Брассера де Бурбура, подводя читателя к выводу о полной несостоятельности обоих вариантов «американо-египетских» связей: гипотезы о происхождении древнеамериканских цивилизаций из Египта, и версии о происхождении древнеегипетской цивилизации из Америки (стр. 31—39).

О том, что сторонники этой концепции были вместе с тем адептами атлантологии, Уокоп говорит пока вскользь (стр. 24, 37). Зато несколько далее читатель найдет обстоятельный очерк истории вопроса о пресловутых исчезнувших материках (стр. 40—59), и притом не только об Атлантиде (широко известной благодаря бесчисленным популярным сочинениям³, а также разнообразным трансформациям этой темы в художественной литературе), но и о «континенте Му» — Лемурии (этому последнему в доступной советскому читателю литературе обычно не уделялось места). Автор не касается геотектонического аспекта проблемы. Это вполне оправдано: как бы в конечном счете ни решала геологическая наука все еще дискуссионный вопрос о принципиальной возможности катастрофических погружений крупных континентальных масс, для исторических наук (и, в первую очередь, для этнографии и археологии) вполне ясна несостоятельность приурочения этих глобальных катаклизмов к антропогенезу. Острые своей критики Уокоп направляет в сторону историко-культурного аспекта «проблемы» исчезнувших континентов, разоблачая всю абсурдность взглядов на Атлантиду и Му как на некие колыбели мировой пращивилизации. К отдельным сторонам «атлантологических» гипотез автор возвращается вновь и вновь, показывая, что Атлантида фигурирует почти в каждой псевдонаучной концепции.

Особое место в рецензируемой работе занимает разбор едва ли не самой нелепой из псевдонаучных концепций — о происхождении аборигенов Америки от «десяти пропавших колен Израиля» (стр. 60—75). Излагая полумистическую, полубредовую аргументацию мормонов и других сторонников этого, с позволения сказать, «учения», автор еще раз обзереает весь арсенал приемов и методов, излюбленных сторонниками дилетантских теорий вообще.

Р. Уокоп уделяет внимание и разнообразным теориям миграций в Америку из Восточной Азии (стр. 92—110). К сожалению, здесь наш автор уклонился, по его собственному признанию (стр. 105), вполне сознательно, от прямых высказываний за или против. Однако взгляды свои он достаточно выукло показал в предыдущих главах, так что читатель имеет возможность понять позицию автора «между строк».

Автор справедливо критикует всевозможные мистические толкования освещенных в книге проблем. Эта линия проводится им на протяжении почти всей работы: мистики приложили руку и к «проблеме» Атлантиды и Му, и к проблеме миграций, и к объяснению причин мнимого или действительного сходства языков, верований и обычаев. Приходится, однако, пожалеть, что издательство «Мир» сочло возможным подвергнуть значительному и ничем не оправданному сокращению заключительную главу книги, специально посвященную критике мистических воззрений: если в оригинале глава эта занимает 13 страниц⁴, то в рецензируемом издании от нее осталось всего 4 страницы (стр. 134—137). А между тем борьба со всевозможными проявлениями мистицизма и реакционного мифотворчества занимает важное место в ряду задач, стоящих и перед нашей научной общественностью⁵, так что дополнительный материал по этому вопросу представлял бы для советского читателя немалый интерес и значительную ценность.

³ Из последних публикаций на эту тему укажем: L. Zajdler, *Atlantyda*, Warszawa, 1963 (русск. пер.: Л. Зайдлер, *Атлантида*, М., 1966); Н. Ф. Жиров, *Атлантида. Основные проблемы атлантологии*, М., 1964; его же, *Обреченная на гибель, «Неман»*, 1966, № 11, стр. 151—160; К. Кръстев, *Атлантида*, Варна, 1966.

⁴ См.: R. Wauchore, *Указ. раб.*, pp. 125—137.

⁵ См.: П. Н. Федосеев, *Наука и идеологическая жизнь*, «Вестник Академии наук», 1963, № 8, стр. 28; М. И. Шахнович, *Указ. раб.*, стр. 196—206.

Вообще необходимо с удовлетворением подчеркнуть, что Уокоп в подавляющем большинстве своих оценок и высказываний выступает как ученый не только просто честный, объективный, но и обладающий в определенной степени прогрессивными взглядами. Не говоря уже о том, что в объяснении явлений сходства культур он стоит на позициях сторонников конвергенции, выступая против диффузионистов (стр. 31—32, 63, 95 и др.), нельзя не отметить непримиримую позицию ученого по отношению к различным расистским интерпретациям как проблемы миграций, так и «проблемы» Атлантиды (стр. 122—133)⁶.

Сравнительно-исторический метод критики позволяет Уокопу по-настоящему раскрыть антинаучность большинства наукообразных концепций, лишая их того фальшивого блеска «смелости», «новизны», «оригинальности» и т. д., который придают этим концепциям их адепты и не всегда добросовестные пропагандисты.

Работа Уокопа всем своим огромным фактическим материалом убедительно демонстрирует реакционность, по сути, всех оттенков разбираемых им «концепций» и «гипотез». Даже в тех случаях, когда создатель, адепт или пропагандист той или иной их разновидности лично не принадлежит к откровенно реакционной школе или секте, он в своей трактовке тех или иных вопросов неизбежно будет смыкаться с самыми неприкрытыми обскурантами. «Так в чем же,—спрашивает Уокоп в одной из заключительных глав книги,—состоит связь между религией, расизмом, национализмом и происхождением индейцев? Каждый из упомянутых выше авторов, несомненно, поклонялся, что к соответствующим выводам привела его собранная им информация и он, как честный человек, не мог игнорировать эти выводы. Но если рассматривать подобных авторов в совокупности, можно заметить, что все они, несмотря на различия в оттенках, проявляя склонность к мистике, расизму и шовинизму» (стр. 133).

Этот хорошо обоснованный вывод Уокопа, как и весь собранный ученым богатейший фактический материал дает в руки честных и здравомыслящих ученых отличные средства для борьбы с весьма живучими проявлениями невежества и обскурантизма. Для советской науки, для советской общественности острее этой борьбы направлено не только во внешний мир — в мир чуждой нам зарубежной идеологии. Как справедливо отмечает в предисловии Ю. В. Кнорозов, «очень многие аргументы Уокопа через голову его американских оппонентов направлены в адрес различного рода «теоретиков», действующих и на территории нашей страны» (стр. 12). Дело в том, что у нас за последние 10 лет антинаучные сочинения некоторых авторов получили, к сожалению, доступ на страницы ряда научно-популярных журналов. Своей внешней занимательностью и нарочитой «таинственностью» такие работы сбивают с толку не искушенных в науке читателей, особенно молодежь, прививают нигилистическое отношение к методам и достижениям подлинной науки. Нельзя также не признать, что критика таких сочинений ведется у нас крайне вяло, от случая к случаю.

Работа Уокопа может в этом отношении послужить хорошим примером. И отметить здесь надо не только блестящую эрудицию и силу логики автора, но и его неистощимый юмор, иронию, местами добродушную, но чаще довольно злую, переходящую порой в едкий сарказм. Ученый достигает таким путем не только живости изложения, что само по себе очень важно, поскольку он воюет с ложными взглядами, успехами повлиять на умы миллионов. Он утверждает этим право ученых на использование средств сатиры и юмора в критике антинаучных концепций и воззрений — ведь носители этих воззрений обычно настолько невежественны, что в борьбе с ними смех — оружие подчас куда более действенное, нежели серьезные дискуссии или грозные филиппики.

Выход в свет книги Уокопа не могут не приветствовать все, кто в своей научной, литературно-публицистической или лекционной работе сталкивается с рецидивами всякого рода псевдонаучных измышлений, все, кто ведет борьбу в защиту научной истины. Не случайно книга эта стала библиографической редкостью уже через 1—2 дня после ее появления на книжном рынке. Значит, следует ставить вопрос о ее переиздании. Новое издание, прежде всего, должно быть полным, без сокращений и без некоторых досадных неточностей, допущенных при редактировании перевода в издательстве (например, на стр. 42, 49, 51, 73, 98, 113⁷), с существенно пополненным списком литературы.

Известно, далее, что в последние годы сторонники псевдонаучных концепций, стремясь идти «в ногу с веком», усиленно разрабатывают такие разновидности этих концепций, в которых различные вопросы геологического и исторического прошлого подаются в связи со всякого рода космическими катаклизмами, с проблемой инопланетных цивилизаций и т. п. Уокоп, выступивший со своей книгой лишь в самом начале пышного

⁶ Следует заметить, что советские авторы, со своей стороны, уже отмечали связь некоторых дилетантских концепций с расистскими взглядами (см., напр.: Г. Н. Голубев, *Неразгаданные тайны*, М., 1960, стр. 164—165).

⁷ Ср.: R. W a u c h o r e, Указ. раб., pp. 31, 38, 66, 89, 106.

расцвета этих разновидностей, упоминает о «космических» реминисценциях дилетантов только вскользь (стр. 132). Видимо, к новому изданию надо приложить краткий критический обзор сочинений М. М. Агреста, А. А. Горбовского, В. К. Зайцева и близких к ним авторов.

Следует расширить и комментарии, а также исправить вкравшиеся в них отдельные неточности. Так, нельзя говорить, что о-в Джерси находится в Нормандском проливе (прим. 13): такого пролива нет, а упомянутый остров — один из Нормандских о-вов — находится в проливе Ла-Манш, точнее — в заливе Сен-Мало. Ф. Лопес де Гомара родился не в 1510 г. (прим. 31), а в 1511 г.; Э. Джексон был президентом США не в 1828—1836 гг. (прим. 45), а в 1829—1837 гг. Далее, нельзя называть Максимилиана братом австро-венгерского императора (прим. 78), потому что Франц-Иосиф I как раз до 1867 г. именовался австрийским императором; а полулегендарного исландского первооткрывателя Америки надо называть не «Эриксон, Лейф» (прим. 98), ибо фамилии у него не было, а «Лейф Эрикссон», т. е. «Лейф, сын Эрика». Комментаторам следовало также оговорить некоторые досадные промахи автора, вроде фраз об «избрании» Кингсборо в палату лордов (!) (стр. 61) или об Иерусалиме как израильском городе (стр. 68) — город этот был столицей Иудеи, а столицей Израильского царства являлась Самария, которую Уголок, кстати, помещает почему-то в Сирии (стр. 119).

Новое издание хотелось бы видеть свободным от опечаток, а их в рецензируемой книге, к сожалению, очень много, в том числе таких, которые искажают смысл текста (стр. 37, 69, 119, 122). Мало того: волею издательства переводчица Эрна Владимировна Зиберт превращена... в мужчину — некоего Э. В. Зиберта! (см. титульный лист), а пирамида Хеопса в подписи под рис. 4 на стр. 35 «переименована» в пирамиду Чичен-Ица. Полиграфическое исполнение большинства иллюстраций нельзя признать удачным, а обложка могла бы быть оформлена с большим вкусом. Главное же — хотелось бы, наконец, увидеть на книжной полке работы наших советских ученых, посвященные критике всевозможных дилетантских «концепций» и «гипотез».

В. Л. Афанасьев

НАРОДЫ АФРИКИ

Karl Schubarth-Engelschall. *Arabische Berichte muslimischer Reisender und Geographen des Mittelalters über die Völker der Sahara* («Abhandlungen und Berichte des staatlichen Museums für Völkerkunde. Dresden», Bd. 27), Berlin, 1967, 124 стр., карты.

Рецензируемая работа представляет собой свод сообщений средневековых арабских источников о многочисленных областях, городах и народах Сахары, известных арабским авторам. Три основных раздела книги посвящены соответственно характеристике авторов этих сообщений (стр. 9—32), общему описанию Сахары — географический обзор, краткий очерк истории Сахары (стр. 33—42) и собственно исследованию материалов источников (стр. 43—90). В приложении даются ссылки на источники и исследования, библиография, указатели, карты.

Автор ставил перед собой цель собрать воедино все данные арабских источников об этой части Африки. Основным материалом ему послужили сочинения Ибн Хордадбега, ал-Иакуби, ал-Масуди, Ибн Хаукаля, ал-Баكري, ал-Идриси, Абу-л-Фиды, Ибн Баттуты. Эпизодически привлекаются сведения ал-Истахри, Ибн Халдуна, ал-Макризи, Льва Африканского. В процессе рассмотрения арабских текстов автор использует и более поздние сведения, содержащиеся главным образом в трудах европейских путешественников (Г. Барт, Г. Нахтигаль, Р. Кайе, Г. Рольфс, Г. Хоскинс и др.), а также современных исследователей Северной и Западной Африки (М. Делафосс, Л. К. Бриггс, Т. Левицкий, Р. Мони и др.).

Как известно, в современных пределах Сахары в течение X—XIV вв. не существовало сколько-нибудь долговечных крупных и могущественных государств, которые могли бы оставить значительные следы в сообщениях арабских путешественников и географов. В силу этого канвой большинства описаний служат торговые пути, дороги, ведущие из Северной Африки в области Судана. Автор называет несколько основных караванных маршрутов, указывая, какой из них играл ведущую роль в транссахарской торговле в тот или иной период. Для VIII—X вв. — это путь из Египта вдоль североафриканского побережья до Феса, оттуда к югу через Сиджилмасу, Тамдалт и Аудагаст до Ганы (здесь и далее транскрипция автора книги). В XI—XIII вв. главным остается направление из Феса на Тамдалт через Сиджилмасу или Марракеш. В XIV в. основные торговые пути ведут по направлениям: Фес—Тгагаза—Ивалатин—Малли,

Триполи — Гадамис — Туват — Ттагаза — Тимбукту — Малли, Ауджала — Ваддан — Гат — Хоггар — Тадмакка.

Очевидно, что расположение торговых путей и населенных пунктов было тесно взаимосвязано и определяло не только пути получения сведений арабскими авторами, но и степень их достоверности, а также концентрацию сообщений об одних народах и фрагментарный характер известий о других, вероятно, населявших отдаленные от торговых центров и дорог районы. Казалось бы естественным в исследовании, посвященном народам Сахары, расположить сообщения различных авторов соответственно этническому делению населения Сахары или же рассмотреть их в порядке следования авторов по маршруту. Но, по-видимому, этому мешали либо отсутствие единой схемы изложения в использованных источниках, либо невозможность выделить какие-то постоянные образования, сохранившиеся сколько-нибудь долго на одной территории на протяжении всего исследуемого периода (в основном X—XIV вв.). К тому же, как указывает автор, арабские источники касаются не всей территории Сахары и не позволяют восстановить ее цельную картину. Более того, в некоторых сочинениях (в особенности у Ибн Хордадбега и ал-Масуди) не всегда указаны места расселения названных авторами племен. Вероятно, учитывая все это, автор избирает географический принцип распределения материала. Он делит всю Сахару на три больших региона (Восточную, Центральную и Западную) с подразделением их на районы более мелкие, в зависимости от обилия сведений и возможности выделения географически и этнически компактных, однородных областей (Фаззан, Кувар — Тибести, Хоггар и т. п.).

В краткий раздел, посвященный Восточной Сахаре (стр. 45—52), входит описание египетских оазисов Сива, Бахари́йя, Дахел, Харга и ливийского оазиса Куфра. Караванные пути, шедшие через египетские оазисы Восточной Сахары в «страну черных», описывают Ибн ал-Факих ал-Хамадани (начало X в.) и Ибн Хаукал (вторая половина X в.). Наиболее ценные сведения о самих оазисах дает ал-Бакри (середина XI в.): население их он определяет как смешанное, состоящее из арабов и берберов; оазисы Дахел и Харга населены берберами лувата. В оазисах Куфра, по ал-Идриси, обитают «кочевники из Кувара», которых автор склонен идентифицировать с теда.

Значительно богаче сведениями источники по Центральной Сахаре (см. стр. 52—75). Этот самый крупный раздел книги делится, в свою очередь, на три подраздела, каждый из которых имеет собственное заключение. Схема построения их (так же, как и раздела «Восточная Сахара») одинакова: автор начинает с рассмотрения ранних сообщений, привлекая по мере необходимости данные более поздних авторов о том или ином пункте или племени, в целом выдерживая хронологический порядок исследования источников.

О районе Фаззана говорят почти все арабские авторы, привлеченные исследователем. Детальное рассмотрение всех собранных данных, их сопоставление с сообщениями европейских путешественников и новейшими археологическими данными позволяет сделать вывод, что в IX—XIII вв. область Фаззана была населена берберскими племенами хауvara и мазата. В северной части ее жило несколько племен лувата, в западной (вплоть до внутренних областей Фаззана) — племя азкар, относящихся, по-видимому, к туарегам, в южной — группы ламта, главные районы расселения которых находились в юго-западной Сахаре.

Большинство этно- и топонимов арабских источников, касающихся этого района, поддается точной идентификации. В частности, обращаясь к данным ал-Идриси и Ибн Халдуна, автор идентифицирует племя рва'х, название которого встречается у ал-Йакуби, с берберами Раваха. Особенно же ярко выступает во всех этих источниках значение транссахарской дороги из Северной Африки в область озера Чад.

Восстановление этнической карты Кувара по данным одних только арабских источников автору не представляется возможным. Сложность подобной задачи была отмечена еще в XIX в. Бартом и Нахтигелем, посетившими этот район. Источниками в данном случае могут служить избранным автором сочинения ал-Йакуби, ал-Идриси, Абу-л-Фиды (авторов, за исключением ал-Йакуби, сравнительно поздних). По их сообщениям, в XII—XIII вв. Кувар был населен мусульманами частично берберского происхождения. Через Кувар проходил караванный путь, основными статьями торговли были рабы, верблюды и соленая рыба. Политически в XIII в. Кувар был подчинен Канему. Судя по некоторым данным, можно предположить (хотя нельзя еще установить точно), что отдельные районы Кувара были населены племенами теда.

Область Тибести описана в основном по сообщениям ал-Идриси и Абу-л-Фиды, частично ал-Бакри. По данным этих источников, южная часть Центральной Сахары (т. е. район между Тибести и Эннеди) в XI—XIV вв. была населена племенами багама, бакам, баркама, садрата, савга, сандарата и загава. Некоторые из этих племен, вероятно, были родственны между собой; загава, по-видимому, занимало среди них центральное положение. Особое внимание автор уделяет выяснению вопроса о локализации племени загава арабских источников, установлению соотношения между этнонимами «загава», «тубу» («тебу») и «бардуа» («бердоа»). Он ссылается при этом на предположение Ж. Шапеля о том, что под именем «загава» арабские авторы имели в виду всех тебу.

В то же время, по мнению Барта, племя бардуа, впервые фигурирующее у ал-Макризи (1400 г.), идентично загава. Исследование показывает, что к концу первого тысячелетия загава арабских источников были расселены западнее, чем современное племя того же названия. По-видимому, это племя образовалось из части прежних «загава», в течение веков консолидировавшихся в иную этническую общность. Возможно, и бардуа прошли такой же путь развития. Сейчас это название сохранилось только за одним кланом теда (или тубу) Тибести, как свидетельствует А. Лебёф. Автор работы приходит к заключению, что загава арабских источников не идентичны с племенем того же названия в современной юго-восточной Сахаре. Термин «загава» нельзя признать равнозначным этнонимам бардуа или «тубу», однако в их содержании прослеживается определенная близость. Под названием «загава» в арабских источниках следует понимать многочисленные этнические группы Южной Сахары, которые антропологически и культурно отличаются от берберов пустыни и негров Судана, но которым присущи некоторые элементы обеих этих групп, тогда как большинство других племен этого района, упоминаемых в арабских источниках, можно определить как родственные или близкие загава.

Первые сообщения о Хоггаре, области распространения туарегов, встречаются у Ибн Хаукаля. В его сочинении упоминаются только кочевые племена — хауара, микнаса, мадийуна, сколько-нибудь точно не локализованные. Используя данные более поздних источников — Ибн Баттуты, Ибн Халдуна, а также сведения Барта, автор приходит к выводу, что из всех называемых арабскими источниками племен с туарагами можно идентифицировать только азкар ал-Идриси и хаккар Ибн Баттуты. Вследствие сходства названий туарегов и одной из групп берберов санхаджа (бану тарга) эти этнонимы не всегда различались должным образом. На самом же деле арабские источники позволяют впервые идентифицировать туарегов как самостоятельную этническую группу в Центральной Сахаре только в середине XII в. (см. стр. 74—75).

В Западной Сахаре автор рассматривает три района: северный (область Сиджилмасы), центральный (Мавритания) и южный (область Аудагаста). Сиджилмаса играла в IX—XIV вв. главенствующую роль в северо-западной Сахаре в основном как отправной пункт на старинной торговой дороге в Судан. Этническую характеристику местного населения можно встретить только у ал-Иакуби. Расселение племен санхаджа, их подразделов бану дара, бану тарга (тарджа), а также племени ламтуна устанавливается по сообщениям ал-Иакуби и ал-Идриси, основные данные о племенах группы санхаджа автор находит у ал-Бакри и ал-Идриси. Племя ламта, согласно ал-Идриси, населяет город Нул. Этот и некоторые другие города (Дара, Зиз), как считает автор, не поддаются локализации, хотя местоположение Нула в литературе считается установленным более или менее точно¹.

Центр Западной Сахары в IX—XVI вв. населяют преимущественно племена санхаджа, в частности бану массуфа, бану ламтуна, бану джуддала. На атлантическом побережье Сахары живут баргавата (впервые о них упоминает Ибн Хаукал), в то время как главное население Магриба, по ал-Идриси, составляют ламта. Автор также подробно рассматривает описание Ибн Баттуты Ттагазы, центра соляных копей (ср. Татантал у ал-Бакри).

В южной части Западной Сахары внимание арабских авторов привлекал преимущественно Аудагаст. Исторические сведения о нем сообщает в основном ал-Бакри. Жители города принадлежат к различным берберским племенам, частично санхаджа, частично отдела ботр: баркаджана, нафуса, лувата, заната, нафзава. Местоположение Аудагаста и некоторых других пунктов этой области благодаря новейшим археологическим исследованиям установлено с полной достоверностью.

Может показаться несколько странным, что автор оставил без внимания некоторые известные географические сочинения арабских ученых, содержащие сведения о тех местностях Сахары, которые им рассматриваются. Возможно, что отдельные спорные вопросы могли бы получить при их использовании иное освещение. Например, сопоставляя на стр. 68—69 этнонимы «бакам» и «багама», автор, по-видимому, склоняется к их идентичности. Однако ему приходится отметить, что ал-Идриси относит багама к загава, а Ибн Баттута называет их бардама. А. Лот указывает, что слово «багама» не название племени, а искажение сонгайского слова «бурдаме», обозначающего аристократическую группу туарегов². Племя бакам М. Делафосс идентифицирует с группой малинке кагоро, а Р. Мони склоняется к их отождествлению с бамбара³. Из этого следует, что вопрос идентификации и тождества двух этих этнонимов не может считаться решенным и, по-видимому, потребует дополнительных материалов. В какой-то мере

¹ См., например, R. Mauny, *Tableau géographique de l'Ouest africain au Moyen Age*, Dakar, 1961, рис. 55; «Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары», М.—Л., 1965, стр. 417—418.

² H. Lhote, *Contribution à l'étude des toaaregs soudanais*, BIFAN, XVII, Dakar, 1955, p. 355.

³ M. Delafosse, *Haut-Sénégal-Niger*, Paris, 1912, t. I, pp. 115, 117 и др.; t. II, pp. 48, 156; R. Mauny, *Указ. раб.*, стр. 126.

это относится и к другим этно- и топонимам, особенно когда источники дают различные чтения одних и тех же названий (например джуддала — куддала, Тамалта — Тамалма, Кукадам — Какудам, Тамдалт — Тамдант и т. п.). Очевидно, в этом случае могли бы оказаться полезными материалы географического словаря Йакута, «Китаб асар ал-билад» ал-Казвини, «Китаб ал-муджиб фи талхис ахбар ал-Магриб» Абд ал-Вахида ал-Марракуши, где встречаются названия населенных пунктов и берберских племен Сахары, частично не вошедшие в использованные автором источники.

По-видимому, следует также отметить, что избранный автором географический принцип распределения материалов источников не привел к большому положительным результатам. Не говоря о том, что этот прием вызвал неизбежные повторы, такое рассмотрение источников само по себе не дает картины расселения сахарских народов, как ее представляли себе арабские авторы. В определенной мере это компенсируется многочисленными картами, составленными отдельно по каждому из основных использованных источников. Карты, бесспорно, являются наиболее ценной частью работы, они составлены с должной точностью и наглядно представляют результаты исследований автора рецензируемой книги.

К сожалению, в работе не ощущается характер географического и этнического восприятия Сахары мусульманскими учеными. Возможно, это объясняется тем, что средневековые арабские географы не воспринимали Сахару как единый комплекс, соотносенный с одним названием. В арабской географической литературе можно проследить развитие целого ряда терминов — таких как «Судан», «Зандж», «Савахил», «Софала». Конкретность их вначале заключалась только в том, что они указывали общее географическое направление по отношению к центрам ареала средневековой мусульманской культуры. Как термины они включают в себя несколько разноплановых значений (топоним, этноним, государство) и по мере накопления информации перемещаются вглубь по обозначаемому ими направлению, где рано или поздно окончательно конкретизируются в одном из значений. Иногда это происходит в другую эпоху (например в эпоху географических открытий) и без участия в этом процессе арабов. Возможно, понятие «Сахара, как и некоторые связанные с ней названия, прошло такой же путь развития.

М. А. Толмачева

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ ПРИБАЛТИКИ

Антинг Л., Таллинские оружейники и огнестрельное оружие XIV—XVI веков. Таллин, «Ээсти раамат», 1967. 47 с. с илл. (Гос. ист. музей ЭстССР). Книга вышла на эст. и рус. яз.

Аун М. Земледельческие орудия в Мынестском сельском музее. Сост. М. Аун. Выру, 1966. [4] с.; 10 л. илл. (М-во культуры ЭстССР. Мемориальный музей д-ра Фр. Р. Крейцвальда. Мынестский сельский музей. Вырусский район). На эст. яз.

Аун М. Крестьянские постройки в Мынестском сельском музее. Сост. М. Аун. Выру, 1966. [4] с.; 9 л. илл. (М-во культуры ЭстССР. Мемориальный музей д-ра Фр. Р. Крейцвальда. Мынестский сельский музей. Вырусский район). На эст. яз.

Аун М. Орудия для обработки льна в Мынестском сельском музее. Сост. М. Аун. Выру, 1966. [4] с.; 6 л. илл. (М-во культуры ЭстССР. Мемориальный музей д-ра Фр. Р. Крейцвальда. Мынестский сельский музей. Вырусский район). На эст. яз.

Венде Э. Г. Работа по драгоценному металлу в Эстонии в 15-м—19-м веках. Предисл. Э. Лийн. Таллин, «Кунст», 1967. 150 с. с илл.; 58 л. илл. На эст. яз. Резюме на рус. и нем. яз.

Вестник краеведения. № 7. Метод. материалы. Отв. ред. Е. Маазинг. Таллин, 1967. 95 с. с илл. (АН ЭстССР. Комис. по исследованию родного края). На эст. яз.

Вийрес А. и Линнус Ю. Библиография Эстонской этнографии. 1945—1966. Сост. А. Вийрес и Ю. Линнус. Таллин, 1967. X, 128 с. (Ин-т истории АН ЭстССР). На эст. и рус. яз.

Вийрес А. и Шлыгина Н. В. Первый прибалтийский коллоквиум этнографов. «Сов. этнография», 1967, № 4, с. 160—162.

Вишняускайте А. Литовские семейные традиции. Вильнюс, «Минтис», 1967. 183 с. с илл. и нот.; 17 л. илл. (АН ЛитовССР. Ин-т истории). На литов. яз.

Водоснабжение Таллина в прошлом и настоящим. 550 лет водоснабжения Таллина. Таллин, «Ээсти раамат», 1967. 91 с. с илл. Перед загл. авт.: Г. Якобсон, А. Киви, Х. Лонд и А. Соик. На эст. яз.

Глямжа А. И. Охраняемые народом. [О мерах по охране памятников истории и культуры в республике]. «Коммунист» (Вильнюс), 1967, № 7, с. 60—64.

Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР. (По материалам Нарв. экспедиции). Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1967. 207 с. с илл.; 2 л. план. (АН СССР. Ин-т археологии. Материалы и исследования по археологии СССР. № 144).

Ежегодник этнографического музея. 21. Таллин, «Валгус», 1966. 333 с. с илл. и карт. (Гос. этногр. музей ЭстССР. Тарту). Библиогр. в подстроч. примеч. На эст. яз. Резюме статей на рус. и нем. яз.

Инструкция для собирания местных названий. Сост. М. Норвик. Таллин, 1967. 32 с. со схем. (АН ЭстССР. О-во родного яз.). На эст. яз.

Карнуп А. Я. Заметки о бытовых условиях, народной гигиене и медицине в эпоху раннего феодализма по материалам раскопок 1936—1938 гг. на Талсинском городище (Латвийская ССР). Предварит. сообщ. «Из истории медицины», сб. 7, 1967, с. 151—162.

Консин К. Коллекция из Тарту. [Худож. изделия из кожи в собрании Этногр. музея ЭстССР]. «Декоративное искусство СССР», 1967, № 5, с. 26—27.

Консин К. Эстонские кружева. Альбом. Сост. и вступит. статья К. Консина. Таллин, «Кунст», 1967. 11 с. с илл.; 23 л. илл. (Гос. этногр. музей ЭстССР). На эст. яз. Резюме на рус. и нем. яз. Прил.: Вступит. статья и список иллюстраций. 7 с. На фин. яз.

Крахмальникова З. Рождение праздника. [О традиц. играх жителей островов Кихну и Рухну]. «Дружба народов», 1967, № 3, с. 210—224.

Кузнецов С. А. Звезды смотрят в Тамула. Очерк о соц. преобразованиях в г. Выру. Таллин, «Ээсти раамат», 1967. 79 с. с илл. На эст. яз.

Латышская народная одежда. Альбом. Рига, «Лиесма», 1967. 50 с. с илл. На латыш., рус., англ., нем. и франц. яз.

Латышские народные сказки. Избранное. Бытовые сказки. Сост.: К. Арайс. Вступит. статья О. Амбайниса. Илл.: П. Шенгоф. Рига, «Зинатне», 1967. 391 с. с илл. (АН Латв. ССР. Ин-т яз. и литературы). На латыш. яз.

Латышские народные сказки. Избранное. (В 3-х т.) Волшебные сказки. Сост. К. Арайс. Введ. О. Амбайниса. Пер. с латыш. С. Бажановой и Ч. Шкленника. Илл.: П. Шенгоф. Рига, «Зинатне», 1967. 543 с. с илл. (АН ЛатвССР. Ин-т языка и литературы).

Латышское народное искусство. Конец XVIII в.—XIX в. Сб. материалов. В 3-х т. Т. 3. Одежда. Вступит. статья Б. Зунде. Ред. и послесл. М. Степерманиса. Рига, «Лиесма», 1967. 409 с. с илл. Библиогр.: с. 36. На латыш. яз. Резюме на рус. и англ. яз.

Летувис Микола с. О правах татар, литовцев и москвитян. Десять фрагментов родного ист. содержания. Мемуары XVI в. Пер. с латин. Иг. Ионинас. Предисл. Ю. Юргиниса. Послесл. И. Ионинаса и М. Лиубанскиса. Вильнюс, «Вага», 1966. 137 с. с факс. (Б-ка литуаники). На литов. яз.

Литовская литература и фольклор. Библиогр. указатель основной литературы. Сост. П. Чеснулявичюге, Ю. Гирдзюскас, Ю. Лебедис и др. Вильнюс, 1967. 62 с. (Вильнюсский гос. ун-т им. В. Капсукаса. Кафедра литов. литературы). На литов. яз.

Литовский фольклор. В 5-ти г. Глав. ред. К. Корсакас. Т. 4. Сказки, сказания, рассказы, орации. Ред. Л. Саука. Вильнюс, «Минтис», 1967. 839 с. с илл. (АН ЛитовССР. Ин-т литов. яз. и литературы). На литов. яз.

Маргусте А. Эстонское народное [песенное] творчество. Сост. А. Маргусте. Таллин, 1967. 151 с. с илл. и нот. (Гос. ком. высш. и сред. спец. образования Совета Министров ЭССР. Науч.-метод. кабинет). На эст. яз.

Микенайте А. Пояса. Каталог. Сост. и авт. вступит. статьи А. Микенайте. Вильнюс, 1967. 125 с. с илл. (Художественный музей Литовской ССР. Вильнюс). На литов. яз.

Мисюнене И. Тракайский исторический музей. Вильнюс, «Минтис», 1967. 33 с. с илл.

Мудрость двух народов. Латыш. и рус. пословицы и поговорки. Сост. и авт. вступит. статьи Э. Я. Кокаре. Илл.: Р. Тильберг. Рига, «Зинатне», 1967. 295 с. с илл. На латыш. и рус. яз.

Наша песня. Сборник. Сост. Я. Лишан. Рига, «Лиесма», 1967. 351 [15] с. На латыш. и рус. яз.

Новая литература по народам Прибалтики. Сост. Р. В. Каменецкая. «Сов. этнография», 1967, № 6, с. 154—155.

Октябрьская революция и общественные науки в Литве. Материалы науч. коллоквиумов. (6—8 дек. 1967 г.) Вильнюс, 1967. 661 с. (АН ЛитовССР. Ин-т истории партии при ЦК КП Литвы. М-во высш. и сред. спец. образования Литов. ССР ЦК ЛКСМ Литвы). На литов. яз. Тит. л. на литов., рус. и англ. яз.

Праздник песни и танца школьной молодежи Советской Латвии. 1967. Сост. М. Якобсоне. Рига, «Звайгзне», 1967. 68 с. с портр.

Придите э. Плетеные изделия из корней. Рига, «Звайгзне», 1967. 16 с. с илл. На литов. яз.

Рандре Л. и Калк Р. Хаапсалуский музей. Экспозиция. Хаапсалу, 1967. 64 с. с илл. (М-во культуры ЭССР. Хаапсалуский межрайонный краеведческий музей). Текст парал. на эст. и рус. яз.

Селиранд Ю. На могильниках предков. Ист.-археол. очерк. Таллин, «Ээсти раамат», 1967. 228 с. с илл. На эст. яз.

Социологический опрос. Таллин, ЦБТИ ЭстССР, 1967. 154 с. с илл. (Союз журналистов ЭстССР). На эст. яз.

Список танцев, изданных в Латвии за советский период. Рига, 1966. 80 с. (Дом народного творчества им. Эм. Мелнгайлиса). На латыш. яз.

Тумавичюс И. Традиции помогают воспитывать. [Из опыта Тальшанской средней школы им. Жямайте. ЛитовССР]. «Нар. образование», 1967, № 12, с. 25—28.

Урбанавичюс В. Ф. К вопросу о погребениях с трупосожжением в XIV в. в Литве. «Труды АН ЛитовССР». Серия А., 1966, 2, с. 183—190, Резюме на литов. яз.

Циелен М. Я. Типы рыболовецких колхозов Латвийской ССР. «Уч. зап. Латвийского ун-та», т. 75, 1966, с. 62—70, с табл. Резюме на латыш. и англ. яз.

Шварцбург Я. Развиваем новые традиции. [Об опыте проведения в ЛатвССР массово-зрелищных мероприятий]. «Коммунист Белоруссии», 1967, № 5, с. 48—50. (К 50-летию Советской власти).

Эстонские народные сказки. Антология. Сост.: В. Мялк, И. Сарв и Р. Вийдалепп. Таллин, «Ээсти раамат», 1967. 527 с. с карт.; 4 л. илл. (Ин-т яз. и литературы ЭстССР). На эст. яз.

Эстонские танцы. Описание. Рига, 1967. 150 с. с илл. и нот. (Дом нар. творчества им. Эм. Мелнгайлиса). На латыш. яз.

Я парнище... Избр. нар. песни. Сост. Ю. Тедре. Таллин, «Периодика», 1966. 59 с. (Б-ка «Лооминг». № 33 (457)). На эст. яз. В вып. дан. в рус. пер. загл.: Сборник эстонских народных песен.

Ягомяги И. Библиография трудов научных сотрудников Академии наук Эстонской ССР в области общественных наук, опубликованных в 1966 г. Сост. И. Ягомяги. «Изн. АН ЭстССР», т. 16. Обществ. науки, № 2, 1967. Прил., с. 1—57.

Авторефераты

Виксна Дз. Латышская советская культура в Советском Союзе в 20—30-х годах. Автореферат. дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Рига, 1967. 26 с. (АН ЛатвССР. Ин-т истории).

Гольдин М. Д. Основные музыкально-стилевые черты латышской народной песни и ее связи с народной песней восточных славян. Автореферат дисс. на соискание учен. степени д-ра искусствоведения. М., 1967. 45 с. (Моск. консерватория им. П. И. Чайковского).

Данилайте Е. Штрихованная керамика в Литве. (Некоторые данные по вопросу об этногенезе литовцев). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Вильнюс, 1967. 32 с. (АН ЛитвССР. Ин-т истории).

Молвыгин А. Н. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII — первой половине XVI вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Таллин — Ленинград, 1967. 22 с. (АН СССР. Ленингр. отделение Ин-та археологии).

Суна Х. Латышские хороводы и хороводные танцы. Автореферат. дисс. на соискание учен. степени канд. искусствоведения. М., 1967. 32 с. (Гос. ин-т театр. искусства им. А. В. Луначарского. Кафедра хореографии).

Урбанавичюс В. Материальная и духовная культура сельского населения Литвы в XIV—XVII вв. (По данным исследований могильников). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Вильнюс, 1967. 29 с. (АН ЛитовССР. Ин-т истории).

Рецензии

Маслова Г. С. и Терентьева Л. Н. [Рец.]: Исследование о латышской народной одежде. М. K. Slava. Latviesu tautas teepi. «Arheologija un etnografija». Rakstu kraujums. VII. Riga, 1966. 167 с., 38 табл. «Сов. этнография», 1967, № 6, с. 147—150.

Составитель Р. В. Каменецкая

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» В 1968 ГОДУ

Статьи

- Г. П. Васильева /Москва/. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане /1, 3/.
- Л. Н. Чижикова /Москва/. Об этнических процессах в восточных районах Украины /По материалам экспедиционного обследования /1, 18/.
- В. И. Санаров /Новосибирск/. Элементы древних верований в религии цыган /1, 32/.
- И. М. Золотарева, А. Г. Башлай /Москва/. Серологические исследования в Якутии. /1, 46/.
- Ю. П. Аверкиева /Москва/. Изменения в экономике и социальной жизни индейцев Северной Америки под воздействием колонизации /1, 56/.
- М. Я. Берзина /Москва/. Этнический состав населения Канады /Этно-статистическое исследование/ /1, 71/.
- Л. Темирганов /Душанбе/. О некоторых спорных вопросах этнической истории хазарского народа /1, 85/.
- И. А. Крывелев /Москва/. Маркс и некоторые проблемы этнографии /К 150-летию со дня рождения К. Маркса/ (2, 3).
- Б. В. Андрианов /Москва/. Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс /2, 22/.
- В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей /Москва/. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей /2, 35/.
- Ю. А. Колосова /Москва/. Особенности урбанизации негритянского населения США /2, 46/.
- Р. Лопес-Вальдес /Гавана/. Индейцы на Кубе /2, 56/.
- А. А. Воронов /Москва/. Этнография основных типов гаптоглобина—сывороточного белка крови /2, 69/.
- Б. Н. Путилов /Ленинград/. Современное состояние славистической фольклористики /3, 3/.
- Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева /Москва/. Использование анкетно-статистических данных при этнографическом изучении города /3, 16/.
- К. Вилкун /Хельсинки/. Народная культура Финляндии /Хозяйство, постройки, средства передвижения/. /3, 27/.
- А. А. Онохов /Москва/. Вовлечение общинной знати Берега Слоновой Кости в товарное производство /3, 37/.
- А. А. Зубов /Москва/. О расово-диагностическом значении некоторых одонтологических признаков /3, 49/.
- Ю. В. Арутюнян /Москва/. Опыт социально-этнического исследования /По материалам Татарской АССР/. /4, 3/.
- Ю. И. Мкртумян /Ереван/. Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX века /4, 14/.
- В. В. Пименов /Москва/. Чудские предания как источник по этнокультурной истории европейского Севера СССР /4, 30/.
- В. В. Гинзбург /Ленинград/. Некоторые проблемы изучения взаимосвязи расогенеза и этногенеза /4, 43/.
- Ш. А. Богина /Москва/. Некоторые вопросы развития американской нации /4, 52/.
- К. В. Чистов /Ленинград/. Фольклор и этнография /5, 3/.
- Э. К. Васильева /Ленинград/. Этнографическая характеристика семейной структуры населения г. Казани в 1967 году /По материалам социологического исследования/ /5, 13/.
- З. П. Соколова /Москва/. Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских угров /5, 25/.
- В. П. Атексеев /Москва/, Ю. Д. Беневоленская, И. И. Гохман /Ленинград/, Г. М. Давыдова, В. К. Жомова /Москва/. Антропологические исследования на Лене /5, 40/.
- В. Н. Басилов /Москва/. Некоторые пережитки культа предков у туркмен /5, 53/.
- Э. Л. Нитобург /Москва/. Субурбанизация и негритянское гетто в США /5, 65/.
- Ю. И. Семенов /Москва/. Льюис-Генри Морган: легенда и действительность (К 150-летию со дня рождения) /6, 3/.

- К. И. Козлова /Москва/. Специфика этнической общности марийцев в период присоединения к России /6, 25/.
- Н. Г. Волкова /Москва/. Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX века. /6, 39/.
- А. В. Смоляк /Москва/. К вопросу об истории Приморья в XVI — начале XVII века /6, 52/.
- И. Е. Синицына /Москва/. Новое и традиционное в праве Танзании /6, 58/.
- М. А. Членов /Москва/. К этнической характеристике современного населения Молуккских островов. /6, 70/.
- Канти Покраси /Калькутта/. О некоторых социально-исторических факторах, влияющих на соматические особенности бенгальских брахманов /6, 84/.

Дискуссии и обсуждения

- Л. П. Лашук /Москва/. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов /1, 95/.
- В. А. Жучкевич /Минск/. К вопросу о балтийском субстрате в этногенезе белорусов /1, 107/.
- Н. А. Кисляков /Ленинград/. По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической /клановой/ организации /2, 87/.
- Н. А. Бутинов /Ленинград/. Община, семья, род /2, 91/.
- С. И. Вайнштейн /Москва/. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов /До начала XX века/ /3, 60/.
- Г. И. Пелих /Томск/. О методе научной классификации сибирских петроглифов /3, 68/.
- Г. В. Шелепов /Пермь/. Общность происхождения — признак этнической общности /4, 65/.
- Ю. И. Семенов /Москва/. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности /по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической /клановой/ организации /4, 75/.
- М. Я. Гринблат /Минск/. К происхождению белорусской народности (По поводу теории субстрата /5, 79/.
- А. И. Робакидзе /Тбилиси/. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа /В связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи/ /5, 93/.
- А. А. Шенников /Ленинград/. Распространение животноводческих построек у народов Европейской России /К дискуссии об агроэтнографии/ /6, 99/.

Сообщения

- Н. А. Дворникова /Москва/. Русские и украинские традиции в одежде населения северо-восточных районов Украины /По материалам экспедиции в Сумскую и Харьковскую области/ /1, 114/.
- В. Н. Белицер /Москва/, В. А. Балашов /Саранск/. Некоторые особенности современного этнического развития мордовского народа /1, 122/.
- М. Э. Прокодь /Таллин/. О работе местных корреспондентов фольклорного отдела Литературного музея АН Эстонской ССР /1, 126/.
- С. И. Сагитов /Нукус/. К вопросу о локализации легендарной местности Жидели — Байсун по данным ботаники /1, 130/.
- Г. Л. Хитъ /Москва/. Пальцевые узоры у населения европейской части СССР /1, 134/.
- А. Е. Винцелер /Бухарест/. Свадебный обряд у липован /1, 139/.
- В. А. Липинская /Москва/. Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края /2, 96/.
- Х. Юсупов /Ашхабад/. К происхождению туркмен — огурджалинцев /2, 106/.
- И. К. Лукшайте /Вильнюс/. Об обычае двойного выкупа за женщину по литовскому праву /2, 114/.
- П. В. Линтур /Ужгород/. Современное состояние фольклорной традиции в Закарпатье /2, 121/.
- Дж. У. Ван Стоун /Чикаго/, У. Х. Освальт /Лос-Анджелес/. Русское население на Аляске /Перспективы этнографического изучения/ /2, 128/.
- Л. А. Молчанова /Минск/. Орудия уборки зерновых и производственные постройки белорусов в конце XIX — начале XX в. /Материалы к Историко-этнографическому атласу/ /3, 77/.
- Л. Г. Гулиева /Краснодар/. К изучению топонимики Кубани /3, 93/.
- Л. В. Малиновский /Новосибирск/. Жилище немцев-колонистов в Сибири /3, 97/.
- Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймалъ /Душанбе/. Буддийский сюжет в живописи Средней Азии /К интерпретации сцены дароносцев из Аджины-Тепе/ /3, 106/.
- Н. Н. Ершов /Душанбе/. К истории развития этнографической науки в Таджикистане /4, 87/.

- А. Е. Панян /Москва/. Изменения в структуре и численности сельской семьи у армян за годы советской власти /4, 93/.
- В. И. Элашвили /Тбилиси/. Из истории конного спорта в Грузии /хевсурские скачки «цхени» в прошлом и настоящем/ /4, 104/.
- С. П. Гупта /Нью-Дели/. Обзор современного состояния первобытной археологии Индии в свете новых открытий в Средней Азии /4, 110/.
- В. А. Раноу /Душанбе/. Несколько замечаний по статье С. П. Гупты «Обзор современного состояния первобытной археологии Индии в свете новых открытий в Средней Азии» /4, 114/.
- А. А. Зубов /Москва/. О физическом типе древнейшего населения Америки /4, 118/.
- Т. А. Бернштам /Ленинград/. Ледокольная зверобойная артель поморов Зимнего Берега Белого моря /5, 105/.
- Р. Я. Рассудова /Ленинград/. Следы общинно-военной организации у узбеков /5, 111/.
- А. В. Позднеев /Москва/. Народные лирические песни XVIII века /5, 117/.
- Л. С. Грибова /Сыктывкар/. Традиционная резьба на сельских постройках коми-пермяков /6, 107/.
- К. В. Вяткина /Ленинград/. Культ коня у монгольских народов /6, 117/.
- К. П. Матвеев /Москва/. Из истории несторианства в Индии /6, 123/.

Поиски, факты, гипотезы

- Р. Л. Садоков /Москва/. Путешествие в глубь веков в поисках музыки /1, 148/.
- И. В. Бестужев-Лада /Москва/. Имя человеческое: прошлое, настоящее, будущее /Исторические тенденции развития людских имен собственных и формирование современных антропонимических зон/ /2, 132/.
- А. М. Хазанов /Москва/. Загадочная кувада /3, 113/.
- А. М. Кайгородов /Москва/. Эвенки в Трехречье /По личным наблюдениям/ /4, 123/.
- И. В. Бестужев-Лада /Москва/. Развитие представлений о будущем: первые шаги /Презентизм первобытного мышления/ /5, 123/.
- М. Баряктарович /Белград/. Травестизм у черногорцев и албанцев /6, 128/.

Хроника

- М. С. Кашуба /Москва/. Работа Института этнографии АН СССР в 1967 году /4, 132/.
- Б. А. Калоев /Москва/. В. К. Гарданов/ к 60-летию со дня рождения/ /5, 134/.

Научная жизнь

- Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков, А. В. Суперанская, М. А. Членов /Москва/. Новые исследования по ономастике. /1, 164/.
- А. А. Лебедева, С. Б. Рождественская /Москва/. Новая экспозиция Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника /1, 168/.
- Ю. А. Громов /Москва/. ЮНЕСКО и борьба против расизма /2, 144/.
- Декларация о расе и расовых предрассудках /ЮНЕСКО, Париж, 26 сентября, 1967 г./ /2, 149/.
- Б. Н. Путилов /Ленинград/. XIV Конгресс фольклористов Югославии /2, 152/.
- Ю. П. Авркиева /Москва/. Индийский павильон на ЭКСПО-67. /2, 154/.
- С. И. Брук, Г. Г. Стратанович /Москва/. К VIII Международному конгрессу антропологических и этнографических наук. /3, 124/.
- Н. Н. Грацианская /Москва/. Конференция по изучению культуры и быта населения Карпат. /3, 128/.
- С. А. Токарев /Москва/. Этнографические наблюдения во Франции /3, 131/.
- Л. С. Шейнбаум /Москва/. Расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное международному дню борьбы против расизма /4, 141/.
- М. С. Иванов /Москва/. Поездка в Иран. /4, 144/.
- Н. С. Полищук /Москва/. Сессия, посвященная итогам полевых этнографических и археологических исследований 1967 года. /5, 137/.
- Н. В. Новиков /Ленинград/. Научная конференция «Фольклор и этнография». /5, 143/.
- С. И. Брук, С. А. Токарев /Москва/. Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран. /5, 149/.
- А. М. Решетов /Ленинград/. Вторая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР /6, 133/.
- Е. Шагалов /Душанбе/. Сессия «Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР» /6, 136/.
- Д. Д. Тумаркин /Москва/. Первая всесоюзная конференция океанистов и австраолов /6, 140/.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- В. Г. Бойко /Киев/. К итогам десятилетнего пути /О современной тематике в журнале «Народна творчість та етнографія» /1, 174/.
- А. И. Робакидзе /Тбилиси/. Новые исследования по истории социальной организации армян /2, 157/.
- Э. Г. Александренков /Москва/. История изучения кубинскими учеными коренного населения Кубы. /5, 153/.
- С. А. Маретина /Ленинград/. Изучение общественного строя у малых народов Северо-Восточной Индии /6, 144/.

Общая этнография

- С. А. Арутюнов /Москва/. Völkerkunde für jedermann /3, 143/.
- В. Е. Гусев /Ленинград/. Труды славистической конференции фольклористов /3, 145/.
- В. И. Козлов /Москва/. М. С. Авербух. Законы народонаселения докапиталистических формаций /4, 155/.
- А. М. Хазанов /Москва/. «Разложение родового строя и формирование классового общества» /4, 158/.
- Б. О. Долгих, А. И. Першиц /Москва/. Основы этнографии. Учебное пособие /5, 160/.
- Я. М. Свет /Москва/. The Journals of captain James Cook on his voyages of discovery. The voyage of the resolution and discovery, 1776—1780 /5, 163/.
- Ю. П. Аверкиева /Москва/. А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества /6, 152/.

Народы СССР

- Т. И. Алексеева /Москва/. И. И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита /Антропологический очерк/ /1, 178/.
- Н. А. Кисляков /Ленинград/. Культура и быт казахского колхозного аула /1, 181/.
- Н. Г. Волкова, А. Г. Трофимова /Москва/. Г. А. Сергеева. Арчинцы /1, 184/.
- Х.-М. Хашаев, А. Р. Шихсаидов /Махач-Кала/. Л. И. Лавров. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. 1. /1, 186/.
- М. Е. Федорова /Москва/. «Русское народное творчество» /2, 162/.
- Л. И. Лавров /Ленинград/. П. М. Дебиров. Резьба по камню в Дагестане /2, 164/.
- Н. А. Алексеев /Москва/. М. Я. Жорницкая. Народные танцы Якутии /2, 165/.
- Х. Аргынбаев, Е. Дильмухамедов /Алма-Ата/. У. Х. Шалкенов. Казахи низовьев Аму-Дарьи /К истории взаимоотношений народов Каракалпакии в XVIII—XX вв. /3, 147/.
- В. В. Пименов /Москва/. Ю. А. Савватеев. Рисунки на скалах /3, 150/.
- В. А. Туголуков /Москва/. Ю. Б. Стракач. Народные традиции и подготовка современных промыслово-сельскохозяйственных кадров. Таежные и тундровые районы Сибири /3, 150/.
- В. Я. Пропп /Ленинград/. Русский фольклор. Библиографический указатель, вып. II, /1917—1944 гг./ вып. III (1960—1965 гг.) /3, 153/.
- Е. П. Бусыгин /Казань/. «Кубанские станицы. Этнические и культурнобытовые процессы на Кубани», /4, 161/.
- В. П. Алексеев /Москва/. Г. П. Зиневич. Очерки палеоантропологии Украины /4, 165/.
- М. М. Блиев /Орджоникидзе/. Б. А. Калоев. Осетины /Историко-этнографическое исследование/ /4, 167/.
- Т. Б. Долгих /Москва/. В. Е. Носов. Социально-экономическое развитие народов Енисейского Крайнего Севера /5, 165/.
- Г. В. Цулая /Москва/. Осетины глазами русских и иностранных путешественников /5, 168/.
- С. Н. Плужникова /Москва/. Belorussische Volksmärchen /5, 170/.
- Н. А. Кисляков /Ленинград/. Л. М. Сабурова. Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX—XX век /6, 155/.
- В. К. Соколова /Москва/. Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка /6, 158/.

Народы зарубежной Европы

- Э. В. Померанцева /Москва/. E. Hexelschneider. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19 Jahrhunderts (2, 167).

Э. В. Померанцева /Москва/. *P. Nedo. Grundriss der sorbischen Volksdichtung* /3, 154/.

К. Д. Дми́тров, Г. Ташев. Село Петково /4, 170/.

Народы зарубежной Азии

А. А. Прусаускас /Москва/. *Nepali Gopal Singh. The Newars. An ethno-sociological study of a Himalayan community.* /1, 189/.

Л. В. Никулина /Москва/. *L. W. Jones. The population of Borneo. A study of the people of Sarawak, Sabah and Brunei* /2, 169/.

Г. Г. Стратанович /Москва/. Атеисты, материалисты и диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы /2, 171/.

М. В. Крюков /Москва/. *Наоэ Хироэди. Тюкогу-но миндзокугаку. /Этнография Китая/.* /3, 155/.

Г. Г. Стратанович /Москва/. Э. О. Берзин. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии /4, 173/.

М. К. Кудрявцев /Ленинград/. *M. C. Pradhan. The political system of Jats of Northern India* /5, 172/.

Народы Америки

Ш. А. Богина /Москва/. А. Н. Шлепаков. Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма /1, 192/.

Р. В. Кинжалов /Ленинград/. *Michael D. Coe. The Maya* /1, 195/.

М. А. Коган /Ленинград/. «От Аляски до Огненной земли. История и этнография стран Америки» /2, 174/.

Н. Н. Грацианская, Л. Ф. Файнберг /Москва/. Новые научно-популярные книги чешских этнографов об индейцах Америки /2, 177/.

Г. В. Петрова /Москва/. *Lili de Jongh Osborne... Indian Crafts of Guatemala and El Salvador* /3, 157/.

В. И. Похвалин /Москва/. *G. G. Manizer. A expedição do academico Langsdorf no Brasil (1821—1828). Tradução de russo por Osvaldo Peralva* /3, 159/.

Б. И. Шаревская /Москва/. И. Р. Лаврецкий. Боги в тропиках. Религиозные культуры Антильских островов /5, 174/.

В. Л. Афанасьев /Ленинград/. Р. Уокон. Затонувшие материк и тайны исчезнувших племен /6, 160/.

Народы Австралии и Океании

Д. Д. Тумаркин /Москва/. П. И. Пучков. Население Океании. Этнографический обзор /2, 179/.

Я. М. Свет /Москва/. *H. R. Friis (ed.). The Pacific basin. A history of its geographical exploration* /3, 160/.

Д. Д. Тумаркин /Москва/. «Oceania», vol. I—XXXIV (1930—1964), «Bibliographies analitiques», I /4, 174/.

Народы Африки

М. А. Толмачева /Ленинград/. *Karl Schubarth-Engelschall. Arabische Berichte muslimischer Reisender und Geographen des Mittelalters über die Völker der Sahara.* /6, 163/.

Новая литература по народам Европейской части РСФСР /1960/. /1, 197/.

Новая литература по народам Украины, Белоруссии и Молдавии /2, 184/.

Новая литература по народам Средней Азии и Казахстана /3, 165/.

Новая литература по народам Кавказа /4, 176/.

Новая литература по народам Сибири и Севера /5, 176/.

Новая литература по народам Прибалтики /6, 166/.

Н. И. Воробьев /1, 203/.

Павел Иванович Кушнер /Кнышев/. /3, 178/.

Х. А. Моора /4, 184/.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. И. Семенов (Москва). Льюис Генри Морган: легенда и действительность (К 150-летию со дня рождения)	3
К. И. Козлова (Москва). Специфика этнической общности марийцев в период присоединения к России	25
Н. Г. Волкова (Москва). Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX—XX века	39
А. В. Смоляк (Москва). К вопросу об истории Приморья в XVI—начале XVII века	52
И. Е. Синицына (Москва). Новое и традиционное в праве Танзании	59
М. А. Членов (Москва). К этнической характеристике современного населения Молуккских островов	70
Канти Пакраси (Калькутта). О некоторых социально-исторических факторах, влияющих на соматические особенности бенгальских брахманов	84

Дискуссии и обсуждения

А. А. Шенников (Ленинград). Распространение животноводческих построек у народов Европейской России (К дискуссии об агроэтнографии)	99
--	----

Сообщения

Л. С. Грибова (Сыктывкар). Традиционная резьба на сельских постройках коми-пермяков	107
К. В. Вяткина (Ленинград). Культ коня у монгольских народов	117
К. П. Матвеев (Москва). Из истории несторианства в Индии	123

Поиски, факты, гипотезы

М. Баряктарович (Белград). Травестизм у черногорцев и албанцев	128
--	-----

Научная жизнь

А. М. Решетов (Ленинград). Вторая ежегодная научная сессия в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР	133
Е. Шагалов (Душанбе). Сессия «Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР»	136
Д. Д. Тумаркин (Москва). Первая всесоюзная конференция океанистов и австраловедов	140

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

С. А. Маретина (Ленинград). Изучение общественного строя у малых народов Северо-Восточной Индии	144
---	-----

Общая этнография

Ю. П. Аверкиева (Москва). А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. История первобытного общества	152
--	-----

Народы СССР

Н. А. Кисляков (Ленинград). Л. М. Сабурова. Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX—XX век.	155
В. К. Соколова (Москва). Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка	158

Народы Америки

В. Л. Афанасьев (Ленинград). Р. Уокер. Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен	160
---	-----

Народы Африки

М. А. Толмачева (Ленинград). <i>Karl Schubarth-Engelschall. Arabische Berichte muslimischer Reisender und Geographen des Mittelalters über die Völker der Sahara</i>	163
Новая литература по народам Прибалтики	166
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Советская этнография» в 1968 году	169
На первой странице обложки: <i>Девушки в эстонских национальных костюмах (фото АПН)</i>	

SOMMAIRE

Y. I. Seménov (Moscou). L.-H. Morgan: légende et réalité (à l'occasion du 150-ème anniversaire de naissance	3
K. I. Kozlova (Moscou). Les traits ethniques spécifiques des Mariis à l'époque de leur réunion avec la Russie	25
N. G. Volkova (Moscou). Changements dans la population urbaine en Transcaucasie (fin du XIX-e — XX-e ss.)	39
A. V. Smoliak (Moscou). Sur l'Histoire du Primorié (XVI-e commencement du XVII-e ss.)	52
I. G. Sinitsyna (Moscou). Le nouveau et le traditionnel dans le droit de la Tanzanie	58
M. A. Tchlenov (Moscou). Sur la caractéristique ethnique de la population de Moluccas	70
Kanti Pakrasi (Calcutta). Les traits somatiques des brahmans de Bengale dûs à certains faits socio-historiques	84

Discussions et délibérations

A. A. Chennikov (Leningrad). Les constructions d'élevage répandues chez les peuples de la Russie Européenne (Sur la discussion de l'ethnographie agraire)	99
---	----

Communications

L. S. Gribova (Syktyvkar). Sculpture de bois, décor traditionnel des bâtiments dans les villages de Komis-Permiaks	107
K. V. Viatkina (Léningrad). Culte de cheval chez les peuples mongoliques	117
K. P. Matveyev (Moscou). De l'histoire du nestorianisme en Inde	123

Recherches, faits, hypothèses

M. Barjaktarovič (Belgrade). Travestisme chez les Monténégrins et Albanais	128
--	-----

Vie scientifique

A. M. Réchétoy (Léningrad). Deuxième session annuelle scientifique de la section de Léningrad de l'Institut d'ethnographie de l'Académie des sciences de l'URSS	133
E. Chagalov (Douchanbé). Session consacrée aux problèmes actuelles de l'édification nationale et politique en URSS	136
D. D. Toumarkine (Moscou). La première conférence des océanistes et des australistes de l'URSS	140

Critique et bibliographie

Articles et aperçus de critique

S. A. Maretina (Léningrad). Etude du régime social des petits peuples de l'Inde du nord-est	144
---	-----

Ethnographie générale

Y. P. Averkiyeva (Moscou). <i>A. I. Perchitz, A. L. Mongait, V. P. Alekséyev.</i> Histoire de la société primitive	152
Peuples de l'URSS	
N. A. Kisliakov (Léningrad). <i>L. M. Sabourova.</i> Culture et mode de vie de la population russe de régions d'Angara (fin du XIX-e—XX-e ss.)	155
V. K. Sokolova (Moscou). Folklore au pays natal de D. N. Mamine-Sibiriak	158

Peuples de l'Amérique

V. L. Afanasiev (Léningrad). <i>R. Wokop.</i> Les continents sombrés et les mystères des tribus disparues	160
--	-----

Peuples de l'Afrique

L. M. Tolmatcheva (Léningrad). <i>Karl Schubarth-Engelschall.</i> Arabische Berichte muslimischer Reisender und Geographen des Mittelalters über die Völker der Sahara	163
--	-----

Littérature nouvelle sur les peuples baltiques	166
--	-----

Indicateur des articles et matériaux publiés dans la revue «Ethnographie Soviétique» en 1968	169
---	-----

Sur la couverture: jeunes filles en costumes nationaux estoniens (Photo APN)

Технический редактор *Е. И. Гришина*

Сдано в набор 13/IX-1968 г.	Т-16264.	Подписано к печати 30/XI-1968 г.	Тираж 1985 экз.
Зак. 5355.	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆ .	Усл. печ. л. 15,4.	Бум. л. 5 ¹ / ₂ .
			Уч.-изд. л. 17,5.